

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

**«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 1 (7)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2011**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (7)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2011**

Редакционный совет:

Рябов В.В.

председатель

ректор ГОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук,
профессор, член-корреспондент РАО

Атанасян С.Л.

проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук,
профессор

Русецкая М.Н.

проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Радченко О.А.

главный редактор

проректор по международным связям и сопровождению Болонского процесса
ГОУ ВПО МГПУ, директор Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

зам. директора Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ по науке
и международной деятельности, доктор филологических наук, профессор

Аликаев Р.С.

зав. кафедрой немецкого языка Института филологии Кабардино-Балкарского
государственного университета им. Х.М. Бербекова,
доктор филологических наук, профессор

Афанасьева О.В.

декан факультета английской филологии, зав. кафедрой английской филологии
Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор

Барышников Н.В.

профессор Пятигорского государственного лингвистического университета,
доктор педагогических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент

Вострикова О.В.

секретарь

Дубинин С.И.

зав. кафедрой немецкой филологии Самарского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор

Дюжикова Е.А.

профессор Одинцовского гуманитарного университета,
доктор филологических наук, профессор

Киров Е.Ф.

зав. кафедрой русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор

Костева В.М.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Курдюмов В.А.

декан факультета востоковедения, зав. кафедрой китайского языка
Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор

Рыжова Л.П.

профессор Московского гуманитарного педагогического института,
доктор филологических наук, доцент

Савицкий В.М.

профессор Самарского государственного педагогического университета,
доктор филологических наук, профессор

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

зав. кафедрой западноевропейских языков и переводоведения
Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор

Щепилова А.В.

декан факультета романо-германской филологии, зав. кафедрой романской
филологии Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор

Языкова Н.В.

зав. кафедрой теории и методики обучения иностранным языкам
Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Баранова К.М.* Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу 8
- Морженкова Н.В.* Идеология и повседневность в романе Г. Стайн «Миссис Рейнольдс» 14

Германская филология

- Собянина В.А.* К вопросу о детерминации лексики в современном немецком языке..... 22
- Титова О.А.* Английские фразеологизмы-антропонимы как средства наименования профессиональных групп 31

Романская филология

- Маркосян А.С.* Артикль как показатель предикации 36
- Михайлова Е.Н.* *Studia litterarum* в научном наследии Шарля Этьена (1504?–1564) 44
- Ходькова А.П.* К вопросу о французских аналогах русской структуры глагол + беспредложное имя в творительном падеже 52

Теория языка

- Костева В.М.* Европейские проекты реформ орфографии..... 59

Языковое образование. Межкультурная коммуникация

- Корзун О.О.* Принципы организации самостоятельной работы будущих переводчиков в целях совершенствования темпа речи 68
- Фетисова А.А.* К вопросу об объёме лексического запаса студентов языкового педагогического вуза 75

Трибуна молодых ученых

- Абрамова Г.С.* Роль фонетических средств в формировании образа представителя современной британской поп-культуры 81

<i>Ахмерова А.В.</i> Динамика развития функциональных свойств глаголов с семантикой «делать»	87
<i>Балкунова А.С.</i> Никнейм — неологизм или окказионализм?	92
<i>Ионова А.М.</i> Лингвокультурологический подход к обучению профессиональному общению студентов-международников	97
<i>Кулагина О.А.</i> Этносемиотрический анализ слова <i>étranger</i> (диахронический аспект)	102
<i>Михайлова С.В.</i> Литературный салон XVII века как фактор паратопии	108
<i>Синицына М.А.</i> Комплексная экспертиза текста как междисциплинарное контекстуальное исследование: постановка вопроса	114
<i>Чикало Н.А.</i> «Синтаксическая лаборатория», или Роль аналогии в объяснении фактов диахронического синтаксиса: резульативная конструкция английского языка	120

Наши зарубежные коллеги

<i>Хофманн З.</i> Воспитание толерантности — мастер-класс работы с книгой «1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены»	126
---	-----

Научная жизнь

<i>Дьячков М.В.</i> Парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы»	130
<i>Твердохлебова И.П., Арямова Ю.А.</i> Вторая Белградская международная конференция специалистов по фонетике английского языка — ВІМЕР 2010	133
<i>Викулова Л.Г.</i> Диссертации, защищённые в Докторском диссертационном совете ДМ 850.007.08 Института иностранных языков МГПУ (2009–2010 гг.)	135

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2011, № 1 (7)

Требования к оформлению статей	143
---	-----

CONTENTS

Literary Studies

- Baranova K.M.* Main Leitmotifs of Pre-national Literature and Their Influence on Modern American Literature 8
- Morzhenkova N.V.* Ideology and Everyday Life in G. Stein's Novel «Mrs. Reynolds»..... 14

Germanic Languages

- Sobyanina V.A.* On the Process of Special Vocabulary Determinologisation in the Modern German Language 22
- Titova O.A.* English Phraseological Units Signifying Individuals as Means of Forming Names of Professional Groups 31

Roman Languages

- Markosyan A.S.* The Article as a Predication Indicator 36
- Mikhailova E.N.* Studia Litterarum in Charles Estienne's Scientific Heritage (1504?–1564) 44
- Khodkova A.P.* To the Problem of French Equivalents of the Russian Construction «Verb + Noun without Preposition in Instrumental Case» 52

Linguistics

- Kosteva V.M.* European Projects of Spelling Reforms 59

Language Teaching Methodology. Cross-cultural Communication

- Korzun O.O.* The Principles for the Model of Students' Speech Tempo Improving Do-it-yourself Work..... 68
- Fetisova A.A.* Reflections on the Vocabulary Development of L2 Students in Teacher Training Institutes..... 75

Young Scientists' Platform

<i>Abramova G.S.</i> The Role of Phonetic Means in Forming the Image of a Pop Culture Representative	81
<i>Akhmerova A.V.</i> Dynamics of Development of the Verbs Functional Features with the Notion «Performing an Action».....	87
<i>Balkunova A.S.</i> The Nickname: Neologism or Occasionalism?.....	92
<i>Ionova A.M.</i> Linguocultural Approach to Professional Communication Teaching to International Affairs Students.....	97
<i>Kulagina O.A.</i> The Ethnosemiometric Analysis of the French Word <i>Étranger</i> (Diachronical Aspect).....	102
<i>Mikhailova S.V.</i> The XVII Century Literature Salon as a Paratopie Factor.....	108
<i>Sinitsyna M.A.</i> The Problem of Complex Linguistic Expertise of the Text as Unifying Contextual Research	114
<i>Tchikalo N.A.</i> «The Syntactic Laboratory» or the Role of Analogical Extensions in Explaining the Facts of Diachronic Syntax: the Resultative Construction in the English Language	120

Our Colleagues from Abroad

<i>Hofmann S.</i> Tolerance Training. A Master Class in Discussing the Book «1989. Ten Stories that Broke through the Walls».....	126
---	-----

Information

<i>Dyachkov M.V.</i> Diversity of Languages in the Russian Federation: Problems and Perspectives	130
<i>Tverdohlebova I.P., Aryamova Yu.A.</i> The Second Belgrade International Meeting of English Phoneticians — BIMEP 2010	133
<i>Vikulova L.G.</i> Theses Defended in the Doctoral Theses Council DM 850.007.08 of Modern Languages Institute, MCPU (2009–2010)	135

«MGPU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» 2011, № 1 (7).....	139
--	-----

Style Sheet.....	143
------------------	-----

К.М. Баранова

Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу

В статье исследуется развитие таких ведущих лейтмотивов американской словесности колониального периода, как провиденциальность, избранность, дикие просторы, негреховность, трудолюбие, свобода и равенство, которые рассматриваются как важные составляющие национального самосознания. В работе также анализируется их влияние на развитие современной литературы США.

The article deals with the development of such leading motifs of colonial American literature as providence, worthiness, wilderness, innocence, industry, freedom and equality which are treated as important constituent parts of the national self-consciousness. The article also stresses their influence on the literary works of modern literature in the USA.

Ключевые слова: символизм; лейтмотив; влияние; эволюция; мифология.

Key words: symbolism; leitmotif; influence; evolution; mythology.

Американская словесность XVII века в Новой Англии — уникальное, самобытное явление, характеризующееся ярко выраженной религиозной направленностью. Это прежде всего богословские трактаты, дневники, проповеди, хроники талантливо пишущих колонистов. Подчеркнём, что вся эта «небеллетристическая» литература опиралась на европейские, преимущественно английские, культурные традиции и обладала определённой художественностью. Стараясь наставить своих читателей на путь истинный, обучить их, разъяснить значимые для пуританского мировоззрения факторы, литераторы раннеколониального периода пытались сделать свои работы привлекательными для современников. Можно утверждать, что целые страницы текстов, созданные в это время, полны эмоционального накала и весьма живописно повествуют о том, что происходило в повседневной жизни переселенцев. Эти сочинения не могли оставить их читателей-современников равнодушными. Данный вывод правомерен как для работ про-

заического характера (Уильям Брэдфорд, Джон Смит, Джон Уинтроп, Эдвард Джонсон, Коттон Мэзер и др.), так и для стихотворных произведений (Анна Брэдстрит, Майкл Уигглзворд, Эдвард Тейлор) [2].

Дидактизм сочинений зарождающейся американской литературы также возможно рассматривать в качестве её характерной черты. Авторы колониального периода своими произведениями пытались поддержать членов общин в выполнении возложенной на них Господом высокой миссии, старались научить их тому, как противостоять тяжким испытаниям и невзгодам. Одновременно с этим, предостерегая переселенцев от неугодных Богу деяний, первые новоанглийские литераторы старались показать им перспективы свершений, убедить их в том, что, переселившись в Новый Свет, они сделали правильный выбор.

Пишущие колонисты пытались анализировать происходящие события и интерпретировать их согласно своим убеждениям, что приводило к необходимости помещать нравоучения в текстах. Являясь объективными свидетельствами соответствующей эпохи, эти сочинения сочетали в себе гражданский и политический пафос, элементы художественности, а также выступали в качестве литературных форм, характерных для общества с пуританским мировоззрением.

Проводя не осознаваемую ими до конца столь кропотливую и сложную аналитическую работу, первые авторы колониального периода считали себя и своих современников-пуритан причастными к схватке извечных сил добра и зла. Они стремились противостоять последним, оказывая им жёсткое сопротивление, пытаясь обрести состояние чистоты и негреховности (INNOCENCE). Достичь поставленной перед ними цели, с их точки зрения, было возможно, прежде всего совершая ежедневную работу — как физическую, так и духовную, направленную на очищение истинной веры от скверны. Таким образом, трудолюбие (INDUSTRY) почиталось в общинах и было крайне необходимым качеством при строительстве нового общества, основанного на идеях свободы (FREEDOM) и равенства (EQUALITY). Возведение же *Града на Холме* воинами войска Христового, к которым пуритане относили себя, происходило на враждебных и диких неосвоенных территориях (WILDERNESS), заселённых, как они полагали, слугами дьявола, с которыми следовало бороться и одновременно обращать их в истинную веру, что было под силу далеко не всем.

Выполнить столь сложную миссию, возложенную на них Всевышним, по мнению идеологов пуританизма, могла лишь небольшая группа людей, отмеченная печатью достоинства и избранности (WORTHINESS). Естественно, что собственная принадлежность к этой группе переселенцев воспринималась ими как аксиома, ибо именно они были избраны (ELECT) Господом для претворения в жизнь столь великих замыслов. Отсюда логично вытекает желание пишущих колонистов в чём-то похвалить современников, позитивно оценить их роль в выполнении поставленной задачи. Причисление себя к избранному народу, безусловно, возвышало их в собственных глазах, усиливало положительную оценку происходящего, что было крайне необходимо, ибо не давало повода жителям пер-

вых поселений усомниться в правильности выбранного пути, оправдывало необходимость терпеть те бедствия и лишения, с которыми им пришлось столкнуться, особенно в самом начале освоения новых территорий.

Поскольку в основе пуританского мировоззрения находилось известное положение Кальвина о промыслительности всего происходящего, о невозможности человека повлиять на свою судьбу, провиденциальность (PROVIDENCE) рассматривалась в качестве основополагающей доктрины. Желание истолковать обычные житейские поступки как результат воли Всевышнего можно отметить во многих произведениях XVIII века, в частности, в «Of Plymouth Plantation», «Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson», «Journal», «The Wonder-working Providence of Sion's Saviour in New England» [2: p. 13–50]. Авторы пытались усмотреть Божий промысел во всём. Они старались раскрыть смысл того или иного события, проинтерпретировать его и, в конечном счёте, убедить читателя в том, что все поступки людей на земле — акт проявления воли Господа, следовательно, они заранее предрешены.

В результате вышесказанного можно обосновать тезис о символизме как необходимой характеристике первых произведений американской словесности. Подчеркнём при этом, что, воспроизводя и интерпретируя мельчайшие детали своей жизни, авторы колониального периода зачастую выдавали желаемое за действительное, что позволяет сделать вывод об отражении реальных событий в исследуемых текстах зачастую на грани символики мифа.

Становление американской нации происходило в двух планах — реальном и мифологическом. С одной стороны, создаваемая на берегах североамериканского континента нация переживала трагические события. Переселенцы были изгнаны со своей исторической родины. Они мужественно перенесли многочисленные испытания, героически противостояли грубой силе, лишениям и невзгодам. Их жизнь и борьба, запечатлённые на страницах дневников и хроник, весьма поучительны, вызывают заслуженное чувство восхищения и гордости у их потомков. Но рядом, на тех же страницах, параллельно с детальным описанием происходивших с ними событий можно обнаружить мифы, которые они слагали о себе, где находила отражение их мечта о будущем.

Заметим, что в этом американцы мало чем отличаются от других наций. Так, например, мечтания древнерусских людей находят своё отражение в устном народном творчестве, в частности в героических былинах и сказках. Американские же авторы раннеколониального периода пытались выразить чаяния своего народа в притчах, легендах, имеющих мифологические основания. Подобные произведения словесности и отображаемые в них людские поступки можно оценить с различных точек зрения. Во-первых, излагаемые в текстах факты, реальные и воображаемые истории помогали выработать чувство самодисциплины и соответствия поставленным высоким целям. Во-вторых, то,

что колонисты читали, давало им весьма позитивный заряд. Они видели в литературных зарисовках и хрониках отражение своей жизни и черпали в них силы противостоять окружающему сложному миру. В-третьих, что весьма существенно, пишущие колонисты, оценивая своих современников, поднимали их до уровня героев библейских сюжетов и тем самым создавали комплиментарную историю своей нации.

Исходя из всего вышесказанного, можно говорить, с одной стороны, о наличии художественной функции проанализированных произведений раннеамериканской литературы, а с другой — утверждать, что выделенные для анализа семь лейтмотивов, многократно фиксируемых в сочинениях авторов американской словесности XVII века — *providence, worthiness, industry, wilderness, freedom, equality, innocence* — имеют все основания рассматриваться в качестве ведущих. Сами же ранние сочинения указанного периода вполне правомерно расценивать как основу американского литературного наследия.

Подчеркнём также, что перечисленные выше лейтмотивы не существуют в отрыве один от другого. Все они взаимосвязаны, причём правомерно даже говорить о том, что возникновение одного лейтмотива может определяться потребностями другого или вытекать из интерпретации третьего и т.д. Так, повторимся, лейтмотив *трудолюбия* возникает в сочинениях XVII века, поскольку доктрина *предопределения*, лежащая в основе пуританизма как религиозно-философского учения, требовала от его последователей не просто созерцания происходящего в мире, а активного участия в жизни и строительстве нового общества. Создавать это общество, выступая прежде всего за *свободу* вероисповедания, могли только *негреховные, чистые* в своих помыслах люди, цель которых — насаждать на *диких просторах* единственно правильную религию, борясь с силами зла, искореняя грех, часто выдвигая идею *равенства* как основу будущего мироустройства. Выполнить подобное могли, с их точки зрения, только *избранные* Всевышним люди. Взаимосвязь всех этих лейтмотивов самоочевидна. Можно сказать, что каждый из них в известной степени входит составной частью во все остальные.

Заметим также, что проанализированные лейтмотивы не являют собой раз и навсегда застывшие категории, воспринятые переселенцами на заре их обустройства на североамериканских территориях. Напротив, очевидна явная эволюция в понимании провозглашённых идеологами пуританизма тезисов. В некоторых случаях на протяжении XVII века в интерпретации анализируемых лейтмотивов (например, *freedom, equality, innocence, worthiness*) наблюдаются значительные изменения, и они начинают рассматриваться как собственные антиподы. Так, например, упрочив своё положение на новых землях, достигнув желаемой свободы вероисповедания, американские пуритане столь ревностно проводили в жизнь идею единственно истинной религии (читай — пуританизма), что, по существу, отказали остальным людям в праве исповедовать другие религии. Инакомыслие начинает преследоваться

и сурово наказываться в пуританских общинах. Следовательно, правомерно говорить о перевоплощении *гонимых* в *гонителей*, не желающих ничего слышать о толерантности по отношению к тем, кто отличается от них своими убеждениями. Аналогичные трансформации можно усмотреть и в понимании колонистами сущности физической свободы. Оправдывая институт рабства на своей родине, они фактически свели на нет провозглашённый ими лозунг борьбы за свободу в начале XVII столетия.

Метаморфозы, происходящие с трактовкой категорий избранности и невинности, также весьма показательны. Провозгласив себя избранным Господом народом, колонисты заявили о своей исключительности, а затем абсолютизировали это качество, поставив себя и всю нацию над всеми прочими. Это достаточно рельефно выражено в современной мифологеме американцев как нации избранных, миссия которой — указывать путь развития всем иным государствам. Данное положение уходит своими корнями в те далёкие годы XVII века, когда отцы-пилигримы идентифицировали себя и создаваемое ими общество с золотым веком мироздания, а посему — до сих пор многие граждане США глубоко убеждены, что именно их страна представляет собой некий компас, указывающий всем жителям Земли, в каком направлении двигаться, чтобы войти в золотой век будущего, где будут свобода и справедливость для всех живущих («*liberty and justice for all*») [3].

Однако подобные лозунги во многом оказываются лишь провозглашёнными, но не внедрёнными в жизнь. Истоки данного противостояния *желаемое versus действительное* можно также усмотреть в сочинениях колониального периода, когда громко заявленные отцами-пилигримами векторы развития создаваемого общества, по существу, отвергались, а их место занимали прямо противоположные постулаты. Созданный американцами миф о себе как о нации, характеризующейся «невинностью» и чистотой помыслов (*the myth of the innocent nation*), во многом, подобно щиту, укрывает её от реальности XXI века, что в наши дни становится совершенно очевидным для многих. Американская версия справедливости и свободы для всех, продекларированная как благо в XVII веке, в наше время представляется сомнительной с точки зрения того, как она претворяется в жизнь.

Беглый взгляд на исторические события прошлого убеждает: во многих случаях то, что провозглашалось как благое дело, незапятнанность, чистота и невинность, трансформировалось в свою явную противоположность. На самом деле ревностные борцы за свободу и равенство, за невинность и чистоту достаточно часто подавляют и угнетают тех, чьи взгляды противоречат, по их мнению, их точке зрения.

Парадоксально, но *невинные* в этом случае сами становятся *виновными*. Представляется, что это характерно для человечества в целом, и для жителей США в частности. Наблюдать подобные метаморфозы возможно, исследуя лейтмотивы раннеамериканской словесности. По сути, последующим поколениям передаются мифы, которые нация создала и которыми она живёт, при-

способливая их к изменяющимся условиям жизни, требованиям времени. Эти мифы развиваются и закрепляются в литературе. Они же дают возможность уклониться от необходимости осознать свою вину, выявить истинные причины поступков и достоверно их интерпретировать.

Как это ни странно, но, чем более человек удовлетворён своим предназначением, чем с большим апломбом и самодовольством он воспринимает себя как носителя истинной добродетели и невинности, тем скорее подобный индивид имеет основание превратиться в свой антипод и стать вместилищем реального зла или порока. Эта тенденция была метко подмечена Рейнхольдом Нейбуром (Reinhold Niebuhr): «*The ironic tendency of virtues to turn into vices when too complacently relied upon*» [1: с. 133].

Подчеркнём, что реальное положение дел в мире не может быть сведено только к противостоянию добра и зла. Кроме того, немаловажно, что те, кто абсолютизируют национальные мифы США, чаще всего принадлежат к влиятельным и привилегированным кругам общества, в то время как интересы беднейших слоев населения и маргиналов не учитываются, а потому в эти мифы практически никогда не включаются.

Заметим также, что все рассмотренные лейтмотивы *providence, worthiness, wilderness, innocence, industry, freedom, equality*, появившись в «небеллетристической» литературе колониального периода, переходят как важные составляющие в американскую публицистику XVIII века и продолжают развиваться в произведениях художественной литературы последующих столетий.

Библиографический список

Источники

1. *Niebuhr R. The Irony of American History* / R. Niebuhr. – New York: Charles Scribner's Sons, 1952. – 174 p.
2. *Stern M.R. American Literature Survey: Selections of Literature* / Ed. by M. R. Stern. – New York: The Viking Press, 1962. – 614 p.
3. U.S. Constitution Online — Amendment 1. – URL: http://www.usconstitution.net/xconst_Am1.html.

References

Istochniki

1. *Niebuhr R. The Irony of American History* / R. Niebuhr. – New York: Charles Scribner's Sons, 1952. – 174 p.
2. *Stern M.R. American Literature Survey: Selections of Literature* / Ed. by M. R. Stern. – New York: The Viking Press, 1962. – 614 p.
3. U.S. Constitution Online — Amendment 1. – URL: http://www.usconstitution.net/xconst_Am1.html.

Н.В. Морженкова

Идеология и повседневность в романе Г. Стайн «Миссис Рейнольдс»

Статья посвящена анализу взаимодействия бытового и политического дискурсов в романе Г. Стайн «Миссис Рейнольдс». В работе рассматриваются способы кодировки «военных» политических подтекстов в «бытовых» фрагментах произведения. Автор исследует, как на поэтологическом уровне в романе раскрывается тема соотношения языка, массового сознания, индивидуального бытия и авторитарного дискурса власти.

The article examines the interplay between political and everyday life discourses in G. Stein's novel «Mrs. Reynolds» with the specific emphasis on their relationship to the writer's ideas of human identity. Interpreting the political subtexts, the article explores how the novel promotes the images of constructed political realities deeply rooted in the everyday life context. The paper prompts reflections on G. Stein's understanding of the relationship between political images, language, totalitarian regime and its influence on people's life.

Ключевые слова: авангардистский политический роман; повседневность; тоталитарный дискурс власти; художественные образы политиков; мотив сакрализации власти.

Key words: avant-garde political novel; everyday life; totalitarian regime; novelistic images of politicians; sacred meanings in a political shape.

Роман «Миссис Рейнольдс» («Mrs. Reynolds»), написанный Гертрудой Стайн во время Второй мировой войны в оккупированной Франции, — это своеобразный авангардистский политический роман, в котором писательница ставит вопрос о взаимодействии между базисными аспектами повседневности как формами пребывания современного ей человека в мире и тоталитарным политическим дискурсом [2]. Ученица основателя американского прагматизма У. Джеймса, исследовавшего, как жизненная прагматика человека проявляется в повседневности, Г. Стайн превращает повседневность в ключевой принцип своего художественного миропонимания. В романе «Миссис Рейнольдс» быт и бытовое слово оказываются механизмами самосохранения человека и культуры во время войны. Само название произведения читается как аллюзия к стихотворению английского романтика Дж. Китса «Коту миссис Рейнольдс» («To Mrs. Reynolds's Cat», 1818), в котором кот «воспеваётся» как защитник, оберегающий дом от мышиного вторжения [1: с. 88]. Эта аллюзия акцентирует хронотоп обывательского домашнего очага, традиционно ассоциирующегося с образом кота. В романе Г. Стайн в роли щита, охраняющего миссис

Рейнольдс от войны и тоталитаризма, выступают механизмы повседневности, обеспечивающие ощущение онтологической уверенности и укоренённости.

Главные герои романа — миссис и мистер Рейнольдс — незамысловатые герои «простого» идиллического мира. Образ немудрёной жизни задаётся с первых страниц при помощи трафаретности и незатейливости их характеристик. Она описывается как милая женщина, всегда пребывавшая в добром здравии (*Mrs. Reynolds was a pretty woman and she had never been unwell*), он — как славный мужчина приятной внешности (*her husband was a nice man he looked nice and he was nice*) [2: с. 9]. Обращает на себя внимание и типичная для экспериментального стиля Г. Стайн игра с приёмами наивного письма. Так, для речевой манеры миссис Рейнольдс характерны тавтологические конструкции, имитирующие круговое движение «простого», внерационального мировосприятия (*it takes courage to be courages said Mrs. Reynolds*) [2: с. 9].

Героиня живет в мире прописных истин, над которыми она никогда не задумывается, объясняя их происхождение клишированным «так распорядились звёзды». Для неё мир самоочевиден, аксиоматически задан повседневностью, а слова являются устойчивыми мифологемами, в которых запечатлевается надрациональная, «естественная» вера в устройство бытия. Она не размышляет о жизни, а пребывает в мире как бы автоматически, что обусловлено системой мифов, представляющих собой «абсолютное знание, в котором невозможно выделение средств его получения» [9: с. 73]. Розы для неё — это розы (*Mrs. Reynolds like roses to be roses*) [2: с. 9]. В этой фразе читается самопародия на знаменитое стайновское «*A rose is a rose is a rose*» из стихотворения «Святая Эмилия» («*Sacred Emily*»), превратившаяся в своеобразный символ экспериментального письма писательницы [3: с. 187]. В рамках макротекста автора фраза «*Mrs. Reynolds likes roses to be roses*» звучит как своеобразный автометакомментарий. Следуя известной ахматовской метафоре, можно сказать, что писательница словно показывает, из какого «сора» «растёт» её поэтика примитивизма. Для Г. Стайн этот иной, неинтеллектуальный и безрефлективный способ «проживания» оказывается первичной формой жизни.

Семейный разговор между супругами представляет собой незатейливую беседу о самых «простых» жизненных реалиях — еда, домашняя живность, погода, рождение детей. Слово для миссис Рейнольдс тесно связано с трудовым житейским опытом. Так, ей понятна этимология слова «strawberry», обусловленная практикой подкладывать солому под ягодные кусты (*And then she said, strawberries can get wet. ...she said they were called strawberries because you put straw under them to keep them dry*) [2: с. 75]. Наивное миропонимание проявляется и в том, что супруги верят в приметы (*they often lost a dog, ...and they considered this very bad luck*) [2: с. 10]. Немудрёные знания об окружающем мире передаются от поколения к поколению. Свою крестницу мистер Рейнольдс учит предсказывать погоду по полёту птиц. Этот рассказ даётся в фольклорно-ориентированной форме. Нанизывание однотипных синтаксических единиц, многосоюзие, высокая концентрация лексических и фонетических повторов, рифмуемые слова

заставляют воспринимать этот фрагмент как авторскую стилизацию под фольклорный текст. Однако «тяжеловесная» тавтологическая конструкция, развернувшаяся на полстраницы, явно противоречит традиционной краткости народной приметы. На то, что перед нами авторская художественная вариация, основанная на игре с микрожанром приметы и ключевыми приёмами фольклорного текста, указывает и обобщающее слово латинского происхождения «insects», воспринимаемое как «чужое» в этом просторечном окружении, и пародийное сравнение птичьего полёта с барометром.

Жизнь главных героев романа — это жизнь в идиллическом мире простых радостей. М.М. Бахтин выделяет следующие общие черты идиллии: 1) «особое отношение времени к пространству», воплощающееся в «органической прикреплённости, приращённости жизни и её событий к месту»; 2) «строгая ограниченность» идиллии «основными немногочисленными реальностями жизни», к которым относятся любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда; 3) «сочетание человеческой жизни с жизнью природы» [5: с. 158–159]. В романе Г. Стайн идиллический компонент актуализируется при помощи устойчивых мотивов трудолюбия и простого труда, приносящего радость (*he was quiet and worked from morning until evening, he liked to do it*); родственных связей (*they had a sister-in-law, she had a nephew; he had a daughter-in-law and a grandson and the grandson married a widow with five children*); зависимости жизни от природы (*Mrs. Reynolds and her husband did not mind wind and rain, they did not mind heat, they did not like snow very much, it made Mrs. Reynolds stay in the house*) [2: с. 9, 23, 10].

Замкнутость идиллического мира проявляется в коллективном образе людей, взаимосвязанных родственными, приятельскими и соседскими отношениями. Но этот идиллически-фольклорный мотив общей судьбы уже на первых страницах романа даётся в неожиданно современной «страшной» вариации. Так, племянник миссис Рейнольдс и знакомый ему с детства ровесник, с которым они вместе ходили в школу, в один и тот же день погибают на войне от бомбы (*they had always known each other... they were both killed by a bomb on the same day*) [2: с. 9]. Синтаксический параллелизм акцентирует семантический «разрыв». В результате этого совмещения получается что-то вроде — «жили они вместе и умерли в один день от бомбы». Фрагмент начинается с мотива идиллической общности, которая в конце неожиданно трансформируется в образы массового истребления. Тема коллективного бытия даётся через контрастные вариации: в её идиллически-мирном измерении и ужасающе-кровавом, военном, политическом. Роман во многом строится на этом колебании. Пример — совмещение в следующих друг за другом предложениях упоминания о гастрономических предпочтениях миссис Рейнольдс, любившей картошку, с военной образностью, усиленной картинами каких-то апокалиптических природных катастроф. Любимая картошка, смерть, поражение, выстрелы, разверзающиеся небеса и потоки воды соседствует в тексте.

Военные подтексты по-разному кодируются в бытовых фрагментах. Война как диалектический вариант в свёрнутом виде всегда присутствует в «мирном» тексте. Так, вторник (день недели, когда родилась героиня) оказывается границей между миром и войной (*That was a Tuesday. That was the day they made peace from war and that was the day they made war from peace*) [2: с. 10]. Милитаристский контекстуальный смысл становится понятен, если обратиться к этимологии слова «Tuesady» (вторник). Лексема образована от староанглийского «Tiwesdæg», которое буквально обозначает «Tiw's Day». Тиваза почитался в германской мифологии как бог войны (ср. протогерманское «Tiwaz»). Таким образом, «мирный» день недели вторник как бы хранит в себе на этимологическом уровне «память» о войне.

Р. Бридгман один из первых указал на то, что в романе «Миссис Рейнольдс» в именах Ангел Харпер и Джозеф Лейн зашифрованы имена Гитлера и Сталина [10: с. 319]. Закодированные имена Гитлера и Сталина впервые упоминаются во фрагменте, в котором перечисляются многочисленные соседи и родственники. Младший брат мистера Рейнольдса и его жена Хоуп знакомы с будущим диктатором Ангелом Харпером. Здесь явно прочитывается отсылка к заурядному происхождению А. Гитлера, который родился в семье таможенного чиновника. Мать фюрера происходила из крестьянской семьи. В романе Г. Стайн делает Ангела Харпера выходцем из провинциального местечка, где живут Рейнольдсы. Стилистическим и тематическим фокусом романа является вопрос о том, как из провинциального, бесхитростного мира простых людей появляется диктатор. Художественное целое произведения обусловлено напряжённым диалогом бытового и политического дискурсов.

Способы номинации персонажей в романе выступают в качестве ключевых слов, раскрывающих центральную тему соотношения массового сознания и дискурса власти. Д.К. Вотсон выдвигает предположение, что, именуя Гитлера Ангелом, Г. Стайн аллюзивно связывала его фигуру с мифологическим образом ангела смерти [11: с. 151]. Исследовательница также приводит точку зрения Л. Франкенберга, полагающего, что наименование Ангел Харпер относится не столько к самому Гитлеру, сколько к страхам и переживаниям, возникающим в сознании людей в связи с его образом. Отметим, что, обыгрывая фонетические параллели между вымышленными и реальными именами (**Angel – Adolf, Harper – Hitler, Stalin – Lane**), писательница акцентирует тему взаимосвязи политики и мистики. Здесь следует обратить внимание не только на «ангелоизацию» образа Гитлера, но и на «сатанизацию» образа Сталина, задающуюся как паронимическим созвучием лексем «lane» (тропинка, переулок) и «lame» (хромой, хромота, как признак дьявола), так и актуализирующимся в этом контексте параллелизмом между словами «**Stalin**» и «**satán**» (дьявол, сатана). Вероятно, можно говорить и о том, что через созвучие слова «lane» с «**Lenin**», стайновский Джозеф Лейн оказывается своеобразным приемником Ленина.

Этот аллюзивный способ наименования героев несёт идею сакрализации власти. В романе Г. Стайн разрабатывает актуальную для современных гуманитарных исследований мысль о том, что политические лидеры в современном мире берут на себя сакрально-ритуальные функции. Не случайно в тексте постоянно прокручивается мотив предсказаний и пророчеств, связанных с политикой. Политические прогнозы облекаются в форму откровений и пророчеств, которые обсуждаются жителями городка. В трудное военное время дар пророчества обнаруживается у многих героев романа. Пророчествует сосед Рейнольдсов, любитель мёда и сельдерея Джон; изучающий звёзды местный судья и библиотекарь, предсказывающий тотальное крушение. Сама миссис Рейнольдс не признаёт святости без профетического дара. Она почитает за святого всякого способного предсказывать будущее. Военные исторические события и связанные с ними политические реалии даются в стилистике жанра пророчеств и предстают как мистически предопределённые. Г. Стайн вплетает в ткань романа пророчество католической святой VII века Одиллии о Второй мировой войне. Война в романе получает мифологический статус, оказываясь катастрофой, напророчествованной святой Одиллией и святым Годфридом.

Мотив астрологических предсказаний, отсылающий к древним профетическим жанрам, тесно связан с образом Ангела Харпера. Он верит, что звёзды — это миры, представляющие собой знаки, которые можно расшифровать (*stars were worlds*) [2: с. 52]. Английское «worlds» (миры), паронимически перекликающееся со словом «words» (слова), задаёт образ мира-текста, раскрывающего посвящённым свои тайны. Если для простодушной миссис Рейнольдс звёзды лишь звёзды, то для её родственницы, как и для Ангела Харпера, они представляют собой звёздную тайнопись. Г. Стайн показывает, как в XX веке астрология превращается в феномен массовой культуры, а увлечение астрологическими прогнозами — в составную часть повседневности. Сакрализация политического дискурса и профанизация профетического дискурса — два взаимосвязанных процесса, определяющих современное массовое сознание. Писательница демонстрирует, как вышеупомянутые дискурсы преломляются через призму «простого» бытового слова, определяющего обыденное сознание человека.

Очевидно, что сакрализация образа Гитлера и исторических событий, связанных с его именем, вероятно, во многом обусловлена религиозно-мифологическим подтекстом нацистской идеологии с её ритуальностью. Сегодня эта тема привлекает многих исследователей [6, 7]. Однако принимая во внимание время создания романа (1940–1943), следует отметить глубокое понимание автором природы тоталитаризма. Г. Стайн выстраивает в романе не образы Гитлера и Сталина, а образы их образов, формирующиеся в массовом сознании. Посредством художественного языка она показывает, что феномен тоталитаризма не есть «искусственная конструкция, поддерживаемая насилием и всеконтролем», а представляет собой определённое «состояние общества, фундированное культурой, в основе которой лежит сплав архетипов из разных уровней культуры» [8: с. 15].

В романе формирование и популяризация образа политика во многом происходит в рамках бытового дискурса в виде жанра слухов и разговоров о политике. Все вокруг говорят об Ангеле Харпере (*everybody was talking about him; it was interesting to talk about even if Angel Harper was not interesting*) [2: с. 46, 51]. Его политический имидж внедряется в массовое сознание при помощи слова (*Angel Harper talked and talked so everybody had to listen*) [2: с. 46].

Он незримо начинает жить среди людей. Среди всеобщих пересудов, разворачивающихся вокруг Ангела Харпера, мистер Рейнольдс занимает противоположную позицию. Он не желает ни говорить о диктаторе, ни слушать его речей и разговоров о нём. Мистер Рейнольдс словно аннулирует Ангела Харпера, перекрывая коммуникативный канал, при помощи которого конструируется его публичный образ. «Тихий» мистер Рейнольдс противопоставлен говорливому Ангелу Харперу, который обладает способностью говорить на понятном для своей аудитории языке. Отметим, что прототип стайновского героя, А. Гитлер, был прекрасным оратором и агитатором. Его способность манипулировать сознанием своих слушателей во многом определила его политический взлёт. Не случайно рейхсминистр пропаганды нацистской Германии Геббельс назвал Гитлера «гением риторики», первым человеком в истории страны, который мог делать историю посредством речей [4: с. 29]. Вероятно, и само имя героя «Harper» (арфа) через цепочку аллюзий связано с мотивом ораторского искусства. Мифологическая эолова арфа — это средство-медиатор, при помощи которого осуществляется общение духов с землей. Политик — «инструмент» связи между властью и массовым сознанием.

Игра с биографическими фактами существенна для поэтики романа и отражает сущность представления автора о механизме конструирования публичного имиджа. В тексте встречается наименование Джозефа Лейна «нашим отцом» (*they said, he is our father*) [2: с. 43], перекликающееся со знаменитым клише тоталитарной эпохи «Сталин — отец народов СССР». Маленькие бытовые подробности, внедряемые в структуру публичного образа, делают его более «человечным» (вспомним кепку и зеленую лампу в кабинете Ленина, трубку Сталина). Ряд фрагментов произведения дешифруются только в контексте биографий Гитлера и Сталина. Так, например, во фразе «*Angel Harper didn't care to eat rabbits and chicken*» прочитывается намёк на вегетарианство Гитлера, а любимое блюдо Джозефа Лейна баранина со специями отсылает к кавказскому происхождению советского вождя [2: с. 39, 42].

Образ Ангела Харпера пронизывает не только дневную, но и ночную бессознательную жизнь простых людей. Как герой сновидений провинциальных женщин он появляется в комичном амплу завидного жениха. Некая Нелли Винсом во сне видит его холостяком, и, проснувшись, начинает болтать о желании познакомиться с ним. Во снах миссис Рейнольдс образ Ангела Харпера разрастается до гротескных масштабов и наделяется таким атрибутом Бога, как вездесущность (*she dreamed that Angel Harper was all over*) [2: с. 87]. Однако во фразе «*be all over*»

наряду с вездесущностью диктатора прочитывается и профетический мотив крушения его власти (ср. «*be all over*» (быть повсюду) и «*be over*» (завершиться)). Сновидческий мотив вездесущности Ангела Харпера усиливается упоминанием его аппетита и телесного «разрастания», выступающих метафорическим удвоением его всевластия. Но тучность и прожорливость вдруг оборачиваются смертью (*Angel Harper was heavy and eating, he ate. Well next to eating he liked ham and next to ham he liked chocolate and next to chocolate he liked cake and then, then he was silent, he was all alone and he was dead*) [2: с. 87]. Этот вещественно-телесный образ поглощаемой еды соотносится со сновидением миссис Рейнольдс и, очевидно, представляет собой аллюзию на библейский рассказ о вещих снах египетского фараона, о семи тучных и семи тощих коровах. Параллелизм анализируемого фрагмента о профетических сновидениях героини обнаруживает и стилистическое сходство с библейской риторикой, во многом строящейся на варьировании в пределах параллельных рядов схожих образов (*лат. parallelismus membrorum*). Сон миссис Рейнольдс строится на параллельном соположении синонимичных образов еды (*ham, chocolate, cake*) и смерти (*silent, dead, alone*) при помощи повторяющегося союза *and*. Интересно, что список блюд, упоминаемых в этом фрагмент, — ветчина, шоколад, бисквит ассоциируется с трапезой буржуа. Так бытовые гастрономические реалии обывателей сочетаются в сновидении с профетическими видениями гибели диктатора.

В свете вышесказанного очевидно, что, развивая тему зыбкости границ публичного и частного, приватного, Г. Стайн строит роман «Миссис Рейнольдс» на пересечении бытового обывательского контекста и контекста политического, показывая их взаимную обусловленность.

Библиографический список

Источники

1. *Keats J.* To Mrs. Reynolds's Cat // *J. Keats. Selected Poems.* – New York: Penguin, 1999. – 235 p.
2. *Stein G.* Mrs. Reynolds / *G. Stein.* – Los Angeles: Sun & Moon Press, 1987. – 331 p.
3. *Stein G.* Sacred Emily // *G. Stein. Geography and Plays.* – Mineola, New York: Dover Publication, INC., 1999. – P. 178–188 p.
4. *Goebbels J.* Der Führer als Redner // *J. Goebbels. Adolf Hitler. Bilder aus dem Leben des Führers.* – Hamburg, Bilderdienst: Cigaretten-Bahrenfeld, 1936. – P. 27–34.

Литература

5. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *М.М. Бахтин. Эпос и роман.* – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9–193.
6. *Гудрик-Кларк Н.* Оккультные корни нацизма: Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию / *Н. Гудрик-Кларк.* – СПб.: Евразия, 1993. – 244 с.
7. *Жерсон В.* Нацизм — тайное общество / *В. Жерсон.* – М.: Крон-Пресс, 1998. – 234 с.

8. *Лебедев И.А.* Семантика и семиотика в культуре тоталитарных обществ: миф, символ, ритуал: дис. ... канд. философ. наук 24.00.01; защищена в 2006 г. / И.А. Лебедев. – СПб., 2006. – 163 с.
9. *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
10. *Bridgman R.* Gertrude Stein in Pieces / R. Bridgman. – New York: Oxford University Press, 1970. – 411 p.
11. *Watson D.C.* Gertrude Stein and the Essence of What Happens / D.C. Watson. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2005. – 258 p.

References

Istochniki

1. *Keats J.* To Mrs. Reynolds's Cat // J. Keats. Selected Poems. – New York: Penguin, 1999. – 235 p.
2. *Stein G.* Mrs. Reynolds / G. Stein. – Los Angeles: Sun & Moon Press, 1987. – 331 p.
3. *Stein G.* Sacred Emily // G. Stein. Geography and Plays. – Mineola, New York: Dover Publication, INC., 1999. – P. 178–188 p.
4. *Goebbels J.* Der Führer als Redner // J. Goebbels. Adolf Hitler. Bilder aus dem Leben des Führers. – Hamburg, Bilderdienst: Cigaretten-Bahrenfeld, 1936. – P. 27–34.

Literatura

5. *Baxtin M.M.* Forma vremeni i xronotopa v romane // M.M. Baxtin. E'pos i roman. – SPb.: Azbuka, 2000. – S. 91–93.
6. *Gudrik-Klark N.* Okkul'tny'e korni nacizma: Tajny'e arijskie kul'ty' i ix vliyanie na nacistskuyu ideologiyu / N. Gudrik-Klark. – SPb.: Evraziya, 1993. – 244 s.
7. *Zherson V.* Nacizm — tajnoe obshhestvo / V. Zherson. – М.: Kron-Press, 1998. – 234 s.
8. *Lebedev I.A.* Semantika i semiotika v kul'ture totalitarny'x obshhestv: mif, simvol, ritual: dis. ... kand. filosof. nauk: 24.00.01; zashhishhena v 2006 g. / I.A. Lebedev. – SPb., 2006. – 163 s.
9. *Uly'bina E.V.* Psixologiya oby'dennogo soznaniya / E.V. Uly'bina. – М.: Smy'sl, 2001. – 263 s.
10. *Bridgman R.* Gertrude Stein in Pieces / R. Bridgman. – New York: Oxford University Press, 1970. – 411 p.
11. *Watson D.C.* Gertrude Stein and the Essence of What Happens / D.C. Watson. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2005. – 258 p.

В.А. Собянина

К вопросу о детерминологизации лексики в современном немецком языке

Статья посвящена анализу процесса детерминологизации специальной лексики в современном немецком языке. Рассматриваются два основных направления данного явления — упрощение семантической структуры термина и его переносное употребление, в результате чего терминологической лексикой обозначаются бытовые, обиходные понятия. В этом случае процесс детерминологизации значения проходит две ступени (этапа) — от окказионального к узуальному.

The article examines the process of special vocabulary determinologisation in the modern German language. Two key directions of the given phenomenon are considered — simplification of semantic structure of the term and its figurative use as a result of which household, everyday concepts are designated by terminological lexicon. In this case the process of determinologisation of meaning passes two steps (stage) — from occasional to the usual meaning.

Ключевые слова: специальная лексика; термин; детерминологизация; ступени (этапы) детерминологизации; окказиональные значения; узуальные значения.

Key words: special vocabulary; the term; determinologisation; steps (stages) of determinologisation; occasional meanings; usual meanings.

Наряду с количественным ростом терминологической лексики, связанным с бурным развитием сфер профессиональной деятельности в современном обществе, появлением огромного числа новых понятий и явлений, а следовательно, и новых обозначений, в сфере специальной лексики активно происходят и качественные изменения, важнейшим из которых является процесс *детерминологизации* — процесс постепенного утрачивания терминами своего узкого значения и выход данных единиц за пределы терминосистемы.

Качественное изменение терминов и профессионализмов связано в языке с процессом, который получил название «*интеллектуализация языка*». Впервые этот термин ввел в употребление член Пражского лингвистического кружка Б. Гавранек. Под интеллектуализацией литературного языка учёный

понимает «такую ступень развития языка, при которой высказывания становятся более определёнными и точными, ... абстрактными и способными выражать всю сложность мыслей и их взаимосвязь» [4: с. 350–356].

Можно выделить некоторые особенности интеллектуализации языка: всё большая дифференциация специального словаря, являющаяся следствием быстрого развития науки и техники; проникновение узкопрофессиональной лексики в общеупотребительный лексикон, а значит, и в разговорную речь; появление новых значений у терминологической лексики; обобщение специального значения слова, расширение сферы его употребления; более широкое использование точной, однозначной лексики, какой считаются термины [6].

Возрастающая роль науки и техники в современном мире способствует активному проникновению терминов в современный обиходный язык. В нашей повседневной практике, в быту всё больше находят применение результаты научно-технической революции. Вместе с предметами и явлениями в повседневную речь проникают, естественно, и их названия. Происходит освоение социумом собственно терминологических значений слова. Термин теряет свои специальные свойства, становится известным и употребительным в широких кругах населения.

В настоящее время все мы владеем, например, некоторыми электротехническими обозначениями, а также словами из области автодела, медицины, спорта, музыки: *аккумулятор, магнитофон, аспирин, двигатель, старт, финиш, анальгин, инъекция, соло, дуэт, ария* и т.д. А в последние годы в наш обиход пришли такие слова, как *компьютер, мобильный телефон, факс, принтер, ксерокс*. Эти слова из тех сфер, с которыми мы сталкиваемся в своей повседневной жизни, в быту. Происходит постепенное привыкание общества к результатам научно-технического прогресса, а вместе с тем и к специальным словам, обозначающим тот или иной предмет, явление. Развитию этой тенденции способствуют печать, радио, телевидение, Интернет, другие средства массовой информации, которые ежедневно знакомят с успехами в области науки, техники, производства и т.д., привлекая при этом обширный фонд терминологической лексики различных областей. Кроме того, ускорению данного процесса способствует система образования.

В обиход проникают прежде всего специальные слова общественно-релевантных для человека сфер на данном этапе исторического развития. Это на сегодняшний день, например, термины из области медицины, спорта, науки и техники, сферы высоких технологий и т.д., т.е. из тех областей, которые становятся на определённом промежутке времени объектом общественной значимости.

Другое направление детерминологизации, которое самым тесным образом связано с первым, — явление *вторичной номинации*, обозначение терминологической и профессиональной лексикой неспециального, чаще бытового предмета и явления, и употребление таких терминов в разговорной речи, в обиходе. Этот процесс связан с полной потерей терминологического значения: *быть в минорном настроении* — быть в печали, печалиться; *вычислить кого-либо* — найти, опознать, выявить; *перезагрузка отношений США и Рос-*

сии и многие другие. По некоторым данным, сфера техники в этом процессе занимает лидирующее положение.

Таким образом, существуют два основных направления (перспективы) детерминологизации. В первом случае она осуществляется по пути сохранения отнесённости к специальному денотату, объекту, явлению, однако расширяется сфера употребления данного слова, оно встречается в речи неспециалистов. Следует отметить, что при этом происходит упрощение семантической структуры (частичная детерминологизация) значения. В понимании неспециалиста «гайка» — деталь механизма, в то время как техник назовет множество её видов и возможностей применения. Во втором случае происходит замена специального денотата на неспециальный и образование нового значения путём ассоциаций и аналогий: в немецкой разговорной речи *Schraube* (мех. винт, болт) — грубое обозначение женщины.

Таким образом, при детерминологизации мы имеем дело с двумя видами становления узуальных значений терминов: в одном случае — собственно терминологических значений в суженном, упрощённом виде, а в другом — переносных, ассоциативных значений.

Узуализация — очень длительный процесс, и далеко не каждый термин может стать широко употребительным. Только путём «естественного отбора», связанного с множеством экстралингвистических факторов, возможна узуализация значений некоторых терминов и профессионализмов. Становление узуального значения проходит несколько стадий, и многие переносные образования так и остаются на низшей ступени процесса, т.е. являются окказиональными явлениями, а впоследствии исчезают из употребления.

В немецкой германистике указанные тенденции развития языка помимо терминов *Entterminologisierung* и *Determinologisierung* получили названия *Verwissenschaftlichung*, *Verfachlichung*, *Vertechnisierung*, *Versportung der Sprache* и т.д., в зависимости от участия той или иной сферы в процессе детерминологизации.

Исследования в диахроническом аспекте показывают, что первыми специальными языками, которые воздействовали на общеобиходный, были языки ремёсел, горного дела, мореходства, сельского и лесного хозяйства, охотоводства, а также военного дела. Эти области оставили глубокий след в общеупотребительной лексике немецкого языка, обозначая нетерминологические понятия.

На протяжении долгих лет развития языка объектами интересов людей были различные области знаний. В настоящее время, когда популярны такие сферы, как компьютерные технологии, рыночная экономика, реклама, можно наблюдать активизацию процесса детерминологизации в новых областях: «*Publicrelations-Abteilung unserer Familie führt meine Frau Hanne*» [3: с. 5]. Так, новое обозначение «*PR-Abteilung*» (отдел по связям с общественностью) получает переносное обиходное значение «общение, контакты семьи с различными официальными инстанциями». Интересный пример новой лексики

этого типа приводится в немецком словаре «Wörterbuch der Szenesprachen»: «Auf einer Party werden Gäste **gescannt**, um festzustellen, wie Erfolg versprechend der Abend wird» [8: с. 152]. Компьютерный термин «**сканировать**» получает в этом контексте переносное значение «просматривать, анализировать, оценивать ситуацию». В русском политическом дискурсе теперь активно употребляется выражение «*перезагрузка отношений*» между США и Россией после прихода к власти президента Барака Обамы.

Анализ процесса детерминологизации в немецком языке показал, что значительная часть специальной лексики употребляется в переносном значении в разговорной речи и получает соответствующие пометы — от нейтрального, разговорно-окрашенного до фамильярного и даже вульгарного, хотя разговорный пласт всё же преобладает. Доля детерминологизированных нейтральных единиц значительно меньше. Это, как правило, «бывшие» разговорные единицы, со временем утратившие свою разговорность. Ведь именно отсюда начинается «путешествие» терминов. Нестрогие рамки разговорной речи, её неофициальность и непринужденность позволяют проявляться игре человеческой фантазии, языковому творчеству наилучшим образом. Разговорная речь — это как бы промежуточная ступень для перехода специальной лексики, различных образований на её основе в общее употребление. При переходе из разговорной речи в общее употребление разговорные единицы теряют многие свои качества (эмоциональность, экспрессивность, оценочность) и становятся нейтральными обозначениями, которые со временем могут превратиться в языковые клише.

В результате сравнения исследуемых лексических единиц приходим к выводу, что по своей закреплённости и распространению в языке они неоднородны. Одни единицы представляют собой одномоментные образования, быстро исчезающие из языкового употребления. Другие же более устойчивы, активно вступают в связи с общеупотребительными словами и прочно занимают своё место в общем обиходе. Поэтому возникла необходимость выделить различные *ступени (этапы)* в развитии *детерминологизированных слов*.

В данной статье выделяются *две основных ступени (этапа)* детерминологизации второго уровня, т.е. образование обиходно-разговорной лексики переносным путём на базе терминологических единиц, имеющих переходные случаи. Первым шагом (ступенью) по пути к возникновению разговорной лексики на базе терминов и профессионализмов является образование всякого рода окказионализмов — речевое употребление слов, не закреплённое в языке и не соответствующее общепринятому. Это факты речи, а не языка, с потенциальной возможностью становиться фактами языка, узуальными языковыми явлениями. Пожалуй, этот признак можно считать релевантным при определении описанных единиц: **Schaltwerk** — мозг человека, его способность к восприятию и мышлению; **Schraubendreher** — танцор с партнёршей «в годах»; **Handwerkzeug** — столовый прибор; **Holzschraube** — неуважительно о женщине — «из неё песок сыплется»; **Kraftstoff** — крепкий алкогольный напиток. Е.А. Земская справедливо

пишет: «Окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческий потенциал, глубинные силы» [5: с. 180]. Поэтому изучение окказионализмов помимо узуальных единиц является важной задачей с точки зрения перспективы развития языка.

Специальные слова первоначально употребляются в нетерминологическом значении отдельными лицами. Для остальных носителей языка данные единицы с новыми значениями остаются неизвестными. Термин сохраняет при этом все свои характеристики. Разговорные значения не зафиксированы общезыковыми толковыми словарями, но могут встречаться кроме устной речи в литературных произведениях, прессе и т.д. Непременным условием понимания значения окказионализмов являются контекст или ситуация, а также уточняющие элементы. Часто такие единицы появляются в средствах массовой информации. В следующем контексте слово *Bulldozer* (*бульдозер* — тяжёлый гусеничный трактор) используется для оценки действий израильского политика и свидетельствует о его влиянии и авторитете. Таких людей в политике называют «тяжеловесами»: «*Scharon, der Bulldozer, ist dennoch dabei umzusetzen, was er für nötig hält: die Trennung von den Palästinensern*» [2]. Метафорическое значение данного слова ещё не зафиксировано основными словарями немецкого языка, относится к окказионализмам, воспринимается как «свежий» образ и поэтому в контексте обладает экспрессивностью.

По количеству окказионализмы составляют в речи самую большую группу единиц, образованных на базе специальной лексики. Поскольку невозможно определить количественный состав всех встречающихся окказионализмов терминологического происхождения (в силу их одномоментности), то невозможно вычислить и их процентное соотношение по сравнению с узуальными коллоквиализмами. Представляется целесообразным пронаблюдать лишь общие тенденции развития данного процесса и основные особенности слов на данной стадии развития.

Прежде чем перейти к анализу узуальной ступени детерминологизации, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что границы между ступенями строго не очерчены, поэтому порой одну и ту же единицу можно отнести по каким-либо признакам и к той, и к другой группе слов. Очевидно, существует переходная ступень от окказиональных единиц к узуальным.

Это чаще всего лексические единицы, относящиеся к различного рода жаргонизмам и социолектам (например, школьная лексика, молодёжный сленг, солдатский жаргон). Приведём несколько примеров такого вида лексики, например: *filmen* в значении «обмануть, одурачить, провести» употреблялось первоначально в молодёжной среде, а *Schlusslicht* со значением «плохой ученик» — в среде школьников. Другие примеры: *morsen* — «подсказывать» (*школьн.*); *kosmisch* — «великолепный» (*молод.*); *granatenmäßig, bombig* (*молод.*) — «великолепный, фантастический»; *Dünnbrettbohrer* — «не очень умный человек» (*молод.*); *Computer* — «шпаргалка» (*школьн.*); *Floppy*: «ум, умственные способности» (*молод.*) [10].

Некоторые единицы этого типа входят в общий обиход, употребляются повсеместно (*bombig*) и фиксируются основными словарями немецкого языка. Они могут также регулярно употребляться в корпусах текстов, хотя и не представлены в словарях. Например, слово *Kastrierte* обозначает сигарету с фильтром. Единица с этим значением зафиксирована в 10-томном словаре DUDEN [7], однако значение «безалкогольный напиток» по-прежнему не зафиксировано этим словарем, хотя довольно часто встречается в прессе. Видимо, эта единица находится на переходной стадии детерминологизации.

Ко второй ступени (этапу) детерминологизации специальной лексики относятся единицы узуальные, имеющие большую степень распространённости, с переносными значениями, известными повсеместно. Это уже устоявшиеся единицы, образованные на основе специальной лексики, общепринятые в обиходе и известные большинству носителей языка. К данной ступени относятся детерминологизированные слова, проникшие в узус, прошедшие языковой отбор.

На этом этапе уже известно и узкое специальное значение терминов, и переносное. Терминологические значения хорошо знакомы неспециалистам, хотя они отличаются от профессиональных толкований терминов, принятых в той или иной сфере, некоторой упрощённостью. Бытовое понимание терминологического значения говорящими охватывает лишь основную суть понятия.

К узуальной лексике, образованной на базе терминологической и профессиональной, относятся три группы слов, прошедших различные этапы развития. Первую группу лексики такого рода составляют *узуальные коллоквиализмы*, единицы, функционирующие в разговорной речи. Их значения зафиксированы большинством толковых словарей с пометами разговорности: *a tempo* (*Mus.*) — быстро, тотчас (*umg.*). Иногда пометы разговорности сочетаются с другим типом помет: *Wie stehen die Aktien?* — (*umg. scherzh.*) Как дела? [7].

Antenne für etwas haben: в словаре DUDEN — (*ugs.*) *Gespür haben* (*паз.* иметь нюх, чутье на что-то) [7]: в контексте: «*Schröder hat nichts von dem verstanden, was die Bevölkerung irritiert... Er hat keine passenden Antennen für die Wut, die sich vielerorts aufstaut*» [1].

Обозначения технических приборов, механизмов сравниваются с человеческим чутьём. Данный факт сопоставления создаёт наглядный образ, привлекая читателя, что очень важно для средств массовой информации.

К этой же группе относятся также единицы без пометы разговорности, но часто употребляющиеся в разговорной речи (единицы эмоционально-экспрессивного и оценочного характера) и имеющие, как правило, стилистические пометы *salopp, derb, vulgär, scherzhaft, abwertend, iron.* и др.: *Manöver* (*Milit.*) — (*abwert.*) маневры, хитрые уловки; *Duo* (*Mus.*) — (*oft iron.*) преступная троица; *voll wie eine Haubitze* — (*derb*) поднабраться, напиться.

Узуальные коллоквиализмы имеют прочные контакты со словами общелитературного языка, образуя словосочетания и фразеологизмы, поэтому не воспринимаются как чуждые элементы. Они легко вступают в синтаксические связи,

соединяясь с другими словами: die Lage *peilen* — (разг. и устл.) оценивать обстановку; *Quecksilber* im Leibe haben — (разг. фам.) у кого-либо шило в заднице.

В указанную группу входят также слова, в некоторых словарях имеющие как пометы разговорности, так и пометы переносного значения («перен.», «übertr.», «fig.»): *Kapital* (politök): (umg.) сумма денег [9]; (übertr.) умственные способности, умственный багаж [7]. Различие помет свидетельствует о зыбкости границ между указанными группами лексики, поэтому нельзя ориентироваться только лишь на словари, следует проверять оттенки значения по контекстам и корпусам текстов.

Следующую группу узуальной детерминологизированной лексики составляют единицы, сохраняющие некоторую образность и выразительность, но в значительно меньшей степени, чем коллоквиализмы, вследствие того, что их употребление в речи доходит до автоматизма. В словарях такие слова имеют помету переносного значения «übertr.», «fig.», а также знак «< >». Такая лексика употребляется преимущественно в прессе, публицистике, в публичных выступлениях и т.д. Встречается она и в разговорной речи, но не является специфическим её признаком и характерна для других функциональных пластов: *katapultieren*: (übertr.) катапультироваться (в шоу-бизнесе); *Klimmzüge* (Sport): (übertr.) большое усилие; *Kompass*: (übertr.) Sie (die heilige Schrift) war ihm der Kompass in allen Wirrnissen des Lebens [7]; *Barometer*: (übertr.) die Börse ist ein Barometer der Konjunktur [7].

Третью группу узуальной лексики образуют клишированные слова и выражения, всевозможные языковые штампы, утратившие выразительность и образность, а в словарях не имеющие помет переносного значения (кроме переходных случаев): *immun* — имеющий иммунитет, не поддающийся влиянию извне; *hypnotisieren* — загипнотизировать, сделать безвольным.

Иногда специальные слова настолько усваиваются языком, что их переносные значения становятся главным значением слова и в словарях стоят на первом месте: *Aktionsradius* (радиус действия): 1) Wirkungsbereich, Reichweite, 2) Entfernung, die ein Schiff, (Kampf)flugzeug, Fahrzeug zurücklegen, ohne neuen Stoff aufzunehmen [7]. Единицы этой группы достигли высшей формы детерминологизации, но утратили свои эмоционально-оценочные и экспрессивные характеристики.

Таким образом, на материале немецкого языка были выделены группы специальной лексики, различные по степени детерминологизации. От уровня к уровню происходит языковой отбор единиц. Степень узуализации лексики, возникшей на основе специальной, во многом зависит от узуализации чисто терминологического значения. Чем большую сферу распространения имеет термин, тем быстрее переносное значение может стать всеобщим достоянием. В языке прочно закрепляются, в первую очередь, переносные значения хорошо известных терминов, однако не исключаются случаи участия в этом процессе узкопрофессиональных единиц. Стартовой площадкой данного процесса является разговорная речь как специалистов, так и неспециалистов.

Библиографический список***Источники***

1. Frankfurter Rundschau. – 2004. – 19. August.
2. General-Anzeiger. – 2005. – 18. August.
3. Süddeutsche Zeitung. – 1998. – 9. Juni.

Литература

4. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 338–377.
5. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
6. *Scherzberg J.* Der Einfluss der wissenschaftlich-technischen Entwicklung auf die Sprache der Gegenwart: Inaugural-Dissertation / J. Scherzberg. – Leipzig, 1966. – 190 S.

Справочные и информационные издания

7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In 10 Bänden. 3. neu bearb. und erweiterte Auflage / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Dudenverlag, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1999. – 4800 S.
8. Duden. Wörterbuch der Szenesprachen. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2000. – 222 S.
9. Handwörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. G. Kempcke. – Bde. 1–2. – Berlin: Akademie-Verlag, 1984. – Bd. 1. – 705 S., Bd. 2. – 1399 S.
10. *Küpper H.* PONS-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Klett, 1990. – 959 S.

References***Istochniki***

1. Frankfurter Rundschau. – 2004. – 19. August.
2. General-Anzeiger. – 2005. – 18. August.
3. Süddeutsche Zeitung. – 1998. – 9. Juni.

Literatura

4. *Gavranek B.* Zadachi literaturnogo yasy'ka i ego kul'tura / B. Gavranek // Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. – M.: Progress, 1967. – S. 338–377.
5. *Zemskaya E.A.* Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' / E.A. Zemskaya. – M.: Nauka, 1992. – 221 s.
6. *Scherzberg J.* Der Einfluss der wissenschaftlich-technischen Entwicklung auf die Sprache der Gegenwart: Inaugural-Dissertation / J. Scherzberg. – Leipzig, 1966. – 190 S.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In 10 Bänden. 3. neu bearb. und erweiterte Auflage / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Dudenverlag, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1999. – 4800 S.

8. Duden. Wörterbuch der Szenesprachen. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2000. – 222 S.

9. Handwörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. G. Kempcke. – Bde. 1–2. – Berlin: Akademie-Verlag, 1984. – Bd. 1. – 705 S., Bd. 2. – 1399 S.

10. *Küpper H.* PONS-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Klett, 1990. – 959 S.

О.А. Титова

Английские фразеологизмы-антропономинанты как средства наименования профессиональных групп

Статья посвящена способам формирования профессиональных наименований средствами фразеологизмов-антропономинантов в английском языке. Предпринимается попытка доказать, что номинации такого рода вследствие замкнутости профессиональных коллективов базируются на бинарной оппозиции «свой» — «чужой».

The article deals with ways of forming names of professions by means of phraseological units signifying individuals in English. We attempt to prove that names as such are based on the so called friend-or-foe identification system due to the isolation of professional groups.

Ключевые слова: фразеологизмы-антропономинанты; мелиоративная оценка; пейоративная оценка; профессиональные номинации-ярлыки; коннотативные слова.

Key words: phraseological units signifying individuals; approving evaluation; disapproving evaluation; professional labels; connotative words.

В основе классификации нашего практического материала лежит задача уточнения элементов в семантике фразеологизмов-антропономинантов (ФАН), называющих лиц по профессии или роду занятий.

Групповые прозвания людей даются замкнутым коллективам, но не по принципу этнической обособленности. Подобные прозвания часто носят остро критический характер, ср. профессиональные: *Dreck-schwalbe* — каменщики, *Sidklongel* — ткачи (на Эльбе), ср. обозначения, принятые в прошлом веке у немцев для военных различных родов войск: *танцующие гусары*, *майские жуки* и т.п. В сказке Г.-Х. Андерсена «Дюймовочка», имеющей простой буквальный смысл для детей и завуалированный социальный — для взрослых, особо выделяется категория повсюду поспевающих *майских жуков*, очевидно, связанная со спецификой прозваний отдельных групп военных того времени [7: с. 211].

Отражение действительности с позиций субъекта речи задаёт определённую оценку отражаемому объекту — профессиональной деятельности. Оценка производится с позиций интересов той или иной группы людей в соответствии с критерием «*одобряю – не одобряю лиц, занятых данной про-*

фессиональной деятельностью». Это обуславливает структуру оценки, которая укладывается в двухполюсную оппозицию «хорошо – плохо», соотносясь с положительным либо отрицательным знаком, о чём эксплицитно свидетельствует внутренняя форма (ВФ) исследуемых нами ФАН.

Обратимся к анализу наименований лиц, занятых определённой профессиональной деятельностью.

Рассмотрим номинацию-ярлык «пиарщик», «политтехнолог»: *spin doctor — a person who provides a favourable slant to an item of news, potentially unpopular policy, etc, especially on behalf of a political personality or party* [10]. Данная лексема «эксперт по связям с общественностью, прессой, который обеспечивает подачу информации в СМИ под нужным углом зрения» имеет словарную помету «*mainly disapproving*». Время появления данной единицы — 1980-е годы. Первый её компонент *spin* создаёт яркий образ кручёного мяча, получающего заданное направление. Второй компонент *doctor* актуализирует сему «человек, который может внести исправления, что-то исправить»: 1) *Charlie is the governor's spin doctor* [10]. 2) *Once upon a time, a fox spied some grapes hanging from an arbor. Salivating at the sight, the fox jumped up to snatch the sweet orbs, but he couldn't quite reach them. Huffing and puffing, he finally gave up. «Aw», he announced, «they're probably sour anyway». The fox was history's first recorded spin doctor* [6].

Далее следует антропонимант, известный с XVIII века и характеризующийся пейоративной коннотацией: *witch doctor — a healer or benevolent worker of magic in a nonliterate society. A person who is believed to heal through magical powers* [10]. Значение данной лексемы — «знахарь, колдун-целитель, прибегающий в своей лечебной деятельности к магии, иногда и чёрной»: *He runs a one-man practice and his patients think he's half-way between a saint and a witch doctor* [3: с. 55]. Однако анализ практического материала свидетельствует о том, что данная единица в узусе нередко переходит в разряд аффективов, семиологическая функция которых заключается в выражении сильных эмоций говорящего. Таким образом, в эмоционально окрашенных контекстах акцентуации подвергается первый компонент *witch*, который формирует смысловую составляющую «шаман, манипулирующий людьми, эксплуатирующий их веру». Причём эмотивное значение этой единицы в таком случае может быть приравнено к денотативному. Так, в статье «*Thousands Protest at Pope's Visit*» в газете «*The Independent*», посвящённой протестам общественности против официального визита Папы Бенедикта XVI в Великобританию в сентябре 2010 года, находим возмущённые слова одного из активистов: *If you and your fellow cult members want your Chief Witch doctor to come to England, pay for it yourselves. No one hacks into the bank accounts of all of one's neighbour's and removes around £12 million from them collectively just because one desires the company of their favourite witch doctor* [10].

Следующий антропонимант имеет значение «адвокат-стервятник, который ищет клиентов среди людей, пострадавших при несчастных случаях, особенно в дорожных авариях, и подбивает их обращаться в суд с исками

на виновников аварий»: *ambulance chaser* — 1) *an attorney who seeks to profit from someone's injury or accident*; 2) *a derogatory term for any lawyer* [9: с. 8]. Лексикографы считают конец XIX века временем появления данной единицы. Но при этом у антропономинанта есть и второе, более общее значение, «адвокат», хотя *ambulance chaser* формирует, разумеется, негативно-осуждающее отношение говорящего к адвокатской деятельности по сравнению с его нейтральными коррелятами *lawyer, attorney*: *The insurance companies are cracking down on ambulance chasers. That ambulance chaser is trying to charge me for reaching his office when I called a wrong number!* [10.] Ясно, что субъект речи, прибегающий к данной лексеме, является клиентом адвоката (т.е. находится вне этой профессиональной группы), а не его коллегой, что объясняет неодобрительное значение, сопряжённое с этим ФАН.

Антропономинант *flatfoot* метонимически отождествляет заболевание (плоскостопие) с лицом, им страдающим. Считается, что полицейский, особенно патрульный, проводящий большую часть рабочего времени на ногах, страдает плоскостопием. На этом представлении и основан данный антропономинант: *flatfoot — a police officer, especially a foot patrol officer: Think about how the flatfoot on the beat is affected by this cold* [10].

Антропономинантом *stoolpigeon* обозначается «осведомитель», «доносчик», «стукач», «подсадная утка»: *stoolpigeon — someone acting as an informer or decoy for the police* [9: с. 496]. История появления данной единицы довольно любопытна и связана с практикой привязывания деревянных рамок (*stools*) в качестве приманок для птиц в Северной Америке в XIX веке. Позже это выражение стало означать карточного шулера и, наконец, доносчика или шпиона. К началу Первой мировой войны эта единица с тем же значением распространилась в Британии в основном в детективной беллетристике или в языке преступного мира: *Mr. Mizrahi himself was kidnapped and held for 48 hours, but was released after he convinced a Shia «prisoner» — in reality a stool-pigeon — that he was not a spy* [4]. Необходимо отметить, что данная единица в силу своего ярко выраженного оценочного значения не относится к единицам парламентской лексики, судя по существующему списку слов, не рекомендованных к употреблению в выступлениях в Британском Парламенте: *Among the words to which Speakers have objected over the years are «blackguard», «coward», «git», «guttersnipe», «hooligan», «rat», «swine», «stoolpigeon» and «traitor»* [3].

В середине XX века «ведущий актёр, имеющий большой успех у зрительниц» обозначался антропономинантом *matinée idol*: *matinée idol — a male actor, usually a leading man, idolized especially by female audiences* [10]. Первый компонент *matinee* — «дневной спектакль, концерт или киносеанс» указывает на то, что речь идёт об актёре, любимце публики: *In the 1950s British cinema bosses picked him out as a star of the future, and he became a **matinée idol**, what one critic called the «Leonardo Di Caprio of his day»* [3].

На уровне речевого употребления профессиональных ФАН наблюдается асимметричный сдвиг в сторону коннотаций пейоративной оценки и, соответ-

ственно, семантической «разрежённости» корпуса ФЕ с мелиоративной оценкой, что объясняется самой природой коннотативных слов, коими являются ФАН. Это единицы с двусоставной структурой лексического значения, состоящей из логико-предметного семантического компонента денотации и эмоционального отношения к нему посредством коннотативного семантического компонента [8: с. 48]. Такие лексемы в основном всегда имеют нейтральный коррелят, что видно из приведённых нами определений. Называние антропономинантами лиц по их профессиональной принадлежности происходит чаще всего извне, с точки зрения субъекта речи, находящегося вне данной профессиональной группы, а не с точки зрения коллег-единомышленников. Как правило, номинации базируются на оппозиции «свой» – «чужие»: пациент – врач; клиент – адвокат; гражданин – полицейский; доносчик – полицейский; зритель – актёр. Таким образом, оценка как результат интеллектуального и эмоционального освоения действительности становится сигналом отношения субъекта речи, находящегося вне данной профессиональной группы, к этой профессиональной группе.

Исследование процесса закрепления значения за звуковым комплексом раскрывает ассоциативные пути, которые соединяют в сознании языкового коллектива представление об одном предмете с представлением о другом предмете или явлении. В ситуации наименования мы всегда имеем дело с перенесением по различного рода ассоциациям, т.е. по закону комплексного (а не логического) мышления. Отсюда проблема наименования имеет много общего с проблемой эмоциональной окрашенности и перехода её в экспрессивную [7: с. 240]. Можно сделать вывод, что через парадигму проанализированных английских номинаций лиц по профессиональной принадлежности имплицитно раскрываются отдельные черты ментальности и система ценностей англоговорящего социума.

Библиографический список

Источники

1. BBC News / MP Defends Himself over Swearing / February 1, 2008. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/7221750.stm.
2. BBC Online Network / Matinee Idol Who Broke Gay Taboo/ May 8, 1999. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/338969.stm>.
3. *Brown P.* Long Term Survival / P. Brown // Understanding and Coping with Cancer in the 21st Century. – 2010. – № 3. – P. 55.
4. The Independent / Lebanon's Jews: They Fled Hitler only to be Betrayed by the Israelis / September 28, 2007. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/lebanons-jews-they-fled-hitler-only-to-be-betrayed-by-the-israelis-1241748.html>.
5. The Independent / Thousands Protest at Pope's Visit / September 18, 2010. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/thousands-attend-beatification-on-final-day-of-papal-visit-2083590.html>.
6. The Washington Post / The Spin Doctor Awards; In Praise of the Fine Art of Distortion / January 1, 2009. – URL: <http://www.washingtonpost.com/access/73706511.html>.

Литература

7. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская; отв. ред. А.А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.

8. *Шаховский В.И.* Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

Справочные и информационные издания

9. *Thorne T.* Dictionary of Modern Slang / T. Thorne. – М.: Вече, Персей, 1996. – 596 с.

10. Dictionary.com, LLC. Copyright © 2010. – URL: <http://dictionary.reference.com/browse>.

References*Istochniki*

1. BBC News / MP Defends Himself over Swearing / February 1, 2008. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/7221750.stm.

2. BBC Online Network / Matinee Idol Who Broke Gay Taboo/ May 8, 1999. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/338969.stm>.

3. *Brown P.* Long Term Survival / P. Brown // Understanding and Coping with Cancer in the 21st Century. – 2010. – № 3. – P. 55.

4. The Independent / Lebanon's Jews: They Fled Hitler only to be Betrayed by the Israelis / September 28, 2007. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/lebanons-jews-they-fled-hitler-only-to-be-betrayed-by-the-israelis-1241748.html>.

5. The Independent / Thousands Protest at Pope's Visit / September 18, 2010. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/thousands-attend-beatification-on-final-day-of-papal-visit-2083590.html>.

6. The Washington Post / The Spin Doctor Awards; In Praise of the Fine Art of Distortion / January 1, 2009. – URL: <http://www.washingtonpost.com/access/73706511.html>.

Literatura

7. *Superanskaya A.V.* Obshhaya teoriya imeni sobstvennogo / A.V. Superanskaya; отв. red. А.А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – М.: КД «LIBROКОМ», 2009. – 368 с.

8. *Shaxovskij V.I.* Yazyk i e'mocii v aspekte lingvokul'turologii: ucheb. posobie / V.I. Shaxovskij. – Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2009. – 170 с.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Thorne T.* Dictionary of Modern Slang / T. Thorne. – М.: Veche, Persej, 1996. – 596 с.

10. Dictionary.com, LLC. Copyright © 2010. – URL: <http://dictionary.reference.com/browse>.

А.С. Маркосян

Артикль как показатель предикации

В данной статье именная группа, вслед за многими исследователями, рассматривается как результат сворачивания предикативных отношений. Артикль внутри именной группы, примыкающий к прилагательному или к имени в роли определения, трактуется как след предшествующей полной предикации соответствующего типа: классифицирующего, идентифицирующего или характеризующего. Так, прозвище во французском языке понимается как свёрнутая предикация идентифицирующего типа.

In this paper the noun phrase, after many researchers, is considered as result of turning of predicative relations. The article in a noun phrase used with an adjective or a noun in apposition, is treated as a trace of previous full predication of the classifying, identifying or characterizing types. So, the nickname in the French language is understood as curtailed identifying predication.

Ключевые слова: артикль; прилагательное; предикация; прозвище.

Key words: article; adjective; predication; nickname.

В настоящей статье мы рассмотрим случаи, когда употребление артикля невозможно напрямую связать с его субстантивирующей функцией, как, например, случаи употребления артикля с существительными, обозначающими собственные имена, в прозвищах, при прилагательных в превосходной степени, и попытаемся определить в них функцию артикля.

В грамматиках французского языка обычно никак не интерпретируется употребление артикля в прозвищах. Так, в «Грамматике французского языка» Н.М. Штейнберг говорится, что определённый артикль употребляется с собственным именем, когда оно дополнено препозитивным прилагательным, обозначающим более или менее стабильное, постоянное качество [3: с. 43–44]. Это положение иллюстрируется примерами типа *le petit Pierre*, *le grand Corneille*. В случае с историческими персонажами, говорится далее, артикль с прилагательным следует за именем. Как, например, *Pierre le Grand*, *Charles le Chauve*.

Такое употребление никак не объясняется, а подаётся как частный случай применения артикля с именем собственным, хотя, если следовать приведённой логике, не совсем понятно, почему великий Корнель (вполне историческое лицо) не удостоивается постпозитивного прилагательного, пишущегося с большой буквы.

В чистом виде атрибутивное определение имеет формулу «детерминатив + прилагательное + существительное», будь определяемое неодушевлённым или одушевлённым предметом и, как видим, нарицательным или собственным именем. Это положение ясно и недвусмысленно сформулировал В.Г. Гак: «В атрибутивной функции прилагательное непосредственно примыкает к N, причём в позиции оно заключено между детерминативом и именем (исключение: *feu ma mère*)» [1: с. 216] (выделено нами. — А.М.). Если «атрибутивный признак опирается на предшествующую предикативную структуру» и «его можно рассматривать как конденсацию предикативного признака» [1: с. 216], то обособленное прилагательное обозначает *признак в момент совершения действия* и тем самым приобретает *полупредикативную* функцию [1: с. 216–217] (выделено нами. — А.М.). Разумеется, обособленное прилагательное бывает только постпозитивным.

Во французской лингвистике место прилагательного получило функцию грамматической категории. Так, препозитивное прилагательное, в отличие от постпозитивного, выражает *общее свойство*, приобретает *полуслужебную* функцию, входит в состав *темы* и тяготеет к оценочному значению [1: с. 220–221] (выделено нами. — А.М.). Тогда понятно, что в структуре *le grand Corneille* (в отличие от структуры *Pierre le Grand*) выражена *оценка* великого Корнеля говорящим, т.е. «стабильное, постоянное качество» с точки зрения говорящего.

Примерно таким же образом интерпретирует употребление артикля с собственным именем Н.М. Штейнберг в примере *la Jenny de cet été-là, une nouvelle Jenny* и т.д., где артикль используется как средство подчёркивания, выделения тех или иных качеств, относя имя к определённом моменту, обстоятельствам [3: с. 43–44]. Вчитаемся и спросим себя: что такое *относить имя к определённому моменту или к определённым обстоятельствам*, если не процедура предикации?

Грамматика Ларусс тоже указывает на то, что прилагательное с именем собственным предшествует имени (*l'harmonieux Racine*), кроме случаев, когда оно употребляется как прозвище (*Louis le Gros*) или равносильно придаточному предложению, выделяющему данный признак: *Je n'aime pas le Victor Hugo épique* (= quand il est épique) [5: с. 225]. Отметим и запомним это: что-то сближает постпозитивное прилагательное (и в роли прозвища) с придаточным предложением. При этом зададимся вопросом, чем отличается такая конструкция от *l'harmonieux Racine*, ведь и здесь можно вскрыть запрятанное придаточное предложение — *Racine qui est harmonieux*. Встаёт вопрос, как получается формула «существительное + артикль + прилагательное» и что она выражает.

В практической грамматике Г. Може, который даёт наиболее подробные инструкции по употреблению артикля, просто констатируется, что в названиях (*dans les appellations*), содержащих титул или прозвище, артикль ставится перед титулом или прозвищем. Приводятся следующие примеры: *Monsieur le Député*,

Madame la Duchesse, Louis le Germanique, Guillaume le Taciturne [4: с. 119], а также *Jo la terreur, Pierrot le fou* [4: с. 107].

Исследуя эту проблему, мы наткнулись в работе М.Д. Фридмана на неожиданную мысль о том, что артикль при постпозитивном прилагательном указывает на атрибутивную (или предикативную) связь прилагательного с существительным. Необычность этой трактовки в том, что, казалось бы, прилагательное способно без всякого артикля или другого специального средства выполнять эту свою функцию. Тогда зачем нужен артикль? Поясняя свою точку зрения на употребление определённого артикля с постпозитивным прилагательным в немецком языке, М.Д. Фридман приводит в пример фразы из Гёте и Шиллера [2: с. 12], такой же конструкции, как, например, у Ж.-П. Сартра: *Garcin le lâche tient dans ses bras Estelle l'infanticide*.

Во французском языке позиция после существительного зарезервирована за прилагательным, функцией которого является определение существительного. Иными словами, то, что следует за существительным, в силу своей позиции находится в атрибутивной (или предикативной) связи с существительным. Для выполнения этой функции существительное даже утрачивает артикль, как, например, в *recette miracle*. В.Г. Гак приводит также примеры адъективизации сочетаний: *des gants beurre-frais*, и даже собственных имен: *la tour Eiffel*. Тогда какой смысл субстантивировать прилагательное, которое по своим частеречным характеристикам и по месту в предложении (справа от существительного) выполняет присущую ему атрибутивно-предикативную функцию, когда даже существительное в этой позиции десубстантивируется, лишаясь артикля?

Простой языковой эксперимент, состоящий в субстантивации качественного прилагательного, позволяет обнаружить предикативность, «упакованную» в механизме субстантивации, воплощённую в субстантивирующем артикле. Процедура субстантивации состоит в том, чтобы не повторять существительное. Для этого существительное опускают, и артикль сопровождает прилагательное. Существительное при этом подразумевается. Ср.: — *Яблоки подать?* — *Да, подавайте сначала сладкие.* — *Je sers les pommes?* — *Oui, servez d'abord les pommes douces.*

Применяя тот же приём субстантивации к прилагательному в сравнительной степени, мы не получаем субстантивированное прилагательное в той же (сравнительной) степени, но субстантивированное прилагательное в превосходной степени: — *Да, подавайте сначала более сладкие.* — *Oui, servez d'abord les pommes plus douces.* Только при помощи эксплицитной предикации (и указательного местоимения) мы можем избежать повторения существительного: — *Oui, servez d'abord celles qui sont plus douces.* Излишне говорить, что субстантивация качественного прилагательного в превосходной степени также невозможна первым способом, обычным для прилагательного в положительной степени, т.е. при помощи артикля, но возможна тем же путём, что и субстантивация прилагательного в сравнительной степени. — *Да, подавайте сначала самые сладкие.* (– **Oui, servez d'abord les pommes les plus*

douces.) — *Oui, servez d'abord celles qui sont les plus douces.* Мы благодарим кандидата филологических наук А.П. Ходькову за тонкое замечание о том, что в русском языке эллипс существительного скорее влечёт за собой нейтрализацию сравнительной и превосходной степеней («дайте послаще») и в чистом виде возможен только при прилагательном в положительной степени («дайте сладкие»). Заметим, что нейтрализация степеней сравнения прилагательного привела к замене прилагательного наречием. Иными словами, в русском языке, при попытке субстантивировать прилагательное в какой-либо степени сравнения, кроме положительной, оно (прилагательное) превращается в наречие, т.е. перестаёт быть атрибутом имени и становится атрибутом предиката.

В сущности, в анализируемом французском примере субстантивация и предикация оказываются синонимичными процедурами: при невозможности применения одного механизма для достижения тех же целей мы прибегаем к другому механизму, который аналогичен первому, так как они функционально идентичны.

Итак, пристальный взгляд на субстантивацию позволил увидеть сближение субстантивации с предикацией. Подойдём теперь к той же ситуации, анализируя явление предикации.

В.Г. Гак указывает на три разновидности *квалификативного* предиката: а) идентифицирующий, выражающий тождество субъекта и предиката; б) классифицирующий, относящий субъект к определённому классу, выраженному предикатом; в) характеризующий, сообщающий признак субъекта [1: с. 583–584].

- В предложениях тождества объём значения субъекта совпадает с объёмом значения предиката, поэтому субъект и предикат, которые обозначают единственный предмет или класс предметов, выражаются именем собственным, местоимением или существительным с определённым артиклем. Например, *M. Dupon est le directeur de cette usine.*

- В предложениях классификации субъект по объёму значения уже предиката, который обозначает не отдельный предмет, а весь класс. Поэтому классифицирующий предикатив употребляется с неопределённым артиклем (*le chat est un mammifère*) или без артикля, когда субъект представлен не просто одушевлённым предметом, но лицом (*Pierre est étudiant*).

- В предложениях характеристики предикат выражает признаки субъекта и обычно передаётся прилагательным или десубстантивированным именем. Например: *Ils sont devenus marteaux* (в значении «чокнутые»). См. также у G. Mauger: *M. Legris est très professeur* (= professoral) [4: с. 107].

Это случаи полной предикации, т.е. предикации, представленной в развернутом виде.

Однако предикативные отношения необязательно выражены эксплицитно. Тогда говорят о таких видах предикативности, как свёрнутая и скрытая предикативность. Сопоставление этих видов неявной (или реализованной) предикации показывает, что в случае «скрытой предикативности нет даже паузы и специфической интонации, отделяющий дополнительный предикативный комплекс от остальной части предложения. Скрытая предикативность

выражается необособленным членом предложения». [1: с. 554]. Речь идёт о выражении свёрнутой предикативности при помощи процессного существительного и о выражении скрытой предикативности непроцессным словом, например, факультативным обстоятельством или определением, в роли которого выступает прилагательное. В.Г. Гак приводит такие примеры для иллюстрации свёрнутой и скрытой предикативности:

– **свёрнутая предикативность**: *La brutalité de ses réponses épouvantait les courtiers en laine = Elle répondait; Elle était brutale; Cela épouvantait les courtiers* (три события = три пропозиции);

– собственно **скрытая предикативность**: *Les enfants jouent dans le jardin = Les enfants jouent. Ils sont dans le jardin* и *Ces bêtes sauvages sont dangereuses = Comme ces bêtes sont sauvages, elles sont dangereuses*.

В другом месте, говоря об отсутствии артикля «при обозначении субстанции в обобщённом виде», В.Г. Гак **объединяет в один пункт** конструкции, классифицирующие субъект (*Pierre est étudiant*), и приложения (*M. Dubois, docteur ès lettres*) [1: с. 180].

Рассмотрим подход Г. Може к роли артикля при приложении и именной части сказуемого [4: с. 106–108]. Появление артикля придаёт приложению и предикативу оттенок «общеизвестности» (*notoriété*), как во фразах *M. Lefèvre, le transporteur, chargera vos caisses* и *Maître Legrand est l'avocat de Jean*, или «единственности» (*unicité*), как в *Tu es le chef*. Артикль также, по Г. Може, придаёт именной части сказуемого характер прозвища: *On appela Henri IV le Béarnais. On la surnomme la Folle*.

Обратим внимание на то, что Г. Може [4: с. 108] прямо соотносит определённый артикль при именной части сказуемого, выражающий известность (*Maître Legrand est l'avocat de Jean*) и единственность (*Tu es le chef*) с определённым артиклем в прозвищах.

Для полноты картины рассмотрим и употребление неопределённого артикля с именем в приложении и в функции предикатива. Г. Може считает, что употребление артикля с приложением и предикативом придаёт им эмфатический характер. Приводятся примеры типа *Je te présenterai André, un as de la belotte* или *J'ai consulté le docteur Leblanc, un oculiste de l'hôpital*. О последнем примере Г. Може говорит, что артикль в данном случае выделяет врача среди многих подобных. Для убедительности действия артикля грамматист сопоставляет этот пример с вариантом без артикля *J'ai consulté le docteur Leblanc, oculiste de l'hôpital*, в котором приложение указывает лишь на профессию. Примерно так же объясняет Г. Може употребление и неупотребление неопределённого артикля с именной частью сказуемого. В *Vous êtes avocat* именная часть сказуемого просто констатирует принадлежность к определённой профессии, в то время как в *Vous êtes un avocat* этот факт выделен, подчеркнут. В другой группе примеров Г. Може более наглядно объясняет разницу между предикативом без артикля и с артиклем, не ограничиваясь абстрактным *mise en relief*: *Je suis soldat: c'est mon métier* (указание на род занятия) и *Je suis un*

soldat: j'en ai les caractères moraux (указание на обладание особыми, присущими солдату, моральными качествами).

Теперь мы можем рассмотреть любые именные группы, имя с прилагательным, прозвища, обращения и даже имя с прилагательным в превосходной степени через призму предикативных отношений, скрытых или свёрнутых. Исходим при этом из того, что они могут быть, как и эксплицитно выраженные предикативные отношения, трёх типов: идентифицирующий, классифицирующий, характеризующий.

Мы склоняемся к тому, чтобы считать случаи употребления определённого артикля между именем и последующим прилагательным или именем и последующим именем сворачиванием предикативных отношений идентифицирующего типа. Именно при идентифицирующем предикате употребляется определённый артикль, но грамматисты в этом случае не говорят о субстантивации, потому что идентифицирующий предикат может быть только существительным, причём с определённым артиклем. Для классифицирующей предикации существительное употребляется с неопределённым артиклем или вовсе без артикля. Для характеризующей предикации существительное десубстантивируется и поэтому употребляется без артикля, приобретая черты адъективности. Если в роли идентифицирующего предиката оказывается не-существительное, тогда нужна субстантивация для обеспечения этого типа предикации.

В таком случае прилагательное в роли идентифицирующего предиката выражает не преходящий признак, приписываемый существительному в данной речевой ситуации, а тот же признак, оцениваемый как неотъемлемая характеристика, делающая существительное легко идентифицируемым по признаку, которым другие не обладают или обладают не в такой (исключительной) степени. Прилагательное в превосходной степени, характеризуя существительное, получает определённый артикль, потому что оно делает это существительное единственным в своём роде. Отсюда и приём прибавления прилагательного к собственным именам (при помощи определённого артикля), приближающий их, по сути, к прозвищам (и фамилиям).

Мы можем констатировать употребление идентифицирующего артикля даже между двумя существительными как экономное средство передачи предикативных отношений. Например, в структурах *monsieur le professeur*, *monsieur le président* и т.п. — имеем, очевидно, скрытую идентифицирующую предикацию, при помощи которой обозначаем «господина (которого ни с кем другим не спутаешь, потому что он) учитель или председатель».

В.Г. Как подчёркивает роль интонации для выражения синтаксических отношений следующим примером: «...во фразе *Elle veut cette robe / longue* ударение на *robe*, пауза и перелом мелодики будут значить, что между *robe* и *longue* — полупредикативные отношения: *Она хочет, чтобы это платье было длинным* (а не — *Она хочет это длинное платье*)» [1: с. 602].

Приведём пример сочетания «имя + артикль + имя», где мы усматриваем отношения свёрнутой предикации идентифицирующего характера. В следую-

щем отрывке из радиопередачи диктор два раза употребляет определённый артикль при имени собственном, без прилагательного, по-видимому, только для того, чтобы разбить два ударных слога, при этом обеспечивая предикативную связь между ними: ...*un des duos de Séda Aznavour avec son père le Charles qui chante avec elle en arménien* и ...*Voici donc Séda Aznavour et son père le Charles, dans un duo de Sayat-Nova en arménien* (выделено нами. — А.М.).

Пауза и перелом мелодики показывают полупредикативные отношения, которыми связаны между собой слова *son père* и (*le*) *Charles*.

Итоги нашего исследования мы можем наглядно представить в таблице.

Таблица 1

Типы предикативных отношений

Тип предикации	Классифицирующий предикатив	Идентифицирующий предикатив	Характеризующий предикатив
Полная предикация	1. Существительное без артикля: <i>Il est étudiant.</i> 2. Существительное с неопределённым артиклем: <i>Le chat est un mammifère.</i>	1. Существительное с определённым артиклем: <i>Tu es le chef.</i> 2. Субстантивированное прилагательное, в т.ч. прилагательное в превосходной степени: <i>Elle est la meilleure.</i>	1. Прилагательное в положительной или сравнительной степени: <i>Il est triste.</i> 2. Десубстантивированное существительное: <i>T'es marteau.</i>
Свёрнутая предикация	1. Существительное без артикля в функции приложения: <i>M. Dubois, docteur es lettres.</i> 2. Существительное с неопределённым артиклем в функции приложения: <i>Le docteur Leblanc, un oculiste de l'hôpital.</i>	1. Существительное с определённым артиклем в функции приложения: <i>Son père le Charles;</i> 2. Постпозитивное прилагательное с определённым артиклем: <i>Garcin le lâche,</i> в т.ч. постпозитивное прилагательное в превосходной степени: <i>Les pommes les plus douces.</i>	Постпозитивное прилагательное, стремящееся к обособлению: <i>Le Victor Hugo épique,</i> а также обособленное прилагательное: <i>Elle veut cette robe / longue.</i>
Скрытая предикация	Классифицирующее существительное, составляющее единую ритмическую группу с классифицируемым: <i>Le docteur Leblanc.</i>	Титулы, прозвища по формуле: существительное + артикль + существительное: <i>Jo la terreur</i> и существительное + артикль + прилагательное: <i>Basile le bienheureux.</i>	Препозитивное прилагательное в функции определения: <i>Le grand Corneille, l'harmonieux Racine.</i>

Из таблицы видно, что постпозитивное прилагательное или существительное с определённым артиклем (в титулах и прозвищах), в т.ч. постпозитивное прилагательное в превосходной степени (2-я и 3-я строки второго столбца) можно трактовать как свёрнутую или скрытую предикацию идентифицирующего типа. Артикль с именем собственным и с препозитивным прилагательным (*le petit Pierre, une nouvelle Jenny*), а также с именем собственным и постпозитивным прилагательным или другим определением (*je n'aime pas le Victor Hugo épique, la Jenny de cet été-là*) сигнализирует о свёрнутой или скрытой предикации характеризующего типа (2-я и 3-я строки третьего столбца). Вторая и третья строки первого столбца показывают случаи свёрнутой и скрытой предикации классифицирующего типа.

Библиографический список

Литература

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Фридман М.Д. Специфика артикля в свете типологического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Д. Фридман. – М., 1969. – 16 с.
3. Штейнберг Н.М. Грамматика французского языка / Н.М. Штейнберг. – Ч. 1. Морфология и синтаксис частей речи. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1966. – 362 с.
4. Mauger G. Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. – Paris: Librairie Hachette, 1968. – 119 p.
5. Grammaire Larousse du XX-e siècle. – 15-ième tirage. – Paris: Librairie Larousse, s.d. – 225 p.

References

Literatura

1. Gak V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy'ka / V.G. Gak. – M.: Dobrosvet, 2000. – 832 s.
2. Fridman M. D. Specifika artiklya v svete tipologicheskogo analiza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / M.D. Fridman. – M., 1969. – 16 s.
3. Shtejnberg N.M. Grammatika francuzskogo yazy'ka / N.M. Shtejnberg. – Ch. 1. Morfologiya i sintaksis chastej rechi. – 3-e isd., ispr. i dop. – M.: Prosveshhenie, 1966. – 362 s.
4. Mauger G. Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. – Paris: Librairie Hachette, 1968. – 119 p.
5. Grammaire Larousse du XX-e siècle. – 15-ième tirage. – Paris: Librairie Larousse, s.d. – 225 p.

Е.Н. Михайлова

Studia litterarum в научном наследии Шарля Этьена (1504?–1564)

Статья посвящена рассмотрению научного наследия Шарля Этьена (1504?–1564), представителя известного в Европе издательского дома Этьенов. В центре внимания находится филологическая деятельность французского гуманиста.

The article represents a survey of the scientific heritage of Charles Estienne's, a representative of Estienne's publishing-house famous in Europe. Philological work of the French humanitarian as in the focus.

Ключевые слова: studia litterarum; гуманизм; книгопечатание; естествознание; энциклопедизм; словари.

Key words: studia litterarum; humanism; book-publishing; natural science; encyclopedic learning; dictionaries.

Мощный импульс для изучения культуры Возрождения, заданный в первой половине XIX века работами Ж. Мишле, Г. Фойгта, Я. Буркхардта, привёл к появлению многочисленных работ, посвящённых изучению литературного, научного и художественного наследия многих ярких её представителей, причём не только в Италии, ставшей колыбелью Ренессанса, но и в других странах Европы. Не осталось без внимания исследователей и французское Возрождение, быстротечное по сравнению с итальянским, но не менее яркое и самобытное.

Как известно, своими достижениями культура Возрождения во многом обязана книгопечатанию, которое усилиями талантливых и предприимчивых издателей способствовало распространению новых идей. Во Франции в течение XVI века потребность в светской и христианской литературе обеспечивало несколько типографий, расположенных главным образом в Париже и Лионе [8, 9]. Одним из наиболее престижных в то время был издательский дом королевских типографов Этьенов, отличавшийся от других издательских домов своей ярко выраженной филологической направленностью.

Самыми известными его представителями являются отец и сын Этьены — Робер (1503–1559) и Анри (1528–1598). Именно они оказали наиболее заметное влияние на судьбу противостояния латинского и французского языков, а многочисленными изданиями работ филологического содержания способствовали созданию благоприятного климата для развернувшихся вокруг

языка дебатов и содействовали процессу формирования норм французского национального письменно-литературного языка.

Этот факт подтверждается тем, что именно в этой типографии была издана первая грамматика французского языка, автором которой был Жак Дюбуа (1531), именно там начиная с 1532 г. были отпечатаны многочисленные одно-, дву- и многоязычные словари. Там увидела свет и дала толчок филологическим изысканиям французских гуманистов знаменитая работа Лоренцо Валлы «Тонкословие латинского языка» («De Latina elegantia», 1533), там было опубликовано большинство филологических сочинений Эразма Роттердамского, наконец, именно в этой типографии были отпечатаны многочисленные трактаты по латинскому, французскому, греческому и другим языкам, отражавшие потребность эпохи в *studia litterarum*. Предпочтение, которое выказывали известные авторы именно этому издательскому дому в течение всего XVI века, связано с высочайшим профессионализмом и эрудицией, которые признавали за Этьенами представители гуманистического движения Европы.

В отличие от Робера и Анри Этьенов имя Шарля Этьена, младшего брата Робера и дяди Анри, известно лишь узкому кругу специалистов. До настоящего времени единственной работой, посвящённой его научной и издательской деятельности, является исследование Э. Лау [5]. Между тем это был один из ярчайших представителей французского гуманизма, оставивший заметный след в разных сферах деятельности, что в ту пору было не редкостью. Судьба этого образованнейшего человека эпохи по-своему отражает коллизии французского гуманизма первой половины XVI века, а его сочинения и изданные им труды проливают свет на многие аспекты интеллектуальной жизни во Франции того времени.

Сведения о жизни Ш. Этьена достаточно скудны. Год его рождения известен приблизительно: это, вероятно, 1504 г. По поводу года его смерти в научной литературе имеются разночтения. Наиболее убедительным выглядит мнение Ф. Ренуара, согласно которому Ш. Этьен умер весной 1564 г. [8: с. 143]. За сравнительно небольшой период времени (с 1535 по 1561 гг.) ему удалось осуществить широкомасштабную просветительскую программу, охватывавшую такие разные области науки, как естествознание и словесность¹.

Ш. Этьен был младшим сыном в семье одного из первых в Париже издателей и основателя знаменитой династии печатников — Анри Этьена (1470?–1520). Как и его старшие братья, Франсуа и Робер, Шарль получил блестящее образование, предполагавшее обязательное знание древних языков. В отличие же от них он посвятил себя не издательскому делу, а науке. Ещё будучи молодым человеком, он получил степень доктора медицины и долгое время его научная деятельность была связана с Парижским университетом. Как отмечают его биографы [7: с. 356–358; 5: с. 109–112], сделанные им открытия имели большое значение для развития медицины и принесли ему славу талантливого учёного, известного далеко за пределами Франции.

¹ В списке трудов Ш. Этьена, представленном в конце статьи, содержатся только первые издания его работ.

В 1551 г., после эмиграции Р. Этьена в Швейцарию, обусловленной наступлением Контрреформации во Франции, Ш. Этьену пришлось взять в свои руки управление семейной типографией. За десять лет (с 1551 по 1561 гг.) под его руководством и при его непосредственном участии были изданы многочисленные сочинения древних авторов, к числу которых принадлежит прекрасное четырёхтомное собрание сочинений Цицерона (1551–1555), труды Аппиана (1551), Дионисия Галикарнасского (1554), Плутарха (1554), Овидия (1555) и других авторов. Среди работ нового времени значатся переиздания нашумевшего в 1540-е гг. сочинения Петрусса Рамуса «*Aristoteliscarum animadversionum*» (1553) и книга Лоренцо Валлы «*De Latina elegantia*» (1557)¹.

Образованность Ш. Этьена, присущее ему безупречное чувство стиля, прекрасное знание им латинского и греческого языков были хорошо известны в кругу гуманистов. Не случайно знаменитый французский учёный Лазар де Баиф предложил ему быть наставником латинского и греческого языков у своего сына Жана-Антуана, впоследствии знаменитого поэта. О красноречии и прекрасном знании классических языков своего наставника Баиф-младший писал: «*Estienne, medecin, qui bien parlant estoit*» (= врач Этьен, отличавшийся красноречием); «*Des maistres le meilleur pour deslors m'enseigner / Le grec et le latin sans y rien espargner / Charles Estienne premier, disciple de Lascare*» (лучший из наставников для обучения греческому и латинскому языкам — Шарль Этьен, ученик Ласкариса) (цит. по: [7: с. 353–354]).

Нет ничего удивительного ни в том, что медик по образованию виртуозно владел классическими языками, ни в том, что существенное место в его научном наследии занимают наряду с работами по естествознанию труды филологического содержания. Как известно, гуманистическое движение в Европе было неотделимо от того, что принято было называть *studia litterarum*. Владение не только суммой знаний, но и умение её преподавать через искусное словесное описание было одним из важнейших условий гуманистической учёности.

В 30-е гг. XVI века молодой доктор медицины Ш. Этьен прославился как автор серии популярных работ по естествознанию. Первой из них стала небольшая книжечка «*De re hortensi libellus*», которая была опубликована в 1535 г. в парижской типографии Р. Этьена, а уже в следующем, 1536 г., была дважды переиздана: в Париже и Лионе, где у Этьенов был филиал. В духе своего времени эта работа была написана по-латински. Её жанр был определён самим автором как краткий компендиум (*breve compendium*), предназначенный для тех, кто плохо знает о том, что написано по вопросам устройства садов у древних латинских и греческих авторов [1: с. aii–aiii]. Трудность поставленной задачи Ш. Этьен объясняет тем, что во Франции произрастает далеко не всё то, чем славились античные сады. Источником этого труда послужили сочинения Колумеллы, Варрона, Плиния и некоторых других древних авторов, о чём Этьен уведомляет своего Читателя в Предисловии [1: р. aiii]. В то же время эти сведения, почерпнутые у авторитетных

¹ Полную библиографию трудов и изданий Шарля Этьена см. в: [6–8].

авторов прошлого, дополнены новыми данными — результатами собственных наблюдений Этьена или известными знатокам истинами.

С 1536 по 1538 гг. Ш. Этьен выпустил несколько новых компендиумов естественно-научного содержания: «*Seminarium, sive Plantarium earum arborum, quae post hortos conseri solent*» (1536); «*Arbustum; Fonticulus; Spinetum*» (1538); «*Sylva; Frutetum; Collis*» (1538). Как видно уже из названий этих работ, они посвящены описанию разного рода естественных ландшафтов: равнин, возвышенностей, лесов, источников. Продолжению начатой в первой книге темы обустроенной человеком природы посвящено пособие по виноградарству «*Vinetum*» (1537). О том, какой популярностью эти работы пользовались у современников, говорит список их многочисленных переизданий в течение всего XVI века, подчас по два издания в течение года [6–8].

Ценным с точки зрения филологии в них является, во-первых, то, что они представляют собой прекрасный образец ренессансной «высокой латыни», во-вторых, то, что все они имеют в качестве приложения индексы терминов на латинском и французском языках, дающие представление о содержании работы (*Indices dvo Latinarum & Gallicarum vocum, quae in hoc libello explicatae reperuntur*). Таким образом, Ш. Этьен по праву принадлежит к создателям первых во Франции лексиконов. Эти индексы интересны как с точки зрения той картины мира, которую предложил своим читателям Этьен, так и с точки зрения того, сколь асимметрична в языковом плане была эта картина мира: латинские индексы терминов в два и более раз обширнее, чем французские.

Своеобразным итогом этой кропотливой работы Ш. Этьена стала его книга «*Praedum rusticum*» (1554), которая через несколько лет была переведена им на французский язык. В силу трагических обстоятельств самому Этьену не удалось довести до конца работу по подготовке рукописи к печати, поэтому изданием эта книга обязана его зятю, Ж. Льебо, продолжившему семейный бизнес. Работа Ш. Этьена под названием «*L'agriculture et maison rustique*» увидела свет в 1564 г. и стала поистине настольной книгой французов, с упоением и размахом занимавшихся обустройством загородных домов и резиденций. Если о невероятной популярности этой работы во Франции свидетельствуют многочисленные её переиздания вплоть до начала XIX века, то о её популярности за пределами Франции говорит то, что в конце XVI в. она была переведена на итальянский, немецкий, английский, фламандский языки и неоднократно переиздавалась в Венеции (1581, 1591), Страсбурге (1578, 1589, 1592, 1607) и других крупнейших издательских центрах Европы, о чём не без восторга и гордости пишет А. Ренуар [7: с. 355].

Особое место в перечне естественно-научных работ Ш. Этьена занимает словарь «*De Latinis et Graecis nominibus arborum, fruticum, herbarum piscium et avium liber <...> cum Gallica eorum nominum appellatione*» (1536). Это своего рода энциклопедический словарь по естествознанию, в котором помимо обстоятельных объяснений на латинском языке, почерпнутых из книг древних авторов, на греческом и французском языках даны названия упоминаемых

в этом словаре растений, животных, рыб. Неоднократно переиздававшийся вплоть до 1559 г., этот словарь, даёт представление о научной картине мира, воссозданной Этьеном по работам знаменитых античных, средневековых и современных учёных и дополненной им самим.

Примечательным в словаре Ш. Этьена, а также в составленных им компендиумах, является то, что они отражают не только необходимые для понимания мира природы сведения, но и то, что они дают представление о ситуации вхождения, точнее, введения французского языка в мир науки. Эта работа была начата Ш. Этьеном задолго до того, как был опубликован Манифест «Плеяды» (1549), в котором Ж. Дю Белле призывал своих соотечественников включиться в борьбу, направленную на защиту и прославление французского языка, и до того, как в учебных заведениях Франции началось преподавание некоторых дисциплин на французском языке. Всё это говорит о том, что Ш. Этьен принадлежит к числу зачинателей лингвистического движения во Франции, которыми кроме его брата Р. Этьена принято считать К. де Сейселя, Ж. Тори, Ж. Дюбуа, Ш. де Бовеля, Ж. Лефевра, Л. Мегре, Ж. Пилло.

Среди переводов собственных работ, выполненных Ш. Этьеном, помимо «*L'agriculture et maison rustique*» достойное место занимает его трактат «*La Dessection des Parties du Corps humain*» (1556), который годом ранее был опубликован на латинском языке. Переводил Этьен и труды других авторов, в частности, книгу Публия Вегенция Рене по ветеринарии («*Quatre livres de Puble Vegece Renay de la medecine des chevaux malades*»). Как видим, в среде прогрессивной парижской профессуры, большинство представителей которой отличалось известным консерватизмом в отношении языка — инструмента научного изложения, ощущалась необходимость распространения знания через родной язык даже в том случае, когда речь шла о так называемой «чистой науке», к которой принадлежала медицина.

Свою лепту в развитие и совершенствование французского языка Ш. Этьен внес и переводами на родной язык популярных в то время комедий: итальянской пьесы «*Gli Ingannati*» («*des Abusez*», 1540) и пьесы известного латинского комедиографа Теренция «*l'Andriyanka*» («*l'Adrie*», 1542). В «Посланиях переводчика к читателю», предворявших оба издания, Ш. Этьен впервые в теории драмы дал подробное обоснование правилу, согласно которому следовало делить пьесу на сцены, чего, как отмечает Л.В. Евдокимова, не знала предшествующая традиция. Кроме того, в этих своих небольших по объёму Предисловиях он дал теоретическое обоснование членению пьесы на акты, следствием чего стало введение антрактов, дававших иллюзию приближения сценического времени к реальному [3: с. 200–203]. Таким образом, филологические изыскания и научный педантизм Ш. Этьена способствовали тому, что им был внесён существенный вклад в теорию и практику драматургии.

Особое место в научном наследии Ш. Этьена занимают две работы исторического характера. Обе они были опубликованы в 1552 г., первая носила на-

звание «Abrégé de l'histoire des vicomtes et ducs de Milan», вторая — «Discours des histoires de Lorraine et de Flandre». Вне сомнения, их появление было продиктовано событиями недавней истории, связанными с расширением границ французского государства. То, что обе эти работы были написаны Этьеном по-французски, лишний раз подтверждает выводы учёных о том, что в начале 50-х гг. XVI века французский язык достаточно прочно утвердился в сфере национальной историографии.

Отличительными чертами Ш. Этьена как яркого представителя французского гуманизма является широта интересов и безупречное чувство стиля, которое было присуще его собственным сочинениям и сделанным им переводам, а также подготовленным им изданиям. Это чувство стиля оттачивалось им по образцу сочинений Цицерона, горячим почитателем которого он был. Ещё до того как старший брат оставил на его попечение семейную типографию, он принимал деятельное участие в подготовке к изданию полного собрания сочинений Цицерона, а также сборников его речей и писем. Вершиной же этого долгого и кропотливого труда по ознакомлению современников с литературным наследием великого римского оратора стал созданный им «Словарь Цицерона» («Thesaurus M. Tullii Ciceronis»), увидевший свет в 1556 г. Этот объёмный труд в более чем полторы тысячи страниц содержит расположенные в алфавитном порядке слова, встречающиеся в различных произведениях Цицерона. Несомненным достоинством этого словаря является то, что для всех слов в качестве иллюстрации даются контексты, в которых слово употребляется в том или ином значении, кроме того, даются точные ссылки на работы, из которых берётся пример. Не без гордости Этьен пишет, обращаясь к читателям, что в его словаре «собраны различные выражения (formulas) обо всех вещах, о которых Цицерон размышлял и писал» [2: с. aii].

Без сомнения, этот словарь отвечал гуманистическим идеалам: потребности глубокого освоения научного наследия великого римского оратора и, главным образом, потребности получения образцов безупречного латинского узуса. Это был своего рода гимн Цицерону, которым восхищались и которому всегда подражали гуманисты. Как пишет Я. Буркхардт, в Италии увлечение Цицероном началось ещё в XIV веке, когда он стал рассматриваться как незамутнённый источник латинской прозы, а в XV веке началось сущее цicerоновское поветрие, обязанное своим появлением филологическим сочинениям Л. Валлы [3: с. 162]. Созданный Ш. Этьеном «Thesaurus M. Tullii Ciceronis» стал своеобразной вершиной культа Цицерона во Франции.

Ш. Этьен возлагал на этот словарь большие надежды, которым не пришлось оправдаться, так как именно это издание пошатнуло хорошо налаженное дело прославленных королевских печатников, в результате чего через несколько лет Ш. Этьен оказался заключённым в Шатле за долги, где и умер. Одна из причин краха этого блестящего проекта, приведшего его автора к гибели, безусловно, связана с кризисом культа латыни и всплеском языкового патриотизма во Франции, начавшимся в 50-е гг. XVI века. Именно в это время французский язык стал

объектом пристального внимания таких авторов, как Л. Мегре, Ж. Пилло, Ж. Гарнье и, конечно, Р. Этьен. По единодушному мнению историков французского языка, это был переломный этап в деле кодификации и нормализации французского письменно-литературного языка. В условиях сложившейся языковой ситуации, а также в атмосфере жесточайшей конкуренции, всегда существовавшей между типографами, словарь Цицерона был обречён.

Более успешной была судьба подготовленного при участии Ш. Этьена «Исторического словаря» («*Dictionarium historicum, geographicum, poeticum, omnia gentium, hominum, deorum, regionum, locorum, fluuiorum, ac montium antiqua recentioraque, ad sacras et profanas historias, poetarumque fabulas intellegendas necessaris vocabula, optimo ordine complectens*»). В его основе лежал известный «*Elucidarius carminum*», который был расширен и усовершенствован благодаря стараниям Р. и Ш. Этьенов. Начиная с 1530 г. 5 его изданий было осуществлено Р. Этьеном, но, как пишет А. Ренуар, именно благодаря стараниям Ш. Этьена этот словарь стал подлинно историческим словарем, который после многочисленных переизданий лёг в основу замечательных работ Бейля, Проспера Маршана, Морери и других французских энциклопедических словарей [7: с. 360].

Итак, знакомство с наследием видного французского гуманиста первой половины XVI века Ш. Этьена показывает, что в его научных поисках гармоничным образом сочеталось естественно-научное и гуманитарное знание. Его деятельная творческая натура была всецело подчинена настоящим потребностям гуманизма в освоении богатейшего античного наследия. Это освоение в духе времени мыслилось сквозь призму овладения словом, поэтому *studia litterarum* стало смыслом жизни этого талантливого человека. Несмотря на то, что абсолютное большинство его работ написано по-латински, он с полным основанием может рассматриваться как активный участник лингвистического движения во Франции, внесший заметный вклад в осмысление важнейших для того времени вопросов языка и способствовавший становлению французского национального языкового сознания.

Библиографический список

Источники

1. *Estienne Ch. De re hortensi libellus* / Ch. Estienne. – Parisiis [Paris]: Ex officina R. Stephani, 1535. – 8°[s.p.].
2. *Estienne Ch. Thesaurus M. Tullii Ciceronis* / Ch. Estienne. – Parisiis [Paris], apud Carolum Stephanum, typographum Regium, 1556. – 2°[s.p.].

Литература

3. *Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии* / Я. Буркхардт. – М.: ЮристЪ, 1996. – 591 с.

4. *Евдокимова Л.В.* Французская ренессансная комедия второй половины XVI века и античная традиция / Л.В. Евдокимова // Миф в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2003. – С. 198–204.

5. *Lau E.* Charles Estienne. Biographie und Bibliographie: Inaugural Dissertation / E. Lau. – Leipzig, 1930. – 215 S.

6. *Maittaire M.* Stephanorum historia vitas ipsorum ac libros complectens / M. Maittaire. – London: : s.a, 1709. – 8°[s.p.].

7. *Renouard A.A.* Annales de l'imprimerie des Estienne ou histoire de la famille des Estienne et de ses éditions. 2-e éd. / A.A. Renouard. – P.: Chez Jules Renouard et Cie, 1843. – 585 [16] p.

8. *Renouard Ph.* Répertoire des imprimeurs parisiens, libraires, fondeurs de caractères et correcteurs d'imprimerie depuis l'introduction de l'Imprimerie à Paris (1470) jusqu'à la fin du seizième siècle / Ph. Renouard. – P.: M.J. Minard, 1965. – 546 p.

9. *Saulnier V.-L.* L'humanisme français au premier temps du livre / V.-L. Saulnier // L'humanisme français au début de la Renaissance. – P., 1973. – P. 7–21.

References

Istochniki

1. *Estienne Ch.* De re hortensi libellus / Ch. Estienne. – Parisiis [Paris]: Ex officina R. Stephani, 1535. – 8°[s.p.].

2. *Estienne Ch.* Thesaurus M. Tullii Ciceronis / Ch. Estienne. – Parisiis [Paris], apud Carolum Stephanum, typographum Regium, 1556. – 2°[s.p.].

Literatura

3. *Burkhardt Ya.* Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii / Ya. Burkhardt. – M.: Yurist, 1996. – 591 s.

4. *Evdokimova L.V.* Francuzskaya renessansnaya komediya vtoroj poloviny XVI veka i antichnaya tradiciya / L.V. Evdokimova // Mif v kul'ture Vozrozhdeniya. – M.: Nauka, 2003. – S. 198–204.

5. *Lau E.* Charles Estienne. Biographie und Bibliographie: Inaugural Dissertation / E. Lau. – Leipzig, 1930. – 215 S.

6. *Maittaire M.* Stephanorum historia vitas ipsorum ac libros complectens / M. Maittaire. – London: : s.a, 1709. – 8°[s.p.].

7. *Renouard A.A.* Annales de l'imprimerie des Estienne ou histoire de la famille des Estienne et de ses éditions. 2-e éd. / A.A. Renouard. – P.: Chez Jules Renouard et Cie, 1843. – 585 [16] p.

8. *Renouard Ph.* Répertoire des imprimeurs parisiens, libraires, fondeurs de caractères et correcteurs d'imprimerie depuis l'introduction de l'Imprimerie à Paris (1470) jusqu'à la fin du seizième siècle / Ph. Renouard. – P.: M.J. Minard, 1965. – 546 p.

9. *Saulnier V.-L.* L'humanisme français au premier temps du livre / V.-L. Saulnier // L'humanisme français au début de la Renaissance. – P., 1973. – P. 7–21.

А.П. Ходькова

К вопросу о французских аналогах русской структуры глагол + беспредложное имя в творительном падеже

В статье выявлены два основных типа аналогов: 1) глагол + имя (синтаксическая функция предикатива или прямого дополнения); 2) глагол + имя + предлог (функция косвенного дополнения или обстоятельства со значением орудийности или образа действия, а также агентивного дополнения при глаголе в пассивной форме).

The article defines two main types of equivalents: 1) verb + noun (syntactic function of a nominal predicative or a direct object); 2) verb + noun + preposition (function of an indirect object or an adverbial modifier possessing the meaning of instrumentality or manner and also an agentive object after the verb in the passive voice).

Ключевые слова: творительный падеж; функция предикатива; функция косвенного дополнения; функция обстоятельства образа действия; функция орудийности; функция агентивного дополнения.

Key words: instrumental case; function of a predicative; function of an indirect object; function of an adverbial modifier of manner; function of instrumentality; an agentive object.

В практике преподавания французского языка наблюдаются трудности, связанные с поисками аналогов того или иного явления в русском языке, особенно в таких случаях, когда способы выражения не совпадают. Чаще всего подобные проблемы возникают при поиске французского аналога в многозначных структурах русского языка, связанных единой грамматической формой. Такое явление можно проиллюстрировать на примере русского глагола с беспредложным именем в творительном падеже. Поиск способов выражения данной конструкции во французском языке непрост.

В этой связи следует прежде всего, на наш взгляд, обратить внимание на значение глагола и имени. В «Русской грамматике» выделяется не одно значение исследуемой структуры, что, вероятно, и является причиной непростого нахождения её аналогов во французском языке: управляемое имя в форме творительного падежа обозначает предмет как объект действия или процессуального состояния, эмоционального отношения: *править, ведать, руководить кем-либо, чём-либо / нибудь; увлекаться, интересоваться кем / чем-нибудь; хвалиться, хвастаться чем-то; обремениться, обогатиться чем-то; зани-*

маться, промышлять, торговать чем-то; жертвовать, поступиться кем-то / чем-нибудь [2: с. 27].

Нетрудно заметить, что в данных употреблениях имени в творительном падеже осуществляется его объектная функция (косвенное дополнение), которая, как правило, во французском языке выражается предложным именем: *s'intéresser à qn, à qch; s'occuper de qn, de qch* и т.п.

Часто объектное значение имени в творительном падеже, как отмечается в «Русской грамматике», бывает ослаблено и сливается со значением восполняющим, например, в глаголах наполнения (полный охват чего-нибудь / чем-нибудь): *обрасти бородой, зарости травой, напиться влагой, наливаться соками*. Подобное значение имени наблюдается и после глаголов, называющих телодвижения: *всплеснуть руками, топтать ногами, цокать языком* и т.п.

Собственно восполняющее значение имеет творительный падеж при следующих глаголах: *быть, стать, становиться, явиться, оказаться, состоять, остаться кем / чем-нибудь; считаться, выглядеть, казаться, притворяться (простоком, скромником); слыть, назваться, сказаться кем-нибудь; смениться, обернуться кем / чем-нибудь; пахнуть, веять, нести, дышать чем-нибудь (радость сменялась разочарованием); пахнуть, веять, нести, дышать чем-нибудь (письмо дышит отчаянием); проникнуться, исполниться чем-нибудь (уважением, чувством ответственности); взять чем-нибудь (авторитетом, уменьем); сиять чем-нибудь (улыбкой); светиться чем-нибудь (счастьем); злиться слезами; закатиться смехом, плачем* и т.п.

Во французском языке после глаголов *être* (быть), *devenir* (становиться), *rester* (оставаться), *paraître* (казаться) и других связочных или полусвязочных глаголов употребляется имя без артикля или с артиклем в зависимости от его именной полнотности, от того, в какой мере это имя способно обозначать предмет (наличие артикля) или обозначать скорее не предмет, а его признак (отсутствие артикля). В том или ином случае перед именем предлога нет, следовательно, эти имена связаны с глаголом способом примыкания: *être professeur — être un bon professeur — être le professeur de chimie de Jean; devenir étudiant — devenir un étudiant studieux — devenir le meilleur étudiant du groupe 2*.

Заметим, что французское имя в данном употреблении несёт функциональную нагрузку предикатива с восполняющим значением.

В «Русской грамматике» отмечается, что граница между объектными и восполняющими отношениями при сильно управляемом беспредложном творительном падеже чётко проводится лишь в некоторых случаях, например: *восхищаться чем-нибудь — что-то восхищает, торговать чем-нибудь — что-то продаётся*, а также в *быть кем-то, слыть кем-то, состоять кем-то*. В других же случаях различие между этими отношениями оказывается нечётким.

Очевидно, что такое разнообразие отношений, выражаемых одной и той же формой творительного падежа русского языка, не может иметь в другом языке единого аналога, тем более если это язык с принципиально другой грамматической организацией. Маловероятно, чтобы такой веер значений на-

шёл своё выражение в каком-то одном из типов отношений. Логичнее предположить, что во французском языке с аналитическим грамматическим строем одной грамматической форме русского языка соответствует несколько способов выражения. Возможно, каждое из значений имеет свою особую форму во французском языке. Последнее должно учитываться в практике преподавания грамматики французского языка, так как в случаях несовпадения объёма понятий сравниваемых языков часто наблюдается явление интерференции, т.е. подмена одного способа выражения того или иного понятия другим, правильным для исходного языка, но неправильным для языка сравнения.

Рассмотрим другие эквиваленты данного явления русской грамматики во французском языке.

1. **Объектное значение**, выражение процессуального состояния, эмоционального отношения.

Во французском языке выделяется подгруппа имён в значении объекта с **различными предлогами**. В таких случаях, как: *увлекаться живописью* (*se passionner pour la peinture*), *интересоваться литературой* (*s'intéresser à la littérature*), *больше не интересоваться конкурсом* (*se désintéresser du concours*), *пользоваться словарём* (*se servir d'un dictionnaire*) — во французском аналоге сохраняется значение объекта действия, однако его оформление иное, чем в русском языке: после глагола следует предложное существительное (косвенное дополнение), вводимое различными предлогами. Выбор того или иного предлога **формален**. Структура с десемантизированным предлогом представляет собой застывшее явление.

Среди глаголов, сопровождающихся именем-объектом в творительном падеже русского языка, выделяется группа глаголов чувственного **восприятия**, аналог которой во французском языке присоединяется к глаголу способом примыкания: *любоваться пейзажем* (*admirer le paysage*), *пахнуть чесноком* (*sentir l'ail*). Данная группа глаголов также присоединяет имя без предлога по **формальному** критерию (прямое дополнение).

Особую трудность для русскоговорящих представляют глаголы, обозначающие движение **частей тела** человека. Во французском языке употребляется имя без предлога, что вызывает определённые трудности у изучающих французский язык. Значение орудийности, содержащееся в таких выражениях, как *махнуть рукой* (*agiter la main*), *качать головой* (*hâcher la tête*), *пожимать плечами* (*hausser les épaules*), в сознании изучающих язык плохо сочетается с прямопереходной структурой.

Заметим, что во французском языке не все движения частей тела человека выражаются посредством прямопереходной структуры, часто употребляется предлог *de*, реже *à*, например: *топнуть ногой* (*taper du pied*), *скрежетать зубами* (*grincer des dents*), *указывать пальцем* (*montrer au (du) doigt*), *толкнуть локтем* (*pousser qn du coude*). Иногда движение части тела человека выражается при помощи предлога *avec*: *Il m'a regardé un moment avec son oeil rond*. Следует

отметить, что в последнем случае употребление предлога *avec* вместо предлога *de* связано, на наш взгляд, с особым значением имени *oeil*, которое автор хочет подчеркнуть, употребляя определение *ronde*: у персонажа был особый, только ему свойственный взгляд. Представляется, что имя с предлогом *de* в вышеприведённых примерах было бы едва заметным, как, например, в выражениях *taper du pied*, *pousser du coude*, когда возможно поставить вопрос *taper, pousser de quoi?* (признак косвенного дополнения), а также *comment?* (признак обстоятельства образа действия). Необычное употребление предлога *avec* при имени части тела придаёт слову *oeil* особый статус в предложении, обращает на себя внимание читателя. При семантически полном предлоге существительное становится более полным семантически, а также более независимым синтаксически.

Существуют также случаи, когда аналогом русского глагола с беспредложным именем в творительном падеже, обозначающим движение части тела, является **непереходный** глагол французского языка, например: *повести бровью* — *sourciller*; *чесать языком* — *bavarder, potiner*; *шмыгать носом* — *renifler*; *свернуться клубком* — *se pelotonner*; *содрогнуться всем телом* — *frémir, frissonner, tressaillir*; *бить копытом землю* — *piaffer*.

2. **Орудийное значение**, выражаемое в русском языке глаголом с беспредложным именем в творительном падеже, обозначающим предметы, отдельно существующие по отношению к субъекту.

Поскольку речь идёт об орудийности, в центре нашего внимания находятся существительные, обозначающие **неодушевлённые** предметы материального мира, например, *есть вилкой* — *manger avec une fourchette*, *пораниться ножом* — *se blesser avec un couteau*. Как отмечает Г.А. Тер-Авакян, во французском языке «собственно орудийное значение чаще всего выражается предлогом *avec*, который может употребляться практически перед любым конкретным существительным с любым детерминативом» [3: с. 106]. Учёный также указывает, что предлог *avec* исключается после глаголов со связанным употреблением предлога типа *jouer de*, *se servir de*, *user de*.

Этот предлог употребляется перед абстрактными существительными лишь в трёх случаях:

1) для указания на языковые средства, с помощью которых строится речь субъекта действия (*Je m'arrangeais avec des engins d'emprunt*);

2) для указания на высказывания или, реже, на другие действия или свойства субъекта, которыми он — вольно или невольно — раздражает другое лицо (*tu m'agaçais avec ton air solide*);

3) для указания на средства, которыми пользуется субъект в борьбе за те или иные преобразования (*Ce n'est pas avec des criailleries mais avec du fer et des lois qu'on fonde les empire*).

Орудийное значение, по словам Г.А. Тер-Авакяна, может быть выражено во французском языке и при помощи предлога *à*. Однако если предлог *avec* указывает и на случайные предметы, используемые как орудия (*Le moujik*

barbu reclouait ses bottes avec un caillou), то предлог *à* употребляется только применительно к орудиям, используемым строго по назначению, в своей привычной функции (*coudre à l'aiguille ou à la machine, écrire au crayon ou au stylo, manger à la cuiller*). Как правило, предлог *à* употребляется перед существительными с определённым артиклем в обобщающем значении.

Фактически наличие малоинформативного определённого артикля перед существительным с этим предлогом лишает глагольное словосочетание свободной силы связи его компонентов и образует полузастывшие клише.

Отмечено, что предлог *à* вводит также названия частей тела, но при условии, что они сопровождаются числительными или некоторыми прилагательными типа *plein*. Как правило, при этом артикль опускается: *avancer à trois pattes; tambouriner à pleins poings, pleurer à chaudes larmes* [3: с. 107].

3. **Способ действия** — одно из значений изучаемой структуры, в которой используется широкий по значению предлог *à*. Так, кроме его употребления с орудийным значением он может указывать и на то, как выполняется действие (обстоятельство образа действия). При этом, несмотря на наличие артикля перед именем, его прямое значение ослаблено, имя с предлогом обозначает признак действия, а не предмет: *peindre un tableau à l'huile, рисовать картинку чернилами — dessiner une image à l'encre*.

В особую группу выделяются структуры, эквивалентные беспредложному русскому имени в творительном падеже, обозначающие **способ передвижения**. Как правило, в таком случае предлог *à* конкурирует с предлогом *en* и реже с предлогом *par*, например: (букв.) *я добираюсь в университет велосипедом (мотоциклом) — je vais à l'université à bicyclette (à moto)*. Отметим, что в русском языке в этом случае используется предложная структура *я еду в университет на велосипеде (на мотоцикле)*. Однако в других случаях употребляется предлог *en*: *j'y vais en voiture, en bus, en métro, en taxi, en tram*. С. Пуассон-Кэнтон и её соавторы мотивируют варьирование предлога изменением семантики словосочетания: если речь идёт об открытом пространстве, то употребляется предлог *à*, если же пространство закрыто, то следует употреблять предлог *en*. При этом отмечается, что правило это не всегда соблюдается носителями французского языка [6: с. 174].

Иногда способ передвижения может передаваться и при помощи предлога *par*: *Il est venu par le train. — Он приехал поездом*. Как нетрудно заметить, жёсткого правила при передаче способов передвижения не существует. Следует говорить *voyager par bateau, par avion, par chemin de fer — путешествовать теплоходом, самолетом, поездом*. Предлог *par* употребляется и при выражении способа передвижения неживых предметов по воле человека: *J'ai expédié votre colis par la poste. — Я отправил вашу посылку по почте (почтой)*. Как отмечает С. Пуассон-Кэнтон, в этом случае артикль может быть и опущен, тогда значение предложного имени приобретает наречный характер: *...les arbres ont été arrachés par millions — ...деревья были вырваны в большом количестве*.

4. При выражении значения **агента действия**, одного из эквивалентов беспредложного имени русского страдательного залога, существует проблема выбора предлога. Как известно, в таком случае употребляется или предлог *de*, или *par*. Обычно правило выбора предлога определяется степенью активности агента действия. Принято считать, что предлог *par* выражает более активного агента, а предлог *de* — более пассивного. Выявлено множество других нюансов значений этих предлогов в зависимости от их окружения и от коммуникативной направленности высказывания говорящего. Существуют ограничения в употреблении предлога *par*, связанные с семантикой глагола: после глаголов чувств, отношений, восприятий, воздействий, как правило, ожидается предлог *de*. Предпочтение предлога объясняется также и стилистическим фактором: литературный язык предпочитает предлог *de*, разговорный — предлог *par*. Л. Кледа отмечает семантическое различие этих предлогов после пассива, которое состоит в том, что предлог *par* подчёркивает собственно агентивное значение дополнения, тогда как предлог *de* затушёвывает его и выдвигает на первый план его орудийное или атрибутивное значение: *Il fut blessé de deux balles de revolver par un jeune homme* [4: с. 228].

Таким образом, краткий анализ форм французского языка, аналогичных по значению структуре глагол + беспредложное имя в творительном падеже русского языка, позволяет утверждать, что во французском языке эти формы более разнообразны:

1. **глагол + имя** (способ **примыкания**; синтаксическая функция имени — **предикатив** или **прямое дополнение** в зависимости от характера глагола);

2. **глагол + предлог + имя** (способ **служебных слов**; синтаксическая функция **косвенного дополнения, обстоятельства** (со значением орудийности, способа действия) в зависимости от характера глагола и от значения имени, а также функция **агентивного дополнения** глагола в пассиве.

Библиографический список

Литература

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. — М.: Добросвет, 2000. — 831 с.
2. Русская грамматика. — Т. 2. Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — 710 с.
3. Тер-Авакян Г.А. Значение и употребление предлогов во французском языке / Г.А. Тер-Авакян. — М.: Высшая школа, 1983. — 228 с.
4. Штейнберг Н.М. Грамматика французского языка / Н.М. Штейнберг. — Ч. I. Морфология и синтаксис частей речи. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1966. — 362 с.
5. Mauger G. Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. — Paris: Librairie Hachette, 1968. — 419 p.
6. Poisson-Quinton S. Grammaire expliquée du français / S. Poisson-Quinton et d'autres. — Paris: CLE international, 2002. — 430 p.

Справочные и информационные издания

7. Dictionnaire Bordas. Pièges et difficultés de la langue française. – Paris: Bordas, 2008. – 1087 p.
8. *Colin J.-P.* Dictionnaire des difficultés du français / J.-P. Colin. – Paris: Le Robert, 2004. – 623 p.
9. Larousse pratique. Dictionnaire du français au quotidien. – Paris: Larousse, 2003. – 1649 p.

References*Literatura*

1. *Gak V.G.* Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy'ka / V.G. Gak. – M.: Dobrosvet, 2000. – 831 s.
2. Russkaya grammatika. – Т. 2. Sintaksis. – M.: Nauka, 1980. – 710 s.
3. *Ter-Avakyan G.A.* Znachenie i upotreblenie predlogov vo francuzskom yazy'ke / G.A. Ter-Avakyan. – M.: Vy'sshaya shkola, 1983. – 228 s.
4. *Shteinberg N.M.* Grammatika francuzskogo yazy'ka / N.M. Shteinberg. – Ch. I. Morfologiya i sintaksis chastej rechi. – 3-e izd., ispr. i dop. – L.: Prosveshhenie, 1966. – 362 s.
5. *Mauger G.* Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. – Paris: Librairie Hachette, 1968. – 419 p.
6. *Poisson-Quinton S.* Grammaire expliquée du français / S. Poisson-Quinton et d'autres. – Paris: CLE international, 2002. – 430 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. Dictionnaire Bordas. Pièges et difficultés de la langue française. – Paris: Bordas, 2008. – 1087 p.
8. *Colin J.-P.* Dictionnaire des difficultés du français / J.-P. Colin. – Paris: Le Robert, 2004. – 623 p.
9. Larousse pratique. Dictionnaire du français au quotidien. – Paris: Larousse, 2003. – 1649 p.

В.М. Костева

Европейские проекты реформ орфографии

В статье рассматриваются проекты орфографических реформ тоталитарных государств XX века — Советского Союза, Германии, Албании, Испании, Румынии — как закономерное явление «тоталитарной» лингвистики. Сравнительный анализ позволяет выявить общие тенденции данных реформ и их связь с современными реформами правописания.

This article deals with the projects of spelling reforms in totalitarian states — the Soviet Union, Germany, Spain, Albany, Rumania — as one of the basic elements of «totalitarian» linguistics. The comparative analysis of them allows to find the main trends of these reforms and their connection with the modern spelling reforms.

Ключевые слова: тоталитарное государство; идеология; орфографическая реформа; фонетический принцип; упрощение.

Key words: totalitarian state; ideology, spelling reform; phonetic principle; simplification.

Проекты реформирования орфографии являются составной частью языковой политики любого государства и реализуются им по мере необходимости для регулирования процессов, происходящих в языке в конкретный исторический период. Кодификация таких изменений представляется задачей прежде всего лингвистической. Однако в XX веке в европейских тоталитарных государствах в проектах орфографических реформ находят своё отражение не только языковые проблемы, но и политические программы и идеологические установки правящего режима, а часто и их политический и / или социальный заказ. Проследим эту тенденцию на конкретных примерах.

Вопрос реформирования орфографии русского языка занимал одно из центральных мест в языковой политике СССР сталинского периода. Её актуальность была вызвана, как объяснялось в официальных документах, «половинчатостью» [1: с. 6] реформы правописания 1918 года, не устранившей, напри-

мер, двоякое написание отдельных слов, а появление новых заимствованных слов и их транскрипция нуждались в дальнейшей унификации правописания. В октябре 1929 года «Учительская газета» выступила с требованием упростить существующие правила, что получило широкий отклик в обществе и привело к созданию специальной комиссии по реформе орфографии и пунктуации. Так называемые орфографические «неполадки» рассматривались как тормоз культурной революции, как помеха строительства социализма в нашей стране» [2: с. 9]. Упрощение орфографии должно было, по мнению разработчиков, сократить сроки ликвидации неграмотности и малограмотности, что «поведёт к максимальному вовлечению многомиллионной массы трудящихся в активную общественно-политическую жизнь страны...» [2: с. 9]. Реформа была рассчитана также на пролетариат Запада и Востока для облегчения им усвоения русского языка и получения информации о СССР из первоисточников, а не из «буржуазной прессы» [2: с. 9].

Реформирование орфографии в СССР рассматривалась инициаторами как вопрос «не узко академический или профессиональный, но диктуемая совершенно новыми социальными условиями классовая и политическая проблема» [2: с. 9]. К её обсуждению были привлечены широкие массы населения. Противники реформы считались «реакционными элементами» [2: с. 5].

Опора прежде всего на малограмотную часть населения привела к возникновению таких реформаторских предложений, как написание буквы **ы** после **ж, ш, ц** (пункт 4) [2: с. 15], написание «ударяемого **о** после **ж, ч, ш, щ** и **ц** через букву **о**» (пункт 3) [2: с. 13], отмена написания **ь** во всех случаях, кроме использования его в качестве отделительного знака (пункт 2) [2: с. 12].

По определению авторов, реформа должна была иметь «немаловажное производственное значение»: устранение отдельных букв или их замена на латинские соответствия, как например, замена буквы **и** на графическое латинское соответствие **i** или отвергнутое впоследствии использование буквы **j**, привели бы к освобождению от «непроизводительных расходов (экономия бумаги, разнобой в корректорской правке и т.д.)» [1: с. 7].

Неудовлетворённость существующими правилами орфографии (введенными в 1901 году) явились причиной многочисленных проектов реформирования и немецкой системы правописания. К их числу относятся, например, успешная попытка незначительного реформирования немецкой орфографии в 1927 году, затрагивающего правописание дифтонгов [8], или Эрфуртская программа реформы правописания союза книгопечатников 1931 года [15]. В 1933 году, едва придя к власти, национал-социалисты также занялись реформированием орфографической системы. В официальных источниках было объявлено о созыве орфографической конференции с целью разработки основных положений. За сравнительно короткий промежуток времени были проведены несколько попыток реформирования орфографии, одна из которых была успешно осуществлена. Первым реформатором немецкого правописания времён национал-социализма был доктор Теодор

Штехе, германист, активный член НСДАП, назначенный председателем общества по правописанию. Реформа Штехе не предусматривала радикальных изменений и предлагала, например, ввести правописание слова со строчной буквы, кроме имён собственных и начала предложения, а также исключить многочисленные варианты двоякого написания или двойных форм. Примечательно, что и в этом случае целесообразность написания слов со строчной буквы объяснялась, помимо прочего, экономической выгодой — экономией более 35 000 тонн олова [8: с. 36]. В 1934 году ожидалось переиздание немецкого словаря DUDEN, который за счёт упрощения орфографии имел бы гораздо меньший объём [8: с. 25]. Новое издание словаря вышло в 1935 году, но не содержало продекларированных орфографических изменений, зато было расширено новой национал-социалистической лексикой. Почему власти отказались от проведения этой реформы в жизнь, до сих пор не ясно. В литературе по лингвисториграфии представлены попытки объяснить это особенностями личности самого Штехе и влиянием его окружения [8: с. 32].

В 1936 г. имперский министр воспитания и народного образования Германии Бернхард Руст предложил свой проект, суть которого заключалась также в упрощении правописания. На этот раз предполагалось введение «умеренного» написания существительных со строчной буквы, устранение показателей долготы, *der kan* (вместо *der Kahn*), *di libe* (вместо *die Liebe*) и т.д., за исключением личных местоимений, и другие [8: с. 54]. Интересно, что в реформе нашли своё отражение идеи пуризма, в частности, предусматривалось заменить *v* на *f* во всех словах немецкого происхождения, а также во всех словах, где произносится [f]; «онемечиванию» подвергались как иноязычные слова, так и некоторые имена собственные. В 1941 году проект Руста «Предложения по упрощению немецкой орфографии» был представлен Министерству внутренних дел. Однако повсеместное внедрение новых правил в жизнь тормозилось правительственными кругами. Вероятным объяснением этому было то, что государство финансировало прежде всего военные нужды. Да и сам А. Гитлер, по сведениям соратников, «не желал скорейшего упрощения правописания», по крайней мере, до окончания военных действий (цит. по [8: с. 81]). В сентябре была опубликована статья Ф. Ранца «Реформа немецкой орфографии», где говорилось, что скорейшее реформирование правописания является «опасной затеей» и связано с нагрузкой на экономику [8: с. 81]. Но в этот же период по приказу Гитлера был успешно осуществлен переход со старонемецких шрифтов (фрактур) на международный латинский шрифт (антикву), который был обозначен как «нормальный» [15: с. 47]. Одним из мотивов такого решения было, вероятно, удобство латинского шрифта для ведения пропагандистской работы за рубежом, для облегчения общения с населением завоёванных территорий [13: с. 266–267]. Осуществление этой реформы, однако, не привело к одобрению реформы Руста на государственном уровне. Планы по реформированию правописания были признаны не имею-

щими военного значения (*nicht kriegswichtig*). В 1944 году был издан приказ Гитлера о приостановлении всех работ по упрощению немецкой орфографии до окончания войны [8: с. 107].

Перевод лингвистической задачи в политическую область демонстрирует и орфографическая реформа румынского языка. В основе румынской орфографии лежал этимологический принцип, которым руководствовались вплоть до 1953 года, когда вновь созданная Румынская Академия начала работу по созданию новых орфографических правил. Орфографическая реформа 1953–1954 гг. ввела фонетический принцип в качестве основного [12]. Новая орфографическая система решением Совета министров стала законом и была внедрена во все сферы общественной жизни. Эта реформа преподносилась её инициаторами и приверженцами как победа нового над старым [9: с. 1441]. В действительности же правящий коммунистический режим преследовал несколько иную цель, в частности, была реализована установка на всяческое подчёркивание исторической связи с СССР, в том числе и наличие общих славянских корней и параллелей в языке, в том числе сходство русской и румынской фонетики [11]. В среде интеллигенции эта реформа воспринималась как попытка славянизации или русификации румынской графики. Очевидно, под влиянием реформы русского языка румынская реформа правописания коснулась букв румынского алфавита *â* и *î*, фонетически и функционально идентичных. Их основное отличие заключается в том, что наличие в слове графемы *â* в большинстве случаев указывает на латинское происхождение слова. Согласно новым правилам буква *â* была практически выведена из обихода и исключена даже в названии самой страны. Отныне она писалась *Romîna* [10: с. 726]. Но после прихода к власти Николае Чаушеску была поставлена задача отмежеваться от всего русского. Новая орфографическая реформа 1965 года вернула утраченную букву, страна снова была переименована в *România*.

Аналогичный подход к вопросам кодификации орфографии можно наблюдать и в Албании времён правления Энверо Ходжи. Проекты новой албанской орфографии, разработанные в 1948–1949 гг., представляли собой хорошо продуманную стратегию решения вопроса приоритетности диалектов в создании единой языковой нормы. В 1950 году тосский диалект был официально признан государственным языком, а письменный вариант южно-гегского диалекта был разрешён в качестве литературного языка и языка, на котором ведётся преподавание, лишь на севере страны. Обсуждение этого проекта длилось более 20 лет. В 1973 году в Тиране состоялся Орфографический Конгресс (*Kongresi I Drejtshkrimi*), проходивший под лозунгом «Один язык — одна нация». Конгресс возглавлял албанский лидер Э. Ходжа, участие принимало практически всё руководство страны. На конгрессе были заложены правила новой орфографии, которые можно было рассматривать как компромисс между диалектами: грамматическая и фонематическая формы получили основные черты северо-гегского наречия, лексика же была расширена за счёт гегского диалекта. По результатам

работы был создан свод правил по правописанию литературного албанского языка (*Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe*) [14: с. 2].

Реформа орфографии в Испании франкистского периода была связана с лингвистом Хулио Касаресом, который на протяжении многих лет занимался упрощением и совершенствованием орфографической системы испанского языка. В её основе лежат фонологический и этимологический принципы, поэтому в языке существует несколько букв, обозначающих одинаковые фонемы, что создавало и создаёт определённые неудобства при овладении правописанием как самим носителям языка, так и изучающим его. В своих работах, посвящённых этой проблеме, например «Фетишизм орфографии и реформа орфографии и грамматики» (*El fetichismo de la ortografía y la reforma ortográfica*), «Орфографическая реформа» (*La reforma ortográfica*) (здесь и далее перевод наш. — *В.К.*) и др., Касарес говорит, что орфографическая система должна быть простой и эффективной, для чего следует убрать из графики буквы, использование которых исторически обусловлено. В 1951 году Касарес представил в Академию испанского языка свой проект реформы, изложенный в докладе «Проблемы просодии и орфографии в словаре и грамматике». В общем и целом это было предложение плавного перехода к исключительно фонологическому принципу орфографии. Одним из положений, например, было редуцирование группы сочетаний *ps*, *mn*, *gn* в начальной позиции перед *a* соответственно в *s*, *n*, и *n* и др. [16: с. 98–101]. Последовательная работа Касареса активизировала деятельность учёных по реформированию орфографии как в самой Испании, так и в странах Латинской Америки и способствовала определённой унификации испанского языка.

Таким образом, орфографические проекты тоталитарного периода имеют много общих черт, к числу которых можно отнести их имплицитно или эксплицитно выраженную политическую, экономическую или социальную направленность. Требования изменения нормы часто подкрепляются популистскими лозунгами в духе эпохи о единстве народа и языка, о связи орфографии и индустриализации и т.д.

Второй отличительной чертой орфографических реформ тоталитарного периода является вовлечение широких масс в обсуждение предстоящих нововведений через прямые обращения граждан в средства массовой информации или в специально созданные комиссии и комитеты, что создавало видимость демократии. В приложении к проекту реформы орфографии СССР был дан краткий обзор отзывов и предложений с комментариями составителей [2: с. 50–62], где рассматривались не только мнения людей, поддерживающих реформу, но и мнения принципиально несогласных с ней. В Германии также публиковались призывы в адрес народных масс к принятию новой орфографии и письма в её поддержку. Одно из них гласило: «Есть уже только один народ, один рейх, один фюрер. К сожалению, всё ещё нет единой, ясной, легко понятной орфографии» (цит. по: [8: с. 34]).

В свою очередь, разъяснение народным массам орфографических проблем осуществляется языком упрощённым, приближённым к разговорному. Так,

в проекте Главнауки о новом правописании примеры «орфографической расхлябанности» представлены следующими заявлениями: «Неизвестно, кем и когда было введено написание...», «очень туманны и излишне громоздки правила правописания *не* с прилагательными...» [1: с. 18].

Важность вопроса орфографических преобразований была подчеркнута и непосредственным участием лидеров тоталитарных государств в орфографических инновациях. По воспоминаниям современников, А. Гитлер считал, что упрощение орфографии приведёт к экономии времени в области образования. Он же принял решение о сохранении *ß* в нормальном шрифте и отклонил предложение о написании этой буквы как прописной [8: с. 53]. Отметим, что эта тенденция проявилась не только в европейских государствах с тоталитарным устройством. Лидер КНР Мао Цзэдун в 1940 году подписал учредительный манифест общества «Новой письменности» и неоднократно возвращался к вопросу о латинизации китайской орфографии [7].

Большинство «тоталитарных» орфографических проектов демонстрируют всё больший уклон к фонетическому принципу устройства графической системы, что может быть связано, с одной стороны, с общим стремлением властей к скорейшему распространению идеологии среди широких масс населения. С другой стороны, ощущается тенденция к закреплению приоритетного положения устной речи перед письменной.

Проекты орфографических преобразований были в большей степени не радикальными реформами, а предложениями по урегулированию, упорядочиванию правописания, и содержали некоторые здравые идеи, нашедшие своё отражение в последующих орфографических реформах.

Проект русской орфографии 1930 года, несмотря на то, что был признан «скороспелым детищем группы лингвистов и педагогов» [6], имел не только отрицательные, но и некоторые положительные черты. Во-первых, он стимулировал создание Новой правительственной комиссии при Академии наук СССР для разрешения орфографических проблем, куда вошли видные учёные, в том числе С.Г. Бархударов, Р.И. Аванесов и др. Во-вторых, итогом орфографических дебатов стало создание нескольких проектов Свода правил русской орфографии, например, «Свод орфографических правил» 1936 года [6]. Из 20 орфографических пунктов проекта 7 были позднее внедрены в жизнь, как, например пункт 6: «в предложном падеже единственного числа имён существительных, оканчивающихся на *БЕ*, писать *БЕ*»; пункт 15: «приставки *АНТИ*, *УЛЬТРА*, *КОНТР*, *ЭКС* и др. писать вместе с последующими словами...» и т.д. [6: с. 17–21] (сходные набл. см. [4]). Этот проект орфографии был, пожалуй, единственным в Европе, где подробно освещались и проблемы пунктуации. Авторы проекта попытались создать «пунктуационную систему, в основу которой <...> положен момент социальной значимости [2: с. 8]. Кроме того, составители дали определение социальной функции знаков препинания: «при помощи ряда общепринятых специфических символов на основе содержательных, словесных языковых норм, выраженных в грамматико-семантических правилах, передавать смысловые и эмоциональные оттенки письменной речи» [2: с. 58].

Большинство лингвистов склонны оценивать данную орфографическую реформу негативно, подкрепляя своё мнение цитатой первого основного положения: «Реформа равняется на малограмотных и неграмотных в первую очередь. Отсюда стремление к упрощению» [1: с. 11]. Однако далее сказано: «Но нельзя игнорировать и интересы грамотных. Ведь именно они осуществляют план строительства социализма». Тем самым реформаторы апеллировали и к интеллигенции как союзнику пролетариата и крестьянства.

Проект реформы немецкой орфографии 1995 года имеет много общего с проектами Штехе и Руста, как, например, написание *ss* после краткого гласного и *ß* после долгого, «онемечивание» заимствованных слов [5].

Помимо этого орфографические проекты способствовали развитию теории орфографии, основные положения которой сохраняют актуальность и в наше время, в частности, требование «обеспечить лёгкость, удобство, простоту и стандартность написания слов и их чтения» [3: с. 57].

Всё вышесказанное позволяет нам рассматривать орфографические реформы или их проекты как одну из весьма специфических составных частей «тоталитарной» лингвистики, требующих максимально объективного анализа.

Библиографический список

Источники

1. Проект Главнауки о новом правописании / Сост. Н. Кременский, В. Мамонов; под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. – М.: Работник просвещения, 1930. – 96 с.
2. Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко и М. Устинова. – М.–Л.: Государственное изд-во, 1930. – 64 с.

Литература

3. *Амирова Т.А.* К истории и теории графемики / Т.А. Амирова. – М.: Наука, 1977. – 191 с.
4. *Бреусова Е.И.* Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: защищена 22.06.2000 / Е.И. Бреусова; КГПУ. – Красноярск, 2000. – 21 с.
5. *Вульфф Н.В.* Немецкая орфография и нацистская идеология: история двух неудавшихся реформ / Н.В. Вульфф // Acta linguistica Petropolitana: труды Ин-та лингвистических исследований. – Т. 1, ч. 1. – СПб.: Наука, 2003. — С. 205–218.
6. *Григорьева Т.М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.) / Т.М. Григорьева. – М.: Элпис, 2004. – 456 с.
7. *Румянцев Е.Н.* Из истории реформы китайской письменности / Е.Н. Румянцев // Актуальные вопросы китайского языкознания: мат-лы V Всесоюзной конференции. – М.: Академия наук СССР, Ин-т языкознания, Ин-т востоковедения, 1990. – С. 38–43.
8. *Birken-Bertsch H.* Rechtschreibreform und Nationalsozialismus / H. Birken-Bertsch, R. Markner. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2000. – 134 s.

9. *Ernst G.* Romanische Sprachgeschichte. Histoire linguistique de la Romania. Teil 2. / G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, W. Schweickard. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2006. – S. 1441–1442.
10. *Frucht R.C.* Eastern Europe: An Introduction to the People, Lands, and Culture / R.C. Frucht. – Santa Barbara Calif: ABC-CLIO, 2005. – 928 p.
11. *Gall D.* Beginner's Romanian / D. Gall. – New York: Hippocrene Books, 1994. – 105 p.
12. *Görlach M.* English in Europa / M. Görlach. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 339 p.
13. *Hartmann S.* Fraktur oder Antigua. Der Schriftstreit von 1881 bis 1941 / S. Hartmann. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998. – 438 S.
14. *Janich N.* Sprachkulturen in Europa: ein internationales Handbuch / N. Janich, A. Greule. – Tübingen: Narr, 2002. – 354 S.
15. *Polenz P. von* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Band III. / P. von Polenz. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1999 – 761 S.
16. *Serrano A.E.* Estudios de teoría ortográfica del español / A.E. Serrano. – Murcia: Universidad de Murcia, 1982. – 468 p.

References

Istochniki

1. Proe'kt Glavnauki o novom pravopisanii / Sost. N. Kremenskij, V. Mamonov; pod red. G. Danilova i G. Kostenko. – M.: Rabotnik prosveshheniya, 1930. – 96 s.
2. Proe'kt reformy' pravopisaniya / Pod red. K. Barxina, G. Kostenko i M. Ustinova. – M.–L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1930. – 64 s.

Literatura

3. *Amirova T.A.* K istorii i teorii grafemiki / T.A. Amirova. – M.: Nauka, 1977. – 191 s.
4. *Breusova E.I.* Rabota nad usovershenstvovaniem russkogo pravopisaniya v posleoktyabr'skij period i voprosy' obshhej teorii orfograficheskix reform: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01: zashhishhena 22.06.2000 / E.I. Breusova; KGPU. – Krasnoyarsk, 2000. – 21 s.
5. *Vul'ff N.V.* Nemeckaya orfografiya i nacistskaya ideologiya: istoriya dvux neudavshixsya reform / N.V. Vul'ff // Acta linguistica Petropolitana: trudy' In-ta lingvistichekix issledovanij. – T.1, ch. 1. – SPb.: Nauka, 2003. – S. 205–218.
6. *Grigor'eva T.M.* Tri veka russkoj orfografii (XVIII–XX vv.) / T.M. Grigor'eva. – M.: Elpis, 2004. – 456 s.
7. *Rumyancev E.N.* Iz istorii reformy' kitajskoj pis'mennosti / E.K. Rumyancev // Aktual'ny'e voprosy' kitajskogo yazy'koznaniya: mat-ly' V Vsesoyuznoj konferencii. – M.: Akademiya Nauk SSSR, In-t yazy'koznaniya, In-t vostokovedeniya, 1990. – S. 38–43.
8. *Birken-Bertsch H.* Rechtschreibreform und Nationalsozialismus / H. Birken-Bertsch, R. Markner. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2000. – 134 S.
9. *Ernst G.* Romanische Sprachgeschichte. Histoire linguistique de la Romania. Teil 2. / G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, W. Schweickard. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2006. – S. 1441–1442.

10. *Frucht R.C.* Eastern Europe: An Introduction to the People, Lands, and Culture / R.C. Frucht. – Santa Barbara Calif: ABC-CLIO, 2005. – 928 p.
11. *Gall D.* Beginner's Romanian / D. Gall. – New York: Hippocrene Books, 1994. – 105 p.
12. *Görlach M.* English in Europa / M. Görlach. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 339 p.
13. *Hartmann S.* Fraktur oder Antigua. Der Schriftstreit von 1881 bis 1941 / S. Hartmann. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998. – 438 S.
14. *Janich N.* Sprachkulturen in Europa: ein internationales Handbuch / N. Janich, A. Greule. – Tübingen: Narr, 2002. – 354 S.
15. *Polenz P.* von Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Band III. / P. von Polenz. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1999 – 761 S.
16. *Serrano A.E.* Estudios de teoria ortográfica del español / A.E. Serrano. – Murcia: Universidad de Murcia, 1982. – 468 p.

О.О. Корзун

Принципы организации самостоятельной работы будущих переводчиков в целях совершенствования темпа речи

Данная статья посвящена рассмотрению принципов, необходимых для создания модели самостоятельной работы студентов — будущих переводчиков, нацеленной на совершенствование их темпа речи.

This article deals with the research of the principles necessary for the model of students' speech tempo improving do-it-yourself work.

Ключевые слова: модель; самостоятельная работа; принцип.

Key words: model; do-it-yourself work; principle.

Описание организации самостоятельной работы студентов (далее СРС), целью которой является совершенствование их темпа речи в ходе обучения устному последовательному переводу, предполагает разработку модели этого процесса. Для этого уточним, что понимается под моделью и самостоятельной работой студентов в контексте нашего исследования.

Модель применительно к нашему исследованию трактуется как мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте [5: с. 15].

Вслед за «Словарем методических терминов» под **самостоятельной работой** мы понимаем «вид учебной деятельности, выполняемый учащимися без непосредственного контакта с преподавателем или управляемый преподавателем опосредованно через специальные учебные материалы» [1: с. 312]. Самостоятельная работа рассматривается как особая, высшая ступень учебной деятельности, она обусловлена индивидуальными психологическими различиями обучающегося и

его личностными особенностями, требует высокого уровня самосознания, рефлексивности. «Учебные материалы для самостоятельной работы методически организованы так, чтобы компенсировать отсутствие контакта с преподавателем и, следовательно, возложить на них функции управления самостоятельной работой учащихся. Набор заданий должен обеспечивать возможность индивидуального выбора и определения объёма материала, необходимого для достижения учебной цели» [1: с. 312].

Основываясь на представленных выше толкованиях понятий «модель» и «самостоятельная работа», мы выдвигаем следующие требования к моделированию СРС, нацеленной на совершенствование темпа речи:

1) модель должна воспроизвести / отобразить процесс организации самостоятельной работы студентов, направленной на совершенствование темпа их иноязычной речи в процессе устного перевода с русского языка на английский;

2) модель должна отобразить компоненты, необходимые для эффективной организации процесса совершенствования темпа речи, взятые не в изолированном виде, а в их системном представлении;

3) модель должна отражать индивидуальную структуру организации самостоятельной учебной деятельности студента, управляемой преподавателем опосредованно через специальные учебные материалы;

4) модель должна обеспечить возможность индивидуального выбора содержания и объёма материала, набора заданий для самостоятельной работы для студента по совершенствованию темпа речи в зависимости от его (студента) индивидуальных потребностей (состояния его индивидуальных темпоральных показателей);

5) модель должна включать особую систему оценивания и самооценивания результатов совершенствования темпа речи.

Моделирование СРС, нацеленной на совершенствование темпа речи будущих переводчиков, требует рассмотрения ряда важных с точки зрения организации этой работы компонентов, к которым мы относим прежде всего принципы обучения, определяющие специфику организации самостоятельной работы студентов.

При выборе **принципов** — «нормативных требований к организации и осуществлению образовательного процесса» [2: с. 233] мы, в первую очередь, ориентировались на **общедидактические принципы**, актуальные с позиций современной образовательной парадигмы — с точки зрения личностно ориентированного обучения. К этим принципам относятся принцип личностного целеполагания, принцип выбора индивидуальной образовательной траектории, принцип продуктивности обучения, принцип первичности образовательной продукции обучающегося, принцип ситуативности обучения, принцип образовательной рефлексии [2: с. 234–238]. Рассмотрим специфику реализации каждого из принципов с точки зрения его значимости для организации самостоятельной работы студентов по совершенствованию темпа их речи при устном последовательном переводе.

Согласно **принципам личностного целеполагания и выбора индивидуальной образовательной траектории** образование каждого обучающегося происходит на основе и с учётом его личных учебных целей. Эти принципы, как утверждают В.В. Краевский, А.В. Хуторской, опираются на глубинное качество человека — способность постановки целей своей деятельности [2: с. 234]. Самоопределение обучающегося по отношению к конкретному учебному вопросу позволяет ему поставить для себя конкретные цели и задачи, на основе которых он будет осуществлять затем свою образовательную траекторию.

Экстраполяция данного принципа на условия рассматриваемой нами проблемы создания модели СРС будущих переводчиков предопределяет следующее. В результате взаимодействия преподавателя и студентов происходит определение самим студентом индивидуально своеобразной образовательной траектории в области совершенствования темпа речи, и эта траектория сформулирована в общих параметрах в виде лично значимой цели. Согласно этим принципам необходимо дать студентам возможность выбора способов достижения целей, стимулировать его самооценку.

Применительно к рассматриваемому нами этапу — III курсу — это будет предполагать оптимальный (индивидуально-достижимый) темп иноязычной речи. Студент согласовывает с преподавателем индивидуальную программу своих учебно-познавательных действий, включающую совокупность форм и приёмов обучения, личностного содержания обучения [2: с. 235], темпа занятий. Преподаватель не только предоставляет студентам свободу выбора, но и учит их самостоятельно, осмысленно действовать в ситуации выбора, вооружает студентов необходимым индивидуально подобранным деятельностным инструментарием.

Данные принципы предполагают формирование у студентов способности соотносить свои желания с реальными возможностями, индивидуальными способностями, со своими потребностями (прежде всего в области профессиональной деятельности), у них формируется учебное умение автономного и грамотного целеполагания. Чем большую степень включения обучающегося в конструирование собственного образования обеспечивает преподаватель, тем полнее оказывается его индивидуальная творческая самореализация. Именно это является залогом успешного общего развития и развития специальных профессиональных способностей личности.

Актуальность **принципа продуктивности обучения** для нашей модели организации СРС по достижению оптимального темпа речи заключается в том, что главным ориентиром обучения является личное образовательное приращение обучающегося, складывающееся из внутренних и внешних образовательных продуктов его учебной деятельности [2: с. 236]. Продуктивное обучение в контексте рассматриваемого нами вопроса ориентировано не столько на изучение известного в области интонационного оформления высказывания (совокупность необходимых знаний, усвоенных студентом на предыдущих этапах обучения), сколько на сотворение им нового образо-

вательного продукта — оптимального (для данного этапа обучения) темпа иноязычной речи.

Сформулированные студентом цели самостоятельной работы, выбранная им и согласованная с преподавателем индивидуальная образовательная траектория, найденные способы деятельности, рефлексивные суждения и самооценка также являются продуктами самостоятельной образовательной деятельности обучающихся по совершенствованию темпа речи. Этот принцип способствует развитию личностных качеств студента, соответствующих «взрослому прообразу» [2] его будущей профессиональной деятельности.

Согласно принципу **первичности образовательной продукции обучающегося** приоритет отдаётся создаваемому именно обучающимся личностному содержанию образования по сравнению с содержанием, заложенным в образовательных стандартах [2: с. 237]. Этот принцип усиливает личностную ориентацию обучения по сравнению с усвоением внешней заданности. С позиций этого принципа важен не процесс получения информации об усваиваемом объекте, а создание студентом собственного образовательного продукта.

В контексте организации СРС по достижению оптимального темпа иноязычной речи этот принцип означает, что она должна обеспечивать студенту возможность заниматься деятельностью, максимально приближенной к условиям его будущей профессиональной переводческой деятельности. Важным приоритетом становится не столько знание об объекте деятельности (темпе речи), сколько владение этим объектом. Достижение оптимального темпа иноязычной речи возможно при условии, если студент непосредственно практикуется в переводе (в нашем случае устном последовательном). Руководство этим принципом обеспечивает получение студентом индивидуальных результатов в области достижения оптимального темпа иноязычной речи. Вследствие этого образовательная деятельность студента носит продуктивный личностный характер, а усвоение общеобразовательного стандарта происходит через сопоставление с собственными результатами.

Принцип ситуативности обучения предполагает, по мнению В.В. Краевского и А.В. Хуторского, наличие ситуации в образовательном процессе, способствующей организации творческой деятельности обучающегося. Необходимость использования ситуации обусловлена созданием а) мотивации обеспечения деятельности обучающегося в направлении познания образовательного объекта и б) мотивации решения связанных с ним проблем [2: с. 238]. Смысл построения ситуации состоит в обеспечении образовательного движения обучающегося. Для этого, как свидетельствуют учёные, «педагог должен анализировать возможности обучающегося и особенности складывающегося образовательного процесса, чтобы действовать всякий раз исходя из текущей ситуации, обеспечивать те образовательные условия, которые необходимы на данный момент прохождения образовательной траектории» [2: с. 238].

С позиций современной лингводидактики этот общедидактический принцип значительно усиливает своё влияние, поскольку он напрямую согласуется

с общими методическими принципами ситуативности и коммуникативной направленности.

Процесс организации СРС, нацеленной на достижение студентами оптимального темпа иноязычной речи, должен непременно базироваться на этих интегрированных основаниях. Это означает, что организация СРС должна обеспечивать образовательную среду (ситуацию), уподобленную реальным условиям будущей профессиональной деятельности студента — переводческой, или максимально приближенную к ней. С одной стороны, коммуникативная ситуация (далее КС), возникающая при устном последовательном переводе, должна включаться в структуру организации СРС. С другой — должна быть обеспечена вариативность этих ситуаций: они должны зависеть от конкретной образовательной ситуации, складывающейся в актуальный момент образовательного процесса, и меняться в зависимости от последней.

С точки зрения личностно ориентированного обучения необходимым является положение о том, что образовательный процесс сопровождается рефлексивным осознанием обучающимися этого процесса. В действие включается **принцип образовательной рефлексии**. Рефлексия в контексте личностно ориентированного образования предполагает осознание участниками образовательного процесса способов деятельности, обнаружение её смысловых особенностей, выявлений образовательных приращений обучающегося и преподавателя [2: с. 239].

Действие этого принципа в условиях решаемой нами проблемы означает, что рефлексия должна стать необходимым условием организации СРС: студенты и преподаватель должны осознавать и оценивать схему организации образовательной деятельности, конструировать / видоизменять её в соответствии с индивидуальными целями и индивидуальными образовательными программами обучения, осознавать индивидуальные результаты деятельности.

Итак, нами представлены основные общедидактические принципы, опора на которые обусловит научный, актуальный, личностно ориентированный характер СРС. Их действие должно сочетаться с **лингводидактическими принципами обучения**, которые придают специфический характер рассматриваемому процессу. Остановимся на их представлении.

В русле современной переводоведческой науки, дидактики перевода, где на первый план выдвигаются умения не просто переводить с ИЯ1 на ИЯ2, а осуществлять опосредованное общение между культурами, несомненную важность приобретают **частнодидактические** (методические) **принципы**. Среди них наибольшую важность для решения проблемы, поставленной в исследовании, имеют принцип дифференцированного и интегрированного обучения и принцип диалога культур [3, 4].

Принцип дифференцированного и интегрированного обучения в контексте нашего исследования приобретает специфические черты. Это связано с тем, что совершенствование темпа иноязычной речи предполагает комплексную работу над становлением и совершенствованием иноязычной произно-

сительной культуры студента (ИЯПК). Как мы установили, ИЯПК устного переводчика представляет собой сложное, многокомпонентное явление. Компоненты ИЯПК находятся в единстве между собой, при этом темп речи играет важную роль в структуре каждого из них. Это позволяет говорить о наличии, с одной стороны, единства компонентов ИЯПК, с другой — о единичности (безусловно, относительной) отдельно взятого компонента ИЯПК (в нашем случае темпа речи). Это нельзя не учесть при создании модели организации СРС по достижению студентами оптимального темпа иноязычной речи.

При разработке модели организации СРС необходимо учитывать интегрированное и дифференцированное совершенствование как иноязычной производительной культуры студентов в целом, так и темпоральной переводческой деятельности в частности. Это означает, что на этапе достижения оптимального темпа иноязычной речи (III курс), СРС должна строиться таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечивать развитие совокупности умений в данном аспекте, с другой — способствовать развитию и дальнейшему совершенствованию ИЯПК студентов в целом.

Согласно принципу **диалога культур** [3, 4] процесс обучения иностранному языку (в том числе и переводу) рассматривается как соприкосновение с чужим. При осуществлении устного последовательного перевода студенты ощущают себя в измерениях двух разных социумов. Учёт этого принципа при организации СРС позволит студентам направить усилия на овладение совокупностью умений, которые определяют показатели скорости устного перевода (на английский язык). Это будет достижимым через осознание студентами — будущими устными переводчиками специфики темпоральной организации речи отправителя информации на русском языке и её особенностей на языке перевода (английском): темпоральная организация речи как отправителя информации, так и устного переводчика зависит от ситуации общения, от степени эмоциональности отправителя, от темы разговора, времени, отведённого на передачу информации и т.д.

Итак, нами описана совокупность принципов обучения, отражающих те закономерности процесса обучения, которые наиболее значимы для разработки модели самостоятельной работы студентов — будущих переводчиков, нацеленной на совершенствование их темпа речи.

Библиографический список

Литература

1. Азимов Э.Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Краевский В.В. Основы обучения. Дидактика и методика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. зав. / В.В. Краевский, А.В. Хуторской. – М.: Академия, 2007. – 352 с.

3. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизации / В.В. Сафонова. – Воронеж: Истоки, 1996. – 237 с.
4. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвострановедение в теории и практике обучения иностранным языкам / В.П. Фурманова. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1993. – 124 с.
5. Штофф Ф.А. Понятие модели в современной науке / Ф.А. Штофф // Некоторые вопросы диалектического материализма. – Л.: Ленинградский государственный университет, 1962. – 245 с.

References

Literatura

1. Azimov E'.G. Slovar' metodicheskix terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazy'kov) / E'.G. Azimov, A.N. Shhukin. – SPb.: Zlatoust, 1999. – 472 s.
2. Kraevskij V.V. Osnovy' obucheniya. Didaktika i metodika: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zav. / V.V. Kraevskij, A.V. Xutorskoj. – M.: Akademiya, 2007. – 352 s.
3. Safonova V.V. Izuchenie yazy'kov mezhdunarodnogo obshheniya v kontekste dialoga kul'tur i civilizacii / V.V. Safonova. – Voronezh: Istoki, 1996. – 237 s.
4. Furmanova V.P. Mezhkul'turnaya kommunikaciya i lingvostranovedenie v teorii i praktike obucheniya inostranny'm yazy'kam / V.P. Furmanova. – Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 1993. – 124 s.
5. Shtoff F.A. Ponyatie modeli v sovremennoj nauke / F.A. Shtoff // Nekotory'e voprosy' dialekticheskogo materializma. – L.: Leningradskij gosudarstvenny'j universitet, 1962. – 245 s.

А.А. Фетисова

К вопросу об объёме лексического запаса студентов языкового педагогического вуза

В предлагаемой статье рассматриваются актуальные положения, обуславливающие необходимость формирования большого иноязычного лексического запаса студентов языкового педагогического вуза.

The article reviews peculiarities of vocabulary acquisition when learning a foreign language and points to developing a rich vocabulary as a top priority for L2 students in teacher training institutes.

Ключевые слова: лексические навыки; становление словарного запаса.

Key words: vocabulary skills; vocabulary development.

При изучении любого иностранного языка овладение лексикой является актуальной, но весьма трудоёмкой задачей. Богатая лексическая система языка предстаёт для изучающего необозримым хранилищем слов. В рамках же конкретного учебного курса (например, за период обучения в вузе), в силу вполне объективных причин, не представляется возможным и целесообразным овладеть всем существующим лексическим объёмом языка. Однако никакое общение не может осуществляться без наличия в памяти у человека определённого лексического оптимума, способного обеспечить достойный уровень коммуникации.

Исследователи особо отмечают первостепенную роль наличия большого лексического запаса при изучении иностранных языков (С.А. Гарибян, 1992; Т. Бузан, 1995; А. Ермаков, 2004; R. Davis, P. Houghton, 1995). Сложно переоценить значимость объёма используемой лексики и для работы учителя иностранного языка. Для такого специалиста языковая свобода и корректность становятся принципиальными, так как уровень владения языком должен максимально приближаться к уровню владения им носителем.

Говоря о подготовке будущих учителей иностранного языка, необходимо принять во внимание то, что студенты овладевают изучаемым языком как предметом своей будущей профессии. Иноязычная учебная деятельность в высшей школе, чтение книг и журналов (в том числе и профессионально ориентированных), интернет-публикаций, просмотр телепередач на иностранном языке

расширяют кругозор обучающихся и, как следствие, влекут за собой приток незнакомой и малопонятной лексики. Необходимость для профессионального роста обсуждения методических, психолого-методических и лингводидактических проблем требует оперирования достаточно большим лексическим запасом. Без понимания и запоминания новых слов усвоение новых знаний не представляется возможным, поэтому необходимость формирования большого иноязычного лексического запаса приобретает особую актуальность. Данная проблема становится значимой ещё и потому, что лексические единицы выступают средством не только речи, но и мышления. Как подчёркивал в своих работах Н.И. Жинкин: «Речь — это канал развития интеллекта... чем раньше будет усвоен язык, тем легче и полнее будут усваиваться знания, факты, то есть информация, — материал мышления» [3: с. 78].

Известно, что уровень речевого развития коррелирует также с личностным развитием обучающихся. В процессе обучения в университете для студента на первый план выступает та сторона языка, которая непосредственно связана с общением, т.е. лексическая сторона, поэтому у обучающихся «ярко проявляются два вида стремлений: стремление к употреблению иностранного языка как средства коммуникации и стремление к максимальному обогащению языкового материала» [2: с. 31]. Таким образом, можно предположить, что все производимые студентами действия подчинены цели развития умения понимать и выражать свои мысли на иностранном языке, используя адекватные языковые средства в соответствии с целью, содержанием и условиями профессиональной коммуникации.

Действительно, иноязычное общение пронизывает все сферы деятельности педагога и выполняет ряд немаловажных функций: обмен информацией, установление личностных отношений с обучающимися, организация и координация взаимодействия их в процессе работы, обеспечение благоприятного психологического климата на занятиях, стимулирование мотивации, интеллектуального, эмоционального и профессионального развития студентов. Всё это обуславливает необходимость усвоения и активизации больших объёмов иноязычной лексики, что в процессе учебной деятельности студентов связано непосредственно с работой по запоминанию новых слов.

Современные исследования в этой области рассматривают различные аспекты проблемы: характерные черты так называемого «педагогического дискурса» (В.Г. Борботько, Г.В. Димова, Н.С. Зубарева, В.И. Карасик, А.К. Михальская, P. Bourdieu, P. Charaudeau, J. Sinclair и др.); особенности коммуникативно-обучающей речи учителя иностранных языков на различных этапах обучения (С.Я. Ромашина, Р.Ш. Мустафина, Т.М. Мацуева, Н.М. Скалчинская, М.О. Антюшина); профессионально направленное обучение иноязычной речи как второй специальности (Т.И. Скрыльникова); проведение профессионально ориентированных занятий на иностранном языке (И.В. Сосновская) и др. Учёные независимо друг от друга приходят к выводу: для реализации иноязычного педагогического обще-

ния используются наиболее адекватные языковые средства, что подтверждает выдвинутое нами положение о том, что осуществление педагогической деятельности невозможно без высокого уровня развития профессиональных коммуникативных умений. Все эти исследования объединяет также признание необходимости владения достаточно большим иноязычным словарным запасом для успешного осуществления педагогической деятельности.

В ходе учебно-воспитательного процесса, искусно оперируя большим иноязычным словарем (производя осознанный отбор используемых вариативных вербальных средств в зависимости от планируемого результата), учитель способен адаптировать свою речь для всех ступеней обучения, гибко и адекватно ситуации реагировать на смыслы высказывания учащихся, создавать в ходе занятия широкий контекст общения, содержащий дополнительную социокультурную и профессиональную информацию, четкими формулировками направлять их внимание на восприятие учебного материала, осуществлять контроль выполнения заданий, стимулировать интерес и инициативу обучающихся.

Однако неутешительны данные, которые специалисты приводят в своих научных публикациях, о количестве усваиваемых лексических единиц за курс обучения. Так, например, И.М. Берман и Е.В. Синявская выявили, что объем словаря абитуриентов неязыковых вузов составил всего 345 лексических единиц [1], а Г.К. Светлицевой удалось установить, что за полный курс обучения в школе учащиеся в среднем усваивали 366 единиц [6]. Настораживают данные о проценте усвоения лексики, которые приводит в своём исследовании и А.И. Тюменцев. В результате учебной работы из списка ядра в 780 слов учащимися школы было усвоено от 28 до 46% лексических единиц [8]. Результаты упомянутых исследований отделяют от сегодняшнего дня 20, а в некоторых случаях и 30 лет. Можно предположить, что с развитием теории и методики обучения иностранным языкам, при широком применении компьютерных технологий с целью повышения эффективности учебного процесса и благодаря появившейся возможности ознакомления с опытом зарубежных коллег ситуация с усвоением лексических единиц должна была кардинально измениться в лучшую сторону. Тем не менее, процент запоминания лексических единиц продолжает оставаться крайне низким. Существующая система организации учебного процесса приводит к недостаточной сформированности лексических навыков, что отрицательно сказывается на успешности обучения студентов и комфортности их пребывания на занятиях.

Приходится констатировать, что в современной практике преподавания иностранного языка на языковом факультете работа с лексическим материалом на аудиторных занятиях во многих случаях больше декларируется, чем осуществляется. Необходимо заметить, что, хотя такая работа зачастую строго ограничена рамками учебного текста, как показывает практика преподавания и как отмечают сами студенты, процент запоминания обязательных для усвоения лексических единиц продолжает оставаться низким. Лексиче-

ские единицы, которые студенты встречают в учебных текстах или упражнениях, из-за недостаточно эффективно организованной работы с ними, часто забываются, и обучающиеся продолжают оперировать тем минимальным набором лексики, который есть у них в распоряжении. Наблюдается ситуация, которая подробно исследована Л.П. Пушкаревой (1971), когда студент, даже имеющий достаточно большой запас слов, в течение долгого времени упорно «живет старым запасом», не пользуясь новой иноязычной лексикой активно. Специалисты также отмечают, что большинство обучающихся не хотят концентрировать своё внимание на адекватной передаче задуманного смысла, что свидетельствует о снижении интегративной мотивации, т.е. желания думать и действовать как носитель языка [9: с. 64]. Методика построения занятий, как правило, создаёт у обучающихся ложное представление о первостепенной важности грамматической точности, что, конечно, способствует формированию более или менее устойчивой языковой системы, отвечающей основным коммуникативным потребностям в условиях учебной среды, но не способной соответствовать языковым нормам будущего учителя. Опыт высшей школы показывает, что студенты слабо владеют иноязычным словарным фондом ещё и потому, что обучение лексике ведётся не систематически, так как специально не планируется [5]. По результатам проведенного нами анкетирования преподавателей было установлено, что в своей работе они недооценивают и не всегда учитывают роль психологических механизмов формирования лексических навыков студентов, что влечёт за собой непрочное усвоение слов и приводит к нарушению речевого развития студентов 1 курса.

Необходимость проведения в вузе специальной работы, направленной на расширение словарного запаса обучающихся, продиктована также снижением уровня языковой и речевой подготовки абитуриентов, поступающих на языковые факультеты педагогических вузов.

Очень часто на занятиях работа по расширению словарного запаса сводится скорее к инструкциям, чем созданию ситуаций общения, повышающих мотивацию обучающихся и тем самым способствующих запоминанию нового лексического материала. На начальном этапе обучения в вузе программа по иностранным языкам составлена таким образом, что у студентов не возникает стимула к продвижению в своём лингвистическом развитии. Например, лексический материал, изучаемый на 1 курсе факультетов иностранных языков педагогических вузов, в основном представлен темами бытового характера, причём практически все из них ранее изучались студентами в рамках школьной программы. В ответах предложенной нами анкеты студенты заверяют, что лексики, полученной в школе и в процессе подготовки к вступительным экзаменам, вполне хватает, чтобы раскрыть представленную для изучения тему и выразить своё отношение к ней. Лишенные новизны, данные темы и тематический набор лексики не способны вызывать интерес у студентов, а расширение словарного запаса в рамках этих тем не находит у них эмоционального отклика.

С другой стороны, в некоторых случаях при обучении наблюдаются существенные противоречия между коммуникативными потребностями студентов (желание узнать и сказать много) и ограниченными языковыми и речевыми возможностями (малое количество лексики). Это может привести к снижению эмоционального тонуса (П.В. Симонов) и, как следствие, к возникновению индифферентного отношения, нежеланию проявлять активность, утрате смысла выполняемой деятельности. Немаловажную роль здесь также играет боязнь оказаться неуспешным, неспособным выполнить предложенное задание в присутствии своих сверстников. В силу возрастных психологических особенностей студентов (в частности, эмоционально обострённого восприятия окружающей действительности) возможно понижение уровня их самооценки, развитие неуверенности в собственных силах, появление чувства неудовлетворённости, раздражительности, — словом, аккумуляция негативных эмоций, что непосредственно будет сказываться не лучшим образом как на эффективности обучения в целом, так и на психологическом климате в группе. Рассматривая это положение применительно к интересующей нас проблеме эффективной организации процесса усвоения лексического материала, мы видим, что потенциальные возможности расширения лексического запаса обучающихся и их эмоциональное состояние являются одновременно взаимодействующими и взаимозависимыми условиями. Владение большим лексическим запасом может усилить желание студентов общаться на иностранном языке, кроме того, может способствовать достижению обучающимися ощутимых, лучших результатов в учебной деятельности.

Чтобы студент, даже на начальном этапе обучения, мог участвовать в процессе общения на уровне личностных смыслов, в его распоряжение должно быть предоставлено достаточно большое количество модальных, оценочных, эмоциональных единиц, из которых возможно будет осуществлять выбор.

На наш взгляд, на занятиях по формированию и совершенствованию лексических навыков создание личностно ориентированных ситуаций, приближенных к реальной жизни, демонстрация практической ценности языковых явлений (в частности, для их будущей профессиональной деятельности) может помочь существенно повысить образовательную и практическую ценность предлагаемого материала и увеличить эффективность его усвоения.

Библиографический список

Литература

1. Берман И.М. Исследование ядра школьной лексики в плане преемственности обучения в школе и вузе / И.М. Берман, Е.В. Синявская // Иностраный язык в высшей школе. — 1971. — № 6. — С. 54–57.
2. Гурвич П.Б. Основы обучения устной речи на языковых факультетах: курс лекций / П.Б. Гурвич. — Ч. 1. — Владимир: [б. и.], 1972. — 156 с.

3. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи / Н.И. Жинкин. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
4. *Зинченко Т.П.* Память в экспериментальной и когнитивной психологии / Т.П. Зинченко. – СПб.: Питер, 2002. – 320 с.
5. *Роптанова Л.Ф.* Активизация изучения лексики на 1-м курсе языкового факультета (вуза) путём использования рациональных стратегий усвоения на этапе предъявления: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Л.Ф. Роптанова. – М., 1991. – 241 с.
6. *Светлицева Г.К.* Отбор и организация лексики для обучения чтению на 1 этапе неязыкового вуза (на материале немецких литературоведческих текстов): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Г.К. Светлицева. – Донецк, 1983. – 22 с.
7. *Симонов П.В.* Темперамент. Характер. Личность / П.В. Симонов, П.М. Ершов. – М.: Наука, 1984. – 160 с. – (Серия: От молекулы до организма.)
8. *Тюменцев А.И.* Статистический анализ лексики английского языка учащихся 10-х классов / А.И. Тюменцев // Вопросы преемственности в преподавании иностранных языков в средней и высшей школе: сб. науч. тр. Уральского гос. ун-та им. А.М. Горького. – Вып. 2. – Свердловск: Изд-во гос. университета, 1976. – С. 84–89.
9. *Canale M.* Some Theories of Communicative Competence // Grammar and Second Language Teaching. A Book of Readings / M. Canale, M. Swain; ed. by W. Rutherford, M.S. Smith. – Boston: Heinle and Heinle Publishers. 1991. – P. 60–79.

References

Literatura

1. *Berman I.M.* Issledovanie yadra shkol'noj leksiki v plane preemstvennosti obucheniya v shkole i vuze / I.M. Berman, E.V. Sinyavskaya // Inostranny'j yazyk v vy'sshej shkole. – 1971. – № 6. – S. 54–57.
2. *Gurvich P.B.* Osnovy' obucheniya ustnoj rechi na yazy'kovy'x fakul'tetax: kurs lekciij / P.B. Gurvich. – Ch. 1. – Vladimir: [b. il.], 1972. – 156 s.
3. *Zhinkin N.I.* Mexanizmy' rechi / N.I. Zhinkin. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
4. *Zinchenko T.P.* Pamyat' v e'ksperimental'noj i kognitivnoj psixologii / T.P. Zinchenko. – SPb.: Piter, 2002. – 320 s.
5. *Roptanova L.F.* Aktivizaciya izucheniya leksiki na 1-m kurse yazy'kovogo fakul'teta (vuza) putem ispolzovaniya racional'ny'x strategij usvoeniya na e'tape pred'yavleniya: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 / L.F. Roptanova. – М., 1991. – 241 s.
6. *Svetlishheva G.K.* Otbor i organizaciya leksiki dlya obucheniya chteniyu na 1 e'tape neyazy'kovogo vuza (na materiale nemeckix literaturovedcheskix tekstov): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 / G.K. Svetlishheva. – Doneczk, 1983. – 22 s.
7. *Simonov P.V.* Temperament. Xarakter. Lichnost' / P.V. Simonov, P.M. Ershov. – М.: Nauka, 1984. – 160 s. – Seriya: Ot molekuly' do organisma.
8. *Tyumencev A.I.* Statisticheskij analiz leksiki anglijskogo yazy'ka uchashhixsya 10-x klassov / A.I. Tyumencev // Voprosy' preemstvennosti v prepodavanii inostranny'x yazy'kov v srednej i vy'sshej shkole: sb. nauch. tr. Ural'skogo gos. universiteta im. A.M. Gor'kogo. – Vy'p. 2. – Sverdlovsk: Izd-vo gos. universiteta, 1976. – S. 84–89.
9. *Canale M.* Some Theories of Communicative Competence // Grammar and Second Language Teaching. A Book of Readings / M. Canale, M. Swain; ed. by W. Rutherford, M.S. Smith. – Boston: Heinle and Heinle Publishers. 1991. – P. 60–79.

Г.С. Абрамова

Роль фонетических средств в формировании образа представителя современной британской поп-культуры

Данная статья описывает некоторые фонетические особенности речи представителей поп-культуры, объясняет причины их появления и роль, которую они играют в формировании образа говорящего. В статье раскрываются такие понятия, как образ и имидж оратора, «речевой портрет», «речевое поведение» и «социолект». Автор показывает, что фонетическое оформление речи представителей современной поп-культуры может рассматриваться как составляющая их имиджа.

This article describes phonetic elements that appear in the speech of pop culture representatives, explains the reasons of their appearance and the role that they play in building the image of a speaker. The article explains the meaning of the term image, «speech portrait», «speech behaviour», «sociolect». The author shows that phonetic elements in speech of pop culture representatives can be regarded as part of their image.

Ключевые слова: образ; имидж; речевой портрет; речевое поведение; социолект.

Key words: image; speech portrait; speech behaviour; sociolect.

В связи с возросшим влиянием массовой культуры на общество особый интерес для исследования современного звучания британского варианта английского языка представляет изучение речи, характерной для представителей массовой культуры. В центре данной статьи стоят проблемы формирования и реализации образа представителя современной британской поп-культуры, и прежде всего участие фонетических средств в формировании образа поп-звезд, которые являются главными представителями массовой культуры.

В статье представлены некоторые наблюдения, полученные в ходе анализа образцов звучащей речи, реализованной носителями английского языка, относящимися к сфере современной поп-культуры. Информанты (8 человек, в том чис-

ле — 4 мужчин и 4 женщины) относятся к возрастной группе 25–35 лет, принадлежат к среднему классу, большинство из них имеют высшее образование, как правило, музыкальное. Важно подчеркнуть, что профессиональная деятельность информантов реализуется в контексте массовой культуры, которая является порождением индустриальной и постиндустриальной эпохи, связанной с формированием массового общества.

Представляется, что именно данный фактор оказывает существенное влияние на речевое поведение информантов и, в частности, на фонетические характеристики их речи. Следует отметить, что феномен массовой культуры многими учёными трактуется буквально, то есть как культура масс, создаваемая массами.

Сегодняшнее общество, живя в эпоху постмодернизма, характеризуется бунтарским, порой скандальным характером, протестом против всего консервативного и традиционного, отрицанием норм поведения в обществе и правил этикета. Быстрее всего на изменения в обществе реагируют представители массовой культуры и приверженцы этой культуры — молодёжь. Соответственно, образ представителя поп-культуры, который формируется и реализуется в процессе социального взаимодействия в рамках культурных и этических ориентиров молодёжной аудитории, должен соответствовать ожиданиям данной социальной группы.

Как известно, в сфере публичного общения образ говорящего является мощным инструментом воздействия. С античных времён риторическая теория и практика уделяют большое внимание способам формирования эффективного образа оратора. Отмечено, что образ оратора как в античной, так и в современной риторике тесно связан с личностью оратора.

Древнегреческая философия выделяет понятие «этос», которое определяется как совокупность стабильных черт индивидуального характера, определяющих особенности жизнедеятельности человека. Это понятие использовалось в античной риторике и связывалось с проявлениями личности оратора в стиле речи. Е.Л. Фрейдина отмечает, что с точки зрения риторики оратор, с одной стороны, выступает как носитель этоса, с другой — в процессе риторической деятельности он сам участвует в его порождении [6: с. 18].

С точки зрения лингвокультурологии и этнопсихолингвистики оратор предстаёт в «каждый момент своей речевой деятельности в трёх ипостасях, как совокупность «личностных феноменов» — как личность 1) языковая, 2) речевая, 3) коммуникативная» [4: с. 22]. По мнению В.В. Красных, первая ипостась связана с теми знаниями и представлениями, которыми обладает человек, вторая — с выбором стратегий общения и репертуара лингвистических и экстралингвистических средств, третья — проявляется в конкретном акте коммуникации.

В целом, в современной риторике не отождествляется личность оратора и его образ. Формируемый оратором образ рассматривается как мощный инструмент убеждения. С одной стороны, образ оратора должен соответствовать ожиданиям и потребностям аудитории. В связи с этим Т.И. Шевченко

отмечает, что реакция слушателей, естественно, зависит от социальной и этнической принадлежности слушателей [7: с. 12]. С другой — образ может быть убедительным лишь тогда, когда он основан на реальных личностных, социальных и национально-культурных свойствах оратора. Иными словами, образ оратора по своей природе дуален — одновременно соотнесён с «персоной» говорящего и с ожиданиями аудитории.

В ряду терминов, соотносимых с обсуждаемым понятием «образ», сегодня в среде массовой коммуникации всё чаще фигурирует понятие «имидж». В отличие от «образа» «имидж» создаётся искусственно и определяется как стратегия целенаправленного управления впечатлением. Г.Г. Почепцов определяет имидж как «знаковый заменитель сложного и углублённого портрета человека, отражающий его основные черты или те черты, которые хотят на нас спроецировать» [5: с. 12].

Многие учёные сегодня считают, что человек в языке проявляется прежде всего через своё коммуникативное поведение, а именно: «через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определённой лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определённых синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (мимика, жесты, избираемые дистанции в общении и др.)» [3: с. 188]. Систематическое описание этих особенностей коммуникативного поведения есть «речевой портрет человека» [3: с. 189].

В современных лингвистических исследованиях для описания речи говорящего помимо термина «речевой портрет» используются другие термины. С одной стороны, некоторые исследователи называют это «речевым поведением». Речевое поведение — «тип поведения, проявляющийся в речи». «Речевое поведение — это малоосознанная активность, проявляющаяся в образцах и стереотипах действий, усвоенных человеком либо на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта» [2: с. 265]. Речевое поведение может также затрагивать стилистику, грамматику и высокочастотную лексику.

Как показывают современные социолингвистические исследования, речевое поведение человека в значительной степени отражает принадлежность к определённой социальной группе. В контексте изучения речевых характеристик представителей поп-культуры необходимо включить в сферу рассмотрения категорию «социолект». Социолект — это особый групповой язык, который является маркером для обозначения особой группы в рамках всего языкового сообщества [8: с. 151]. Согласно некоторым концепциям, подсистема или вариант каждой группы являются социолектом, который дополнительно ограничивается временными и пространственными рамками и маркирует принадлежность к определённой профессии, партии или социальному слою. Многие учёные используют также равнозначный ему термин — «социодialeкт» (*англ.* social dialect). В.И. Карасик подчёркивает, что «социолект служит символом групповой принадлежности» [2: с. 56].

При описании понятия «социальная группа» существует два основных подхода. Первый из них основан на восприятии группы «извне», т.е. на её визуальной и акустической оценке сторонним наблюдателем. Второй подход базируется на субъективном наблюдении и обращается к самосознанию группы и представлениях её членов о себе как о части единого целого [8: с. 152]. В нашем исследовании мы использовали первый подход, анализируя группу «извне», основываясь на визуальной и перцептивной оценке фонетического и невербального поведения информантов.

Проведённый нами анализ фонетических особенностей речи представителей британской поп-культуры позволяет сделать некоторые выводы. Речь всех информантов характеризуется демократическим стилем общения, стремлением «говорить на одном языке» со своей аудиторией. Отмечается большое количество повторов, вводных конструкций, сленговых выражений, а также признаки *кокнифицированной* речи, то есть элементы диалекта кокни.

Ниже приведены элементы кокни, которые наиболее часто встречаются у представителей британской поп-культуры:

- образование гортанной смычки [ʔ];
- замена межзубного звука [ð] на губно-зубной [v];
- замена межзубного согласного на губно-зубной [f], например, «think» произносится как [fɪnk];
- опущение звука [h] в начале слов;
- вокализация сонанта [l];
- сужение долгих гласных.

Для описания *кокнифицированной* речи некоторые лингвисты используют термин «мокни». Однако, сопоставляя термины *кокнификация* и *мокни*, необходимо отметить, что термин «мокни» используется журналистами, лингвистами, современными фонетистами и самими носителями языка в Великобритании только по отношению к речи представителей высшего и среднего класса, только к тем людям из высших прослоек населения, которые намеренно пытаются звучать как кокни, но таковыми не являются.

Результаты исследования позволяют нам сделать некоторые выводы. Прежде всего отметим, что на образ представителя современной британской поп-культуры оказывают влияние множество факторов: социальная среда, этап развития общества в целом, фанаты данного артиста, а также, бесспорно, личный багаж данного человека.

Очевидно, что кумиры молодёжи стремятся продемонстрировать образ, подчёркивающий их принадлежность к той же социальной группе, что и их поклонники. Сокращение дистанции и иллюзия приближения к «массам», создание атмосферы искреннего общения достигается разными способами. Одним из таких способов может являться *кокнификация* речи.

Некоторые учёные считают, что использование элементов кокни в речи представителями поп-культуры придаёт определённую грубость их образу. Однако В.И. Карасик объясняет это общей демократизацией общения и стремлением публичных людей казаться искренними. Он говорит о том, что имиджмейкеры

советуют политикам и другим публичным людям «изъясняться откровенно и иногда грубовато, чтобы произвести впечатление искренних людей» [3: с. 282].

Кокнификация речи может также использоваться для того, чтобы намеренно снизить свой интеллектуальный уровень в соответствии с интеллектуальным уровнем слушающего, казаться «рубашкой парнем» и создавать комфортную доверительную атмосферу общения.

Таким образом, наше исследование показало, что некоторые фонетические черты являются частью образа представителя современной британской поп-культуры, а также могут служить эффективным способом создания более комфортной и доверительной атмосферы общения.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2008. – 316 с.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: монография / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Почепцов Г.Г. Имиджелогия: монография / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2000. – 768 с.
6. Фрейдина Е.Л. Публичная речь и её просодия: монография / Е.Л. Фрейдина. – М.: Прометей, 2005. – 192 с.
7. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения: монография / Т.И. Шевченко. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.

Справочные издания

8. Ammon U. Soziolinguistik. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. / U. Ammon. – Berlin: de Gruyter, 1987. – 560 S.

Rereferences

Literatura

1. Vikulova L.G. Osnovy' teorii kommunikacii: praktikum / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – М.: AST: Vostok–Zapad, 2008. – 316 s.
2. Karasik V.I. Yazy'k social'nogo statusa: monografiya / V.I. Karasik. – М.: Gnozis, 2002. – 333 s.
3. Karasik V.I. Yazy'kovy'e klyuchi: monografiya / V.I. Karasik. – М.: Gnozis, 2009. – 406 s.
4. Krasny'x V.V. E'tnopsixolingvistika i lingvokul'turologiya: monografiya / V.V. Krasny'x. – М.: Gnozis, 2002. – 284 s.

5. *Pochepczov G.G.* Imidzhelogiya: monografiya / G.G. Pochepczov. – M.: Refl-buk, Vakler, 2000. – 768 s.

6. *Frejdina E.L.* Publichnaya rech' i ee prosodiya: monografiya / E.L. Frejdina. – M.: Prometej, 2005. – 192 s.

7. *Shevchenko T.I.* Social'naya differenciaciya anglijskogo proiznosheniya: monografiya / T.I. Shevchenko. – M.: Vy'sshaya shkola, 1990. – 142 s.

Spravochny'e izdaniya

8. *Ammon U.* Soziolinguistik. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. / U. Ammon. – Berlin: de Gruyter, 1987. – 560 S.

А.В. Ахмерова

Динамика развития функциональных свойств глаголов с семантикой «делать»

В статье рассматриваются пути формирования функциональных свойств глаголов «делать» на примере английского, немецкого и французского языков. Предпринимается попытка выявить истоки полифункциональности исследуемых глаголов.

The author of the article deals with the formation of functional features of the verbs with the notion «performing an action» in the English, German and French languages. The origin of the verbs multifunctionality is tried to be investigated.

Ключевые слова: полифункциональность; эволюция функций; когнитивная структура знания; развитие абстрактного значения.

Key words: multifunctionality; function development; cognitive structure of knowledge; abstract notion development.

В качестве фундаментального глагол «делать» формирует целый ряд функционально-семантических моделей, при реализации которых более конкретные лексико-семантические характеристики глаголов — частные проявления глагольной идеи действия.

В научных источниках по истории германских и романских языков эволюция форм и функций глаголов с семантикой «делать» объясняется разными причинами. Высказывается идея наличия инклюзивных отношений между значениями базовых глаголов, репрезентирующих общую семантическую идею (в нашем случае «делания»), и значениями конкретных номинаций действия [3].

По сведениям этимологических словарей [8–10] в происхождении английского глагола *make* и немецкого глагола *tachen* прослеживается связь со значениями «строить», «мять, месить, делать», «составлять вместе, слеплять», «укреплять». Данные значения возникли благодаря использованию глагола в лексике о построении глинобитных домов. Заметим, что в латинском языке основными самостоятельными значениями глагола *facere* были значения, связанные прежде всего с идеей «созидания»: «сооружать», «добывать», «прокладывать», «производить» [7].

Предположительно в происхождении английского глагола *do* и немецкого *tun* отмечается связь с протоиндоевропейской основой *dhe* в значении «помещать, ставить, делать, совершать». Самостоятельное значение глагола *do* было первоначально локальным: «сажать», «класть», «ставить» и встречалось иногда в древ-

неанглийском и даже ранненоанглийском периодах [1: с. 269]. Значение «совершать, делать» формируется также с древнеанглийского периода.

Таким образом, движение смысла в эволюции глаголов *make*, *do* и *tun*, *machen* шло путём расширения значения и приобретения самого общего — «делать». Анализ выявленных языковых данных подтверждает высказываемую когнитологами идею об образной схеме, отражающей одно из первых и фундаментальных переживаний человека и переносимой с одной структуры на другую, абстрактную. Происходит преобразование образной схемы, её расширение и использование для структурирования обобщённых понятий. Следовательно, при описании глагола различаются когнитивная (конкретная) структура знания о действии и концептуальная, соответствующая более высокому уровню абстракции [6: с. 236–237, 245].

Формирование свойства наиболее абстрактно передавать идею деятельности способствовало эволюционированию глаголов «делать» в показатель с каузативной, временной, аспектуальной, модальной семантикой, возможности участвовать в образовании вопросительных и отрицательных конструкций, фразеологических оборотов.

Наиболее рано сформировавшейся функцией глаголов с семантикой «делать» является их способность выступать в качестве субститута других глаголов. Такое употребление свойственно глаголу *do* уже в древнеанглийский период, а французскому *faire* — в старофранцузский [2: с. 309; 5: с. 203–231].

Другая функция, которая прошла сходный путь становления в рассматриваемых языках и является в настоящее время важнейшей частью свойств глаголов «делать» — это формирование аналитического каузатива. Аналитическая каузативная конструкция восходит к сложным предложениям с подчинительной связью (с придаточными образа действия): уже с начала XI века встречаются конструкции глагола *make* с инфинитивом. Исторически *do* и *make* означали побуждение к совершению действия. В среднеанглийский период в этом значении чаще употреблялся глагол *do*, с ранненоанглийского периода в этой функции используются глаголы *make* и *let* [1: с. 309]. Т.И. Резникова считает, что замена перифразы с *do*, имевшей в древнеанглийский период каузативное значение, на альтернативную конструкцию с *make* связана с переосмыслением, переносом акцента с исполнителя действия на само действие [4].

Следует согласиться с мнением, что выбор глагола, который может стать показателем каузатива, не произволен. В ряде языков наблюдается тенденция развития данного значения у глаголов, обозначающих производство некоторого нового объекта [4]. Выше отмечалось, что в германских языках понятие «создание» этимологически заложено в глаголах *machen* и *make*. Этот факт согласуется с идеей К. Бруннера о том, что глагол *make* подчёркивает в первую очередь достижение результата, а *do* — само действие, факт занятости [1: с. 309]. Именно глагол *make* в современном английском языке образует каузативную конструкцию. И хотя в древнеанглийском для выражения каузатива использовалась перифраза с глаголом *don* (современный *do*), выбор глагола был оправдан этимологически.

Та же эволюция выбора глагола наблюдается в немецком языке. В XI–XII веках в качестве показателя каузатива использовался глагол *tuon*, наиболее обобщённо выражавший идею деятельности. Глагол же *machen* сохранял в этот период изначальное конкретное значение — «соединять, связывать». И лишь к концу XIV века этот глагол постепенно вытесняет *tuon* в каузативной функции [2: с. 338].

Во французском языке образование глагольной перифразы с глаголом *faire* в каузативном значении отмечается уже в старофранцузском языке. Аналитический каузатив претерпевает грамматизацию к современному периоду, становясь конструкцией фактитивного залога.

Употребление глаголов с семантикой «делать» в усилительном значении отмечается в истории английского и французского языков. Во французском языке в абсолютном употреблении в формах *non ferai* (в отрицательной форме со значением решительного отказа или запрещения) и *si ferai* (в утвердительной форме) глагол *faire* претерпевает семантическую трансформацию, становясь стилистическим усилителем выражения отрицания или утверждения [5: с. 233].

В английском языке с целью усиления в утвердительных предложениях стал употребляться глагол *do*, особенно часто с XVI–XVII веков. Усилительное значение *do* получает в торжественных заявлениях, как в более ранних, так и в более поздних текстах, и в молитвах [1: с. 310]. Отмечается, что происхождение усилительного значения *do* предположительно восходит к ослаблению побудительного значения глагола, которое встречается во многих среднеанглийских примерах [1: с. 311]. С усилительным значением связано и формирование функции оборота с глаголом *do* в качестве формального слова в отрицательных и вопросительных предложениях. Очевидно, что основным фактором формирования данных употреблений послужило проявление обобщённого значения.

В истории немецкого языка отмечается использование глагола *tun* в качестве вспомогательного в конструкциях *er tut laufen*, *er tät (tat) laufen*, *tut er nicht kommen?* (подобных английской конструкции *does'n he come?*). Такое употребление широко распространяется в литературном языке XIV–XVI веков, но позднее упраздняется грамматической регламентацией, а в современном языке является признаком просторечия [2: с. 288].

Несмотря на то, что этимологически английский глагол *do* и немецкий *tun* являются образованием от общей ступени индоевропейского корня, имевшего пространственные (локальные) значения «помещать, ставить», дальнейшее развитие этих глаголов формирует неравнозначные функционально-семантические модели.

Семантическая обусловленность аспектуально-временных конструкций этимологическим значением сохраняется у немецкого глагола *tun*, который обозначает действие как процесс, но не имеет семантики выполнения, совершения, вследствие чего он не может быть показателем имперфективной семантики. В случае с английским глаголом *do*, скорее всего, реализуется присущее ему также обобщённое значение действия, поскольку *do* способен образовать сочетание, обозначающее как предельное, так и неопредельное действие [4].

Взаимосвязь лексического значения глагола-источника и возникавших исторически функций глагола «делать» наблюдается и в ряде других случаев.

Так, модальное значение, в частности, дезидератива, проявляется в некоторых диалектах немецкого языка [4]. Примечательно, что в истории французского языка модальное значение имела конструкция глагола *faire* с инфинитивом посредством предлога *à*. Независимо от характера присоединяемого инфинитива назначение конструкции — выражать длительность действия, состояние, желательность, будущность [5: с. 305–307]. Вежливый оттенок в инфинитивных конструкциях (*faire mander, faire envoyer*), засвидетельствованный в ранних старофранцузских текстах, является продолжением латинских употреблений глаголов *jubere* и *facere* в сходных значениях [5: с. 312].

В истории германских и романских языков прослеживается, кроме прочего, становление глаголов «делать» как средства топикализации. Во французском языке устойчивые обороты с именами существительными, чаще всего абстрактными, глагол *faire* образует уже в XII–XIII веках. Обобщённое глагольное значение действия получает конкретную лексическую окраску от существительного, с которым образует фразеологический оборот [5: с. 224]. Кроме того, в сочетании с именем глагол принимает каждый раз новое значение, сопоставимое со значением простого глагола. Л.М. Скредина связывает эту сопоставимость с заместительной функцией глагола *faire*, которая возникла ещё в латинском языке. Подобные употребления в латинском языке весьма распространены: *verba facere* — говорить; *corpus facere* — полнеть; *medicinam facere* — лечить [7]. При отглагольных именах сочетание глаголов «делать» становится синонимичным простому глаголу.

Итак, полифункциональность глаголов с семантикой «делать» имеет исторический характер. Это свойство глаголов в германских и романских языках складывалось в процессе эволюции и связано с движением в семантической структуре рассматриваемых языковых единиц. Выявляются две основные тенденции в этом процессе. С одной стороны, присутствует влияние первоначальных значений глагола, участвовавших в формировании ряда функций (казуации, аспектуально-временных и модальных значений). С другой стороны, наблюдается абстрагирование, обобщение действия, которое привело к участию глаголов «делать» в образовании отдельных грамматизованных конструкций (отрицательных, вопросительных) или к использованию в качестве слов-заместителей, средств усиления и топикализации. В целом современные функции глаголов с семантикой «делать» так или иначе зафиксированы в истории германских и романских языков и имеют ранние корни.

Библиографический список

Литература

1. Бруннер К. История английского языка. / К. Бруннер; пер. с нем.; под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 720 с.
2. Жирмунский В.М. История немецкого языка / В.М. Жирмунский. – М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1956. – 387 с.
3. Лихачева А. О семантической параметризации русских номинаций говорения / А. Лихачева // Studies about Languages. – 2008. – № 13. – С. 21–26.

4. *Резникова Т.И.* Аналитические конструкции с глаголом «делать»: типологический обзор / Т.И. Резникова. – URL: <http://lib.ru/NLP/magianlpl.txt>
5. *Скрелина Л.М.* Очерк исторического синтаксиса французского языка (развитие структуры предложения в связи с изменением валентных свойств фундаментальных глаголов) / Л.М. Скрелина. – Мн.: Изд-во МИИЯ, 1973. – 362 с.
6. *Фурашова Н.В.* Репрезентация знаний в глаголах физического действия / Н.В. Фурашова // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и формы знаний: сб. науч. тр. – М.–Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. – С. 232–247.

Справочные и информационные издания

7. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
8. Etymological online dictionary. – URL: <http://www.etymoline.com/index.php?search=make&searchmode=none>
9. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – München: Deutschen Taschenbuch Verlag GmbH & Co. Kg., 2004. – 1665 S.
10. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1967. – 915 S.

References

Literatura

1. *Brunner R.* Istoriya anglijskogo yazy'ka. / K. Brunner; per. s nem.; pod red. i s predisl. B.F. Il'jisha. – М.: Editorial URSS, 2008. – 720 s.
2. *Zhirmunskij V.M.* Istoriya nemeckzogo yazy'ka / V.M. Zhirmunskij. – М.: Izd-vo literatury' na inostr. yaz., 1956. – 387 s.
3. *Lixacheva A.* O semanticheskoy parametrizacii russkix nominacij govoreniya / A. Lixacheva // Studies about Languages. – 2008. – № 13. – S. 21–26.
4. *Reznikova T.I.* Analiticheskie konstrukcii s glagolom «delat'»: tipologicheskij obzor / T.I. Reznikova. – URL: lib.ru/NLP/magianlpl.txt.
5. *Skrelina L.M.* Oчерk istoricheskogo sintaksisa francuzskogo yazy'ka (razvitie struktury' predlozheniya v svyazi s izmeneniem valentny'x svojstv fundamentalny'x glagolov) / L.M. Skrelina. – Minsk: Izd-vo MIIYA, 1973. – 362 s.
6. *Furashova N.V.* Representaciya znaniy v glagolax fizicheskogo dejstviya / N.V. Furashova // Problemy' predstavleniya (representacii) v yazy'ke. Tipy' i formy' znaniy: sb. nauch. tr. – М.–Калуга: IP Koshelev A.B. (Izd-vo «E'jdos»), 2007. – S. 232–247.

Spravochny'je i informacionny'e izdaniya

7. *Dvoreckij I.X.* Latinsko-russkij slovar'. – М.: Russkij yazy'k, 1976. – 1096 s.
8. Etymological online dictionary. – URL: <http://www.etymoline.com/index.php?search=make&searchmode=none>
9. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – München: Deutschen Taschenbuch Verlag GmbH & Co. Kg., 2004. – 1665 S.
10. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1967. – 915 S.

А.С. Балкунова

Никнейм — неологизм или окказионализм?

В статье рассматриваются основные характеристики никнеймов — вымышленных имён пользователей Интернетом. Предпринимается попытка определить место никнейма среди сходных или смежных языковых явлений.

The article deals with the basic characteristics of nicknames, assumed names that Internet users act under. The author makes a tentative to define the position that nicknames obtain among similar and related language phenomena.

Ключевые слова: индивидуально-авторские новообразования; процесс номинации; окказиональный характер; совокупность постоянных признаков.

Key words: author's innovations; process of naming; occasional character; combination of constant features.

Никнейм (никнэйм, ник; *англ. nickname*) — это вымышленное сетевое имя, которым пользователь Интернета заменяет своё подлинное имя. Поскольку никнейм — явление достаточно новое в лингвистике, его статус ещё не разработан. Возникает необходимость определить его место среди сходных или смежных языковых явлений. Наши наблюдения показывают, что при определённых условиях никнеймы могут рассматриваться в некотором смысле как окказионализмы, а также как единицы, несущие определённые признаки неологизмов.

Никнеймы, как и окказионализмы, относятся к явлениям, связанным с индивидуально-авторским творчеством и остающимся за пределами общеупотребительного словарного запаса. Основной целью или условием появления окказиональных слов являются языковая игра [10: с. 283] или применение к определённому случаю, к данному (речевому) контексту [8: с. 5; 7: с. 408]. Их характерной оценочной чертой является связь с автором [2: с. 18], новизна, экспрессивность [10: с. 283], и не только формы, но и смысла [5: с. 303], а также выразительность, изобразительность, яркость, при этом необщепринятость, ненормативность и незуальность [6: с. 284]. Если говорить о форме данных языковых единиц, то отмечается необычность, непринужденность построения моделей по сравнению с нормативной лексикой русского языка [3: с. 67].

Вместе с тем в лингвистической литературе окказионализмы характеризуются и как «творческие неологизмы», «стилистические неологизмы»,

«индивидуальные неологизмы», «эфемерные инновации» и т.п., что свидетельствует о близости их к неологизмам. Как и окказионализмы, неологизмы характеризуются повышенной экспрессивностью значения, необычностью, редкостью, нетипичностью, но отличаются заимствованностью, общепринятостью. Причинами появления новых слов являются отсутствие названия для нового явления, предмета или процесса, неудачное старое название, не соответствующее по внутренней форме вновь обнаруженным свойствам данного предмета или явления [4: с. 7; 1: с. 17]. Отличие неологизмов от окказионализмов заключается в том, что неологизмы с течением времени перестают восприниматься как новые, становятся нормой и формируются в словарях, таким образом переставая быть неологизмами [12: с. 414], а окказионализмы «даже давние, рождённые в прошлом веке и ранее, по-прежнему дышат свежестью и новизной» [11: с. 286]. Окказионализмы живут лишь в том контексте, в котором они родились и сохраняют свою связь с автором, их породившим. Именно этим объясняется их необщепринятость в языке. Функция неологизмов номинативная, они, напротив, не зависят от своего творца, отсюда следует их главный признак — общенародность [12: с. 414; 11: с. 286].

Рассмотренные особенности окказионализмов и неологизмов позволяют выделить из их характеристик определённые черты, которые могут быть свойственны и никнеймам. Нами выявлен ряд таких признаков, имеющих постоянный и непостоянный характер. Из непостоянных можно выделить следующие.

Большинство никнеймов обладают признаком экспрессивности формы и смысла, выраженной образностью, эмоциональностью, набором различных смысловых оттенков: *BeCTИя* (*простореч.*), *сволочь* (*сниж.*), *стерва* (*сниж.*), *baby* (от *англ. baby* — малыш), *JUNIOR* (от *англ. junior* — молодой), *Лапо4каJulі* (Лапочка Джули), хотя встречаются и нейтральные никнеймы (*Максим*, *Татьяна*, *Андрей*). Данный признак может быть характерен для окказионализмов — *вертячка* (братья Стругацкие) и для неологизмов — *хохотунчик* (игрушка для детей).

Для никнеймов часто характерны изобразительность и яркость. Нередко никнейм сопровождается различными типами символов основной латиницы (математическими или пунктуационными), цифрами, например: *к@нфетк@*, *\$extrim\$* (возможно, от *англ. extreme* — экстремальный), *<:Den:>* (Денис), *-=Volk-D=-*, *Настена=*), *Олег XII*, **\$cRaT* S[I]mBa*, *grey-fox 07*, *про100ОЛЯ* и др. Среди окказионализмов также можно встретить подобные примеры: *боэоби*, *гзи–гзи–гзэо* (В. Хлебников).

Языковая игра обычно используется для привлечения внимания других пользователей. Этот признак сходен в некотором смысле с предыдущими. С помощью подобного приёма происходит как бы «обыгрывание» значения слова. Часто в никнеймах встречается игра со звуками, буквами (смешение употребления строчных и прописных, перемежение кириллицы с латиницей), символами: *MaPиH4uk*, *AnGeL* (АнГел — употребление строчных и прописных, цифр), *CaHyPuk* (СаняРик — перемежение кириллицы с латиницей), *Bul-*

bul (Буль-буль — игра звуков) и т.д. Примерами игры слов для окказионализмов может служить словосочетание *крылышка* *золотописьмом* (В. Хлебников), для неологизмов — *листолём* (С. Есенин).

Яркие характеристики никнеймов — парадоксальность и новизна, специфичность которых обусловлена непродуктивностью модели, её единичностью, необычностью, некой диковинностью, противоречащей традиционному образованию слова. Никнейм часто удивляет своей формой, смысловой окраской и нелепостью, например: *Prizrakprizrakov* (Призракпризраков — словосочетание написано слитно, что противоречит правилам современного русского языка), *dlasir*, *Metrarty* (дласир, Метрарти — непонятность значения придуманных никнеймов); *веснушка*, *Пуговка*, *keks* (кекс) — отличаются необычной сопоставимостью человека с придуманным образом; *^_Tori_* (Тори), *Babanja* (бабаня), *Distrik* (Дистрик) характеризуются своей нелепостью, бессмысленностью. Подобное наблюдается и среди окказионализмов (*нешкодёром* у В. Маяковского), и среди неологизмов («*Ельцинарии* всех стран, объединяйтесь!» из газеты «Московский комсомолец» от 3 марта 1996 г.).

Большинство никнеймов — это искусственные (виртуальные) имена, с помощью которых жители Всемирной паутины создают свой новый образ: *Boombastic* (бумбастик), *lord 379*. Нередко мужчина придумывает себе женский никнейм, например, его зовут Сергей, а никнейм — *Светочка*. Искусственность наблюдается и среди окказионализмов: *оргальянт* (т.е. человек, продающий и убивающий, чтобы достать человеческие органы, автор — Л. Нивеномид).

Среди никнеймов довольно распространёнными являются заимствования. Английский язык — самый популярный при создании никнеймов, поэтому англицизмы проникают в область неологизмов и в пространство интернет-общения: *Fire* (от *англ. fire* — огонь), *Wizard* (от *англ. wizard* — волшебник, чародей), *Big Jack* (от *англ. Big Jack* — детектив, сыщик). Заимствования нередки и среди неологизмов: «*фрилэнсер*» (букв. «свободный улан», политик, не принадлежащий к определённой партии, или журналист, не связанный с определённой редакцией; слово распространено в Интернете).

К постоянным признакам никнейма относятся индивидуальная принадлежность и самоидентификация, что также может быть характерно для окказионализмов. Самоидентификация — называние, именование себя, где важен прагматический фактор никнейма (эмоционально-оценочное отношение как к себе, так и к реальности): *knocker* (от *амер. knocker* — красавчик), *утренняя*, *Butterfly* (от *англ. butterfly* — бабочка), *солнышко*, *Фиалка*, *m@lina*, *Неангел*. Индивидуальная принадлежность (связь с автором) проявляется в том, что человек сам придумывает форму, смысл, графику, т.е. сам творит своё виртуальное имя, вкладывая в него определённую информацию, порой понятную только самому автору, например: *-<Nikotin>*-, *Брю-ки*, *O-zone* и т.д. Даже если автор использует готовое имя, выбор его индивидуален и обусловлен определённой интенцией веб-личности (*Наташа*, *люсечка*, *Ксю*).

Рассмотренные характеристики никнеймов свидетельствуют о том, что с неологизмами их объединяют лишь такие переменные признаки, как экспрессивность, изобразительность (яркость), искусственность и заимствованность, а с окказионализмами — преобладающая часть переменных и постоянных признаков. Поскольку рассматриваемые языковые единицы возникают в процессе номинации, осуществляемой в разных условиях и с различными целями, то они обладают и своими специфическими свойствами. Окказионализмы становятся понятными только в определённом контексте и используются один раз в каком-либо тексте или акте речи [9: с. 331]. Неологизмам свойственны общеупотребительность и потеря новизны со временем. Никнейм также обладает особой характеристикой — коммуникативностью. Коммуникативная направленность никнейма проявляется в том, что общение в интернет-чатах всегда предполагает участие как минимум двух коммуникантов и не ограничивается односторонностью. Пользование Интернетом включает в себя постоянное взаимодействие между людьми (обмен мыслями, чувствами и т.д.), особенно в так называемых социальных сетях, которые очень актуальны сегодня. Никнейм «рождается», когда человек хочет общаться, привлечь к себе внимание, следовательно, повышается коммуникативная активность веб-личности в интернет-социуме. Так, можно предположить, что *Клубничка* — никнейм, привлекающий внимание мужского пола своим желанием пообщаться на откровенные темы, *хохол* — носитель никнейма наверняка уроженец Украины и пытается привлечь внимание своих земляков.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что никнеймы ближе всего по своим признакам (постоянным и непостоянным) к окказионализмам и лишь в некоторой степени сходны с характеристиками неологизмов. Можно заключить, что процесс виртуальной номинации веб-личности носит окказиональный характер и вместе с тем имеет право на статус особого языкового явления.

Библиографический список

Литература

1. *Введенская Л.А.* Русский язык и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. — Ростов-н./Д.: Феникс, 2008. — 539 с.
2. *Земская Е.А.* Словообразование и текст / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 17–30.
3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. — М.: Педагогика-пресс, 1994. — 247 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Неология: проблемы и перспективы / Е.С. Кубрякова // Проблемы английской неологии: мат-лы науч. конф. — М.: МГЛУ, 2002. — С. 5–11.
5. *Ревзина О.Г.* Поэтика окказионального слова / О.Г. Ревзина // Язык как творчество: сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. — М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. — С. 303–308.

Справочные и информационные издания

6. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 2005. – 608 с.
7. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо, 1999. – 672 с.
8. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 680 с.
10. Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
11. Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. М.В. Панов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 544 с.
12. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х тт. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 1. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 840 с.

References*Literatura*

1. *Vvedenskaya L.A.* Russkij yazy'k i kul'tura rechi / L.A. Vvedenskaya, L.G. Pavlova, E.Y. Kashaeva. – Rostov-n./D.: Fenix, 2008. – 539 s.
2. *Zemskaya E.A.* Slovoobrazovanie i text / E.A. Zemskaya // Voprosy' yazy'koznaniya. – 1990. – № 6. – S. 17–30.
3. *Kostomarov V.G.* Yazy'kovoj vkus e'poxi: Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media / V.G. Kostomarov. – М.: Pedagogika-press, 1994. – 247 s.
4. *Kubryakova E.S.* Neologiya: problemy' i perspektivy' / E.S. Kubryakova // Problemy' anglijskoj neologii: mat-ly' nauch. konf. – М.: MGLU, 2002. – S. 5–11.
5. *Revzina O.G.* Poe'tika okkazional'nogo slova / O.G. Revzina // Yazy'k kak tvorcestvo: sb. nauch. tr. k 70-letiyu V.P. Grigor'eva. – М.: In-t russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova RAN, 1996. – S. 303–308.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskix terminov / O.S. Axmanova. – М.: Sovetskaya e'nciklopediya, 2005. – 608 s.
7. *Komlev N.G.* Slovar' inostranny'x slov / N.G. Komlev. – М.: E'ksmo, 1999. – 672 s.
8. *Kry'sin L.P.* Tolkovy'j slovar' inoyazy'chny'x slov / L.P. Kry'sin. – М.: E'ksmo, 2007. – 944 s.
9. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. – М.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – 680 s.
10. Russkij yazy'k: e'nciklopediya / Gl. red. Y.N. Karaulov. – М.: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya; Drofa, 1997. – 703 s.
11. E'nciklopedicheskij slovar' yunogo lingvista / Sost. M.V. Panov. – М.: Flinta; Nauka, 2006. – 544 s.
12. E'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskix terminov i ponyatij. Russkij yazy'k: v 2-x tt. / A.N. Tixonov, R.I. Xashimov, G.S. Zhuravl'ova i dr.; pod obsch. red. A.N. Tixonova, R.I. Xashimova. – Т. 1. – М.: Flinta; Nauka, 2008. – 840 s.

А.М. Ионова

Лингвокультурологический подход к обучению профессиональному общению студентов-международников

В статье рассматривается сущность лингвокультурологического подхода применительно к обучению профессиональному общению студентов-международников: цель, принципы обучения.

The article analyses the essence of lingvocultural approach to teaching international affairs students focusing on its objectives and principles.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход; цели; принципы обучения; студенты-международники.

Key words: lingvocultural approach; objectives; principles of teaching; international affairs students.

Основополагающей идеей в обучении иностранным языкам на сегодняшний день является идея соизучения языка и культуры. Данная идея реализуется через межкультурный (С.Г. Тер-Минасова, Г.В. Елизарова, И.И. Халеева), лингвострановедческий (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), лингвокультурологический (В.П. Фурманова), социокультурный (В.В. Сафонова) и лингвокультурологический (В.Н. Телия, В.В. Воробьев, В.А. Маслова) подходы. Разработчики данных подходов исходят из того, что язык является средством межкультурного общения, соответственно, «целью обучения иностранным языкам на современном этапе является подготовка языковой личности к продуктивному межкультурному общению (МКО)» [4: с. 208]. Результатом общения при этом должно стать взаимопонимание между его участниками, для достижения которого языковой личности необходимо обладать знаниями своей культуры и культуры носителей изучаемого язык, а также уметь использовать эти знания в процессе общения.

Если рассматривать процесс обучения студентов-международников, для которых основным в их профессиональной деятельности должно стать межкультурное общение в системе международной коммуникации, то видится разумным говорить о необходимости и *обязательности* включения вопроса соизучения языка и культуры в процесс обучения иноязычному общению данной категории обучающихся.

Анализ ситуаций профессионального общения, в которых оказываются выпускники-бакалавры по направлению подготовки «Международные от-

ношения», позволяет сделать вывод, что их профессиональное межкультурное общение на немецком языке протекает в значительной степени под воздействием концепта **Ordnung (порядок)**, являющегося, по мнению многих исследователей, ключевым концептом немецкой культуры (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Т.С. Медведева, М.В. Опарин, С.С. Тахтарова).

Понятие *концепт* передаёт некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка. Концепты, в свою очередь, формируют *языковую картину мира*, которая представляет собой исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённую в языке совокупность представлений о мире. В языковую картину мира, в частности, входят: 1) безэквивалентная лексика; 2) мифологизированные языковые единицы; 3) фразеологический фонд языка; 4) речевое поведение; 5) область речевого этикета [5: с. 36–37]. Эти аспекты являются предметом исследования **лингвокультурологии** — комплексной научной дисциплины, изучающей «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающей этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [2: с. 36].

Начиная изучать ИЯ, обучающийся сталкивается с тем, что изучаемый язык отличается от его родного языка или от иного иностранного языка, выученного ранее, не только по своей структуре, набору и сочетаемости лексических и грамматических единиц. С первых занятий он начинает осознавать разницу в употреблении тех или иных лексических и грамматических явлений, связанную со спецификой культуры носителей этого языка. Он отмечает также наличие языковых феноменов, одинаковых для обеих культур, постигает важность знания этой специфики для успешности коммуникации как в целом, так и в её профессиональном аспекте. Лингвокультурологический подход к обучению иностранным языкам позволяет обучающимся посредством знакомства с лингвокультурологическими единицами сформировать в своём сознании «наиболее полную инофонную картину мира» [1: с. 23]. Для студента-международника создание такой картины мира, т.е. осознание как особенностей, так и общего между культурами, и умение учитывать это в профессиональном общении является неотъемлемой составляющей профессиональной коммуникативной компетенции.

Самый беглый анализ объектов, изучаемых лингвокультурологией, показывает, что все они играют важную роль в успешности профессионально ориентированного общения специалистов-международников. Неверная интерпретация беспереводной, фоновой и коннотативной лексики может привести к коммуникативной неудаче, к разрыву коммуникации. Незнание специфики поведения представителей иной культуры может привести к тому, что партнёр воспримет иное поведение как проявление невежливости, и коммуникация может не состояться. Известно, что профессионально ориентированное общение в дипломатическом дискурсе отличается ритуальностью. Соответственно, для профессионального общения международного важно знание речевого

этикета и всех культурных различий, связанных с ритуальным поведением коммуникантов — представителей различных культур.

Следовательно, знание этих явлений и владение ими входит в межкультурную коммуникативную компетенцию профессионалов в данной области. Таким образом, находит своё подтверждение идея о необходимости включения лингвокультурологического аспекта в процесс обучения межкультурной профессиональной коммуникации студентов-международников. Иными словами, одной из составляющих профессионально-направленной иноязычной МКК должна стать лингвокультурологическая компетенция, представляющая собой, по мнению В.В. Воробьёва, «знание идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [2: с. 73].

Если обратиться к структуре «языковой личности», выделенной Ю.Н. Карауловым, то можно сказать, что лингвокультурологический подход обеспечивает переход от вербально-семантического («лексикона личности, понимаемого в широком смысле, и включающего фонетические и грамматические знания личности») [3: с. 66] к лингвокогнитивному, тезаурусному уровню, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей.

Применительно к структуре обучения студентов-международников иностранным языкам следует отметить, что для достижения положительного результата обучения переход на тезаурусный уровень развития языковой личности должен происходить к концу второго года обучения. На первом и втором курсе обучающиеся формируют свой собственный лексикон, включающий лексические и грамматические знания (вербально-семантический уровень). Поскольку любые элементы языка (и грамматические, и, особенно, лексические) культурно маркированы, необходимо с самого начала строить обучение иностранному языку опираясь на основные концепты инофонной картины мира, чтобы обеспечить своевременный переход языковой личности обучающегося на новый, тезаурусный, уровень развития.

В связи со всем вышесказанным видится необходимость уточнить **сущность лингвокультурологического подхода** применительно к обучению профессионально ориентированному общению студентов-международников на раннем этапе обучения.

Лингвокультурологический подход к обучению профессионально ориентированному общению студентов-международников на раннем этапе обучения заключается в организации содержания обучения с учётом ключевых концептов иноязычной картины мира, что обеспечивает переход языковой личности обучающегося на новый — тезаурусный уровень развития. *Целью* обучения иностранному языку специалистов-международников является, на наш взгляд, *формирование профессионально направленной иноязычной межкультурной коммуникативной компетенции*. Лингвокультурологический подход при этом призван обеспечить раннюю профессиональную ориента-

цию обучающихся и является одним из необходимых условий формирования их профессиональной иноязычной межкультурной компетенции.

Исходя из цели обучения и сущности лингвокультурологического подхода, мы считаем возможным сформулировать следующие наиболее важные **принципы обучения** профессионально ориентированному общению студентов-международников на основе лингвокультурологического подхода.

В качестве первого принципа мы называем *принцип культурно-связанного соизучения иностранного и родного языка*, выделенного Г.В. Елизаровой среди принципов формирования межкультурной компетенции [4]. Данный принцип реализуется через сопоставление всего презентуемого лингвистического материала с культурными ценностями. При этом «при развитии умений в области устной речи необходимо отследить структуры аутентичных речевых актов иноязычной культуры, проследить их зависимость от национальной системы культурных ценностей» [4: с. 241]. Следует отметить, что речь идёт не только о культуре изучаемого языка, но и о родной культуре обучающихся. Данный принцип призван способствовать повышению уровня общей профессиональной подготовки специалиста-международника, обеспечить его профессиональную социализацию.

Самым тесным образом с первым принципом связан *принцип речеведенческих стратегий*, также выделенный Г.В. Елизаровой. Автор предлагает в рамках данного принципа «отслеживать комбинированное, взаимосвязанное проявление культурных универсалий в реальной действительности и выработать умения их учёта в собственном поведении и поведении собеседников» [4: с. 249].

Из данного принципа вытекает *принцип аутентичности*, который мы выделяем в качестве *третьего принципа* обучения. По нашему мнению, выражаться данный принцип должен в подборе учебных ситуаций и коммуникативных задач, максимально приближенных к ситуациям реального профессионального общения специалистов-международников. Аутентичность общения в данном случае будет означать его подлинность, соответствие вербального и невербального компонентов. Ситуации, имитирующие реальное профессиональное общение, призваны научить обучающихся распознавать и правильно интерпретировать сообщения иноязычного адресанта, а также самим так передавать сообщение, чтобы адресат мог понять основную идею высказывания в соответствии с замыслом отправителя.

И, наконец, *четвёртый принцип*, который, на наш взгляд, должен быть выделен в рамках лингвокультурологического подхода к обучению профессионально ориентированному общению студентов-международников — это *принцип профессиональной направленности*. Данный принцип предполагает учёт особенностей будущей профессиональной деятельности и профессиональных интересов обучающихся с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности. Реализация данного принципа будет способствовать, кроме того, стимуляции интереса обучающихся как к будущей профессии, так и к изуче-

нию иностранного языка. В свете всего изложенного выше можно сказать, что сам факт использования лингвокультурологического подхода к обучению профессионально ориентированному общению студентов-международников является необходимым компонентом профессионализации обучения.

Библиографический список

Источники

1. Суворова М.А. Лингвокультурологический подход в обучении иностранным языкам студентов старших курсов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук 13.00.02; защищена в 2000 г. / М.А. Суворова. – Улан-Удэ, 2000. – 158 с.

Литература

2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. завед. / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2006. – 336 с.

4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – 2-е изд., стереотип. / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

References

Istochniki

1. Suvorova M.A. Lingvokul'turologicheskij podxod v obuchenii inostranny'm yazy'kam studentov starshix kursov yazy'kovogo vuza: dis. ... kand. ped. nauk 13.00.02; zashhishhena v 2000 g. / M.A. Suvorova. – Ulan-Ude', 2000. – 158 s.

Literatura

2. Vorob'yov V.V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody'): monografiya / V.V. Vorob'yov. – M.: Izd-vo RUDN, 1997. – 331 s.

3. Gal'skova N.D. Teoriya obucheniya inostranny'm yazy'kam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlya stud. lingv. un-tov i fak. in. yaz. vy'ssh. ped. ucheb. zaved. / N.D. Gal'skova, N.I. Gez. – 3-e izd., stereotip. – M.: Akademiya, 2006. – 336 s.

4. Elizarova G.V. Kul'tura i obuchenie inostranny'm yazy'kam / G.V. Elizarova. – SPb.: KARO, 2005. – 352 s.

5. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zaved. – 2-e izd., stereotip. – M.: Akademiya, 2004. – 208 s.

О.А. Кулагина

Этносемиотрический анализ слова *étranger* (диахронический аспект)

В статье проводится этносемиотрический анализ французского слова *étranger*, репрезентирующего инаковость.

This article deals with the semiometric analysis of the french word *étranger*, relevant to the study of linguistic representation of otherness.

Ключевые слова: этносемиотрия; инаковость; коннотация.

Key words: semiometry; otherness; connotation.

При изучении лингвистического аспекта проблематики диалога культур представляется необходимым обратиться к такому виду анализа, как этносемиотрия. К ключевым понятиям данного метода относятся «универсум человека и универсум языка», «картина мира», «жизненный мир» человека [2: с. 8]. Данный вид лингвистического аксиологического анализа, с одной стороны, «отсылает к цели выявления значения исследуемой формы, и, с другой стороны, помещает цельную языковую символическую форму в контекст принадлежности определённому культурному хронотопу» [3: с. 51].

Предметом нашего анализа является французское слово *étranger*, передающее инаковость. Данная лексическая единица является производной от слова *étrange* [13] и происходит от латинского *extraneus*, передающего следующие нейтральные значения:

1) *du dehors, extérieur* — внешний, пришедший снаружи (здесь и далее перевод наш. — О.К.);

2) *qui n'est pas de la famille, du pays; étranger* — не принадлежащий к семье, не местный; чужестранец [7: р. 382; 13].

В старофранцузский период (IX–XIII вв.) исследуемая лексема имеет форму *estrange* и приобретает такие дополнительные значения, как:

1) *qui appartient à un autre* — принадлежащий другому человеку:

Il li couvenoit <...> acheter vin en estrange celier (Miracles de Saint-Louis).

Ему следовало купить вино в чужом погребе;

2) *inhospitalier* — негостеприимный:

Une forest grant et estrange, ou il ne troverent home ne fame (Queste del saint Graal).

...Густой, странный лес, где не было ни мужчин, ни женщин;

3) *bizarre* — странный:

une estrange aventure — странное приключение [10: p. 271].

Как видим, к нейтральным значениям «внешний, приходящий снаружи» и «внесемейный, иноземный» добавляется значение с явно негативной окраской — «негостеприимный», а также значение «странный». Заметим, что расширение значений приходится на период Крестовых походов на Восток (XI–XIII вв.), когда разделение на «своих» и «чужих» было особенно чётким. Как отмечает известный учёный-медиевист Ж. Ле Гофф, для европейцев мусульмане были неверными, врагами, о мире с которыми не могло быть и речи [6: p. 120]; в то же время авторитетный исследователь Н. Дэниел подчёркивает, что в основе этого конфликта лежали именно религиозные различия [4: p. 158–159].

В среднефранцузский (XIV–XV вв.) и ранненовофранцузский периоды (XVI в.) слово *estrange* продолжает эволюционировать, сохраняя значение *bizarre*. Вместе с тем словари фиксируют новые значения данного слова:

1) *hors du commun, extraordinaire* — выходящий за рамки привычного, необычный:

J'aperçois bien qu'amour est de nature estrange (С. Marot).

Я замечаю, что у любви **странная природа**;

2) *qu'on ne peut pas reconnaître* — «неузнаваемый»:

un sourire estrange — странная улыбка;

3) *en dehors de (en parlant de la religion)* — находящийся за пределами (в отношении религии):

...tous ceux qui sont estranges de la religion d'un seul Dieu (С. Marot).

...все, кто **чужд** религии одного Бога;

4) *étranger, exotique* — чужеземный, экзотический:

...marchandises exotiques et peregrines, qui estoient par les halles du port (F. Rabelais. *La vie très horrifique du grand Gargantua, père de Pantagruel*).

...**экзотические чужеземные** товары, которые продавались на **портowych рынках** [11: p. 268].

Материал показывает, что слово по-прежнему передаёт идею странности и принадлежности к другой нации или к другой среде, но при этом приобретает значение экзотичности. Отметим, что значение *en dehors de* конкретизируется и распространяется главным образом на религиозную сферу жизни, поскольку для социума того периода одним из признаков «странности» являлась принадлежность к другой религии.

Значение экзотичности появляется в эпоху Великих географических открытий — в частности, в период открытия Америки. К концу XV в. европейцы обладали весьма скудными знаниями о других континентах, считая их необитаемыми или же населёнными некими сверхъестественными и сказочными существами — «êtres extraordinaires et merveilleux» [5: p. 29–30]. Так, один из первооткрывателей Канады, французский путешественник Жак Картье называл местных жителей «дикарями» — «les sauvages» [1], что подразумевает низкий уровень социального развития и жизненного уклада [12], такое опре-

деление обладает явно выраженной негативной коннотацией. Следовательно, в глазах европейцев чужеземцы выглядели, с одной стороны, отсталыми, но с другой — загадочными и малопонятными.

Это представление вписывается в приобретаемое изучаемой лексической единицей значение *exotique*. Согласно словарям, слово *exotique* появилось во французском языке в XVI в. [12; 13] и передаёт следующие значения:

1) *Qui est relatif, qui appartient au pays étranger, généralement lointain ou peu connu* — относящийся к чужой стране, как правило, далекой или малоизученной:

peuples exotiques — экзотические народы [13];

2) (Vieilli) *Qui n'appartient pas aux civilisations de l'Occident* — не принадлежащий западным цивилизациям:

mots exotiques — экзотические слова [12].

Параллельно с вышеперечисленными значениями слова *estrange* в словарях зафиксировано также выражение *faire l'étrange*, которое переводится как *faire les difficultés* («препятствовать, мешать ч.-либо; противиться, возражать»), *faire le difficile* («капризничать, быть очень требовательным») [11]. Соответственно, слово *estrange* постепенно приобретает негативную коннотацию, передавая идею сложности, затруднения, помехи в общении представителей разных культур.

В XVII веке мы впервые наблюдаем зафиксированное разделение слов *estrange* и *estraner*. В первом издании «Словаря Французской Академии» 1694 г. даны следующие значения единицы *estraner*:

1) *qui est lointain, d'une autre nation* — нечто далёкое; принадлежащее другому народу:

coustumes, loix estrangeres — иностранные костюмы, законы; *langue estrangere* — иностранный язык; *climat estranger* — чужеземный климат.

2) *qui n'est pas d'une famille, d'une Compagnie, d'une Communauté* — не принадлежащий к семейству, компании, общине:

Il a donné son bien à des estrangers pour l'oster à ses parents.

Он отдал своё имущество чужим людям, отняв его у своих родных [8: р. 407].

Таким образом, мы видим, что изучаемое слово сохранило свои исконные значения «иноземный» и «внесемейный», утратив идею странности и неизвестности. Отметим, что слово *estrange* также сохранило значение «esloigné, lointain, de dehors», но определение сопровождается пометой о том, что в данном значении слово предпочтительно употреблять при написании поэтических текстов, например *terres estranges, nations estranges* — чужие земли, чужие народы [8: р. 407].

В XVIII–XIX веках коренных изменений в значениях исследуемой единицы не наблюдается. Заметим лишь, что фиксируется редуцированная форма *étranger*, которая сохранилась до настоящего времени. В пятом издании «Словаря Французской Академии» 1798 г. приведён пример метонимического переноса значения, когда форма единственного числа *l'étranger* употребляет-

ся вместо формы множественного числа *les étrangers* — с пометой о том, что данный случай относится к области торговли [9: p. 535].

Анализ словарной статьи *étranger* показывает, что это слово по-прежнему сохраняет идею неестественности и чуждости, всё чаще употребляясь в переносном значении. Заметим, что эта идея может распространяться не только на иностранцев, но и на представителей французского социума, чьё поведение или внешний вид отклоняются от принятой нормы.

В конце XX века радикальных изменений также не наблюдается, за исключением нового метонимического значения, приведённого в «Малом Робере»:

les étrangers, et le plus souvent l'ennemi — иностранцы, чаще всего — «враг»: *pays envahi par l'étranger* — страна, захваченная врагом [12].

Если в более ранние периоды отрицательная коннотация слова была зафиксирована в словарях имплицитно, то теперь налицо эксплицитное выражение негативной окраски данной лексической единицы. Сравнив дефиниции из словарей предыдущих периодов (старофранцузского, среднефранцузского, раннефранцузского, XVII–XIX вв.), мы увидим, что по степени эксплицитности толкование конца XX в. наиболее приближено к тому, которое представлено в словарях старофранцузского языка. Если в IX–XIII веках слово *estrange* имело значение негостеприимности, то в современном французском языке речь идёт о враждебности, т.е. можно говорить о различных степенях восходящей градации. Таким образом, налицо определённая цикличность изменений значений изучаемой единицы.

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы. Слово *étranger* принадлежит к исконному лексическому фонду французского языка, но в IX–X веках оно претерпело изменения значений. В частности, основными, ядерными смыслами данной лексической единицы являются «отчужденность», «принадлежность к другой расе, нации, религии». Кроме этого, изменения словарных значений слова *étranger* носят циклический характер: в XX веке наблюдается возврат к дефинициям и оценкам, близким к оценкам IX–XIII веков.

Библиографический список

Источники

1. *Cartier J. Voyages en Nouvelle-France. Texte remis en français moderne par R. Lahaise et M. Couturier avec introduction et notes / J. Cartier. – Montréal: Éditions Hurtibise NMH Ltée, 1977. – 158 p.*

Литература

2. *Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 8–31.*

3. *Серебренникова Е.Ф. Семиотрия как способ аксиологического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 49–62.*

4. *Daniel N.* The Cultural Barrier. Problems in the Exchange of Ideas / N. Daniel. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1975. – 227 p.
5. *Garneau F.-X.* Histoire du Canada. Huitième édition entièrement revue et augmentée par son petit-fils Hector Garneau. T.1. Les grandes découvertes. La Nouvelle-France. Les nations indigènes. – Paris: Éditions de l'Arbre, 1944. – 284 p.
6. *Le Goff J.* La civilisation de l'Occident médiéval / J. Le Goff. – Paris: Arthaud; Flammarion, 1982. – 367 p.

Справочные и информационные издания

7. *Dauzat A.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique / A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. – Paris: Librairie Larousse, 1987. – 805 p.
8. Dictionnaire de l'Académie française. Première édition [Version informatisée]. – Paris: Veuve de Jean-Baptiste Coignard, Imprimeur ordinaire du Roy & de l'Académie Française, 1694. – URL: <http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/index.htm>.
9. Dictionnaire de l'Académie française. Cinquième édition [Version informatisée]. – Paris: J.J. Smits et Ce, 1798. – URL: <http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/CINQUIEME/cinquieme.fr.html>.
10. *Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle / A.J. Greimas. – Paris: Librairie Larousse, 1987. – 678 p.
11. *Greimas A.J.* Dictionnaire du moyen français. La Renaissance / A.J. Greimas, T.M. Keane. – Paris: Librairie Larousse, 1992. – 668 p.
12. Le Nouveau Petit Robert [Version électronique]: Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française / sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris, 1997.
13. Le Trésor de la Langue Française informatisé / sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.

References

Istochniki

1. *Cartier J.* Voyages en Nouvelle-France. Texte remis en français moderne par R. Lahaise et M. Couturier avec introduction et notes / J. Cartier. – Montréal: Éditions Hurtibise HMH Ltée, 1977. – 158 p.

Literatura

2. *Serebrennikova E.F.* Aspekty' aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza / E.F. Serebrennikova // E'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya. – Irkutsk: IGLU, 2008. – S. 8–31.
3. *Serebrennikova E.F.* Semiometriya kak sposob aksiologicheskogo analiza / E.F. Serebrennikova // E'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya. – Irkutsk: IGLU, 2008. – S. 49–62.
4. *Daniel N.* The Cultural Barrier. Problems in the Exchange of Ideas / N. Daniel. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1975. – 227 p.
5. *Garneau F.-X.* Histoire du Canada. Huitième édition entièrement revue et augmentée par son petit-fils Hector Garneau. T.1. Les grandes découvertes. La Nouvelle-France. Les nations indigènes. – Paris: Éditions de l'Arbre, 1944. – 284 p.

6. *Le Goff J.* La civilisation de l'Occident médiéval / J. Le Goff. – Paris: Arthaud; Flammarion, 1982. – 367 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. *Dauzat A.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique / A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. – Paris : Librairie Larousse, 1987. – 805 p.

8. Dictionnaire de l'Académie française. Première édition [Version informatisée]. – Paris: Veuve de Jean-Baptiste Coignard, Imprimeur ordinaire du Roy & de l'Académie Française, 1694. – URL: <http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/index.htm>.

9. Dictionnaire de l'Académie française. Cinquième édition [Version informatisée]. – Paris: J.J. Smits et Ce, 1798. – URL: <http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/CINQUIEME/cinquieme.fr.html>.

10. *Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle / A.J. Greimas. – Paris: Librairie Larousse, 1987. – 678 p.

11. *Greimas A.J.* Dictionnaire du moyen français. La Renaissance / A.J. Greimas, T.M. Keane. – Paris: Librairie Larousse, 1992. – 668 p.

12. Le Nouveau Petit Robert [Version électronique]: Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française / sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris, 1997.

13. Le Trésor de la Langue Française informatisé / sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.

С.В. Михайлова

Литературный салон XVII века как фактор паратопии

Автор статьи рассматривает литературный салон XVII века как один из основополагающих факторов организации художественного дискурса. Салон стал творческой лабораторией для создания и развития нового литературного жанра — волшебной сказки.

The author of the article believes that the 17th century literature salons provided a fundamental base for forming the artistic discourse of the period. These salons functioned as a creative laboratory in the development of a new literary genre — the fairy tale.

Ключевые слова: дискурс; литературный салон; волшебная сказка; паратопия.

Key words: discourse; literature salons; fairy tale; paratopie.

Духовными, культурными и интеллектуальными центрами общества во Франции XVII века, определяющими литературную жизнь страны, являлись парижские салоны, основанные дамами аристократического происхождения, например, салоны Мадам де Рамбуйе (*Madame de Rambouillet*) или Мадемуазель де Скюдери (*Mademoiselle de Scudéry*). Исследователи отмечают, что в XVII веке салон стал необходимой частью аристократического быта, где этикет имел огромное значение [5, 11]. В салонах собирались лучшие умы эпохи — литераторы, политики, юристы, учёные, финансисты, чтобы приятно провести время в изящной беседе, которая почиталась великим искусством того времени, принять участие в литературной игре (буриме, мадригалы, ассоциации, поэтические портреты и экспромты), насладиться театрализованными представлениями или музыкальными выступлениями.

Но наряду с утончёнными развлечениями салоны давали возможность ознакомиться с новыми литературными произведениями ещё до их публикации, обсудить достоинства и недостатки этих произведений, а также более широкие вопросы языка и литературы. Таким образом, салоны знатных дам стали «полифункциональным коммуникативным пространством» для литературного дискурса в XVII веке [7: с. 28].

Говоря о воспитательной функции салонов, К. Дюлон подчёркивает заслуги литераторов, которые «служат добровольными наставниками для дам, устраивают для них чтение своих новых произведений и предлагают темы для бесед» [3: с. 415].

В салонах культивировался образ просвещённой женщины, интеллектуально равной мужчине. Ещё в 30-е годы XX века В.В. Виноградов отмечал, что

именно женщина является защитницей и хранительницей родного языка, так как ребёнок обучается языку, в первую очередь, у женщины — матери, кормилицы, воспитательницы [2]. А вкус светской женщины того времени считался безукоризненным, о чём свидетельствует совет авторитетного лингвиста того времени Клода Фавра де Вожла (*Claude Favre de Vaugelas*) обращаться к знатым дамам во всех сомнениях по поводу языка [12]. Именно поэтому «апробация» литературных сочинений проходила в дамских салонах, определяемых как «лаборатории ума» [3: с. 417].

Предложенное И.Т. Касавиным понятие «индивидуальной культурной лаборатории (ИКЛ)» предполагает, что субъект сам выбирает себе авторитеты и не подвержен сиюминутным групповым интересам [4: с. 214–228]. Основой ИКЛ, как считает учёный, является баланс между методологическим солипсизмом и онтологическим космополитизмом, т.е. между признанием собственного индивидуального сознания как единственно ответственного за создание возможного творческого продукта и осознанием самоценности мировой культуры, каждый факт которой может выступать как абсолютный образец.

Вслед за И.Т. Касавиным и К. Дюлоном, мы принимаем термин «лаборатория» в отношении салонов предпросветительской эпохи. Деятельность дамских салонов в совокупности, как и деятельность наиболее образованных их посетителей в частности, позволила обобщить и переосмыслить культурные и литературные традиции Франции. Светские салоны XVII века объединили теоретиков и практиков языка для исследований и экспериментирования в области французской филологии и литературы.

Именно в салонах в 90-е годы XVII века появился новый модный жанр — литературная сказка. Как указывает авторитетный специалист в этом вопросе М.Е. Сторер, придворные дамы «забавлялись» сочинительством сказок (*s'amuser à parler le conte*) уже с 1677 года. Но в период начального своего становления сказка, перейдя из детской в салон, оставалась лишь забавой, литературной игрой: задача автора состояла в том, чтобы максимально затейливо пересказать известный всем сказочный сюжет. Литературная сказка быстро завоевала популярность читающей публики, и исследователи отмечают настоящую «моду на сказки» (*la mode des contes de fées*) в конце XVII века [11]. За последние тридцать лет XVII века (1670–1700 гг.) было опубликовано свыше семидесяти сказок, при этом пик публикаций пришёлся на 1697–1698 годы, когда появилось 85% всех сказок [9: с. 235].

Если фольклорная сказка, существующая в каждой культуре, передаётся, в основном, изустно и относится к маргинальным литературным жанрам, то *conte savant* (учёная, или искусная, сказка), или *conte de fées* (волшебная сказка) XVII века [6], представляла собой опубликованное авторское произведение малой формы, адресованное читателю высокого социального статуса и имевшее дидактический характер, т.е. описывавшее модель поведения в определённых коммуникативных ситуациях как с языковой, так и с социокультурной точек зрения.

Традиционно считается, что жанр волшебной сказки появился во французской литературе благодаря творчеству Шарля Перро (*Charles Perrault*). Действитель-

но, перу этого знаменитого писателя, члена Французской Академии, принадлежат сказки, известные всему миру. Многократно переиздаваемые, переведенные на различные языки, сказки Шарля Перро составляют культурное и литературное достояние Франции. Однако в конце XVII века большей популярностью пользовались сочинения авторов-женщин, написавших три четверти сказок французского барокко [9]: Мари-Катрин д'Онуа (*Marie-Catherine d'Aulnoy*), Луизы д'Онёй (*Louise d'Aulneuil*), Катрин Бернар (*Catherine Bernard*), Катрин Бедасье-Дюран (*Catherine Bédacier-Durand*), Шарлот-Роз де ла Форс (*Charlotte-Rose de La Force*), Мари-Жан Леритье де Виландон (*Marie-Jeanne Lhéritier de Villandon*), Анриет-Жюли де Мюра (*Henriette-Julie de Murat*).

На наш взгляд, подобная литературная активность может свидетельствовать о проявлении коллективного сознания. Написание такого количества сказок небольшой группой великосветских дам, чей социальный статус и авторитет в обществе являлся гарантом ценности их текстов, не только говорило о моде на сочинительство, но и подтверждало сознательную попытку обновления литературного творчества, которую можно рассматривать как «языковой и литературный эксперимент, показывающий возможности родного языка в новых условиях» [1: с. 47]. Согласно терминологическому определению, *эксперимент* [лат. *experimentum* проба, опыт] помимо вообще попытки осуществить что-либо предполагает научно поставленное наблюдение исследуемого явления в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и неоднократно воспроизводить его при повторении этих условий [13: с. 575]. С нашей точки зрения, писательницы — авторы сказок во Франции конца XVII – начала XVIII веков задались целью показать креативные возможности французского языка на жанре краткой формы.

В дискурсивной стратегии авторов литературных сказок главенствующим становится фактор паратопии (*paratopie*), которую французский лингвист Доминик Менгено определяет как прагматически и социокультурно значимое коммуникативное пространство [7: с. 28]. По мнению учёного, паратопия, инвариантная по своей сути, может принимать различные облики в зависимости от эпохи, общества и типа дискурса. Ни один вид дискурса (религиозный, эстетический, философский, литературный) не фиксируется в строго определённом, замкнутом, коммуникативном пространстве. Этимологически термин «паратопия» (греч. *para* возле, при + греч. *topos* место, местность) [13: с. 360, 499] объясняет открытость коммуникативного пространства дискурса, невозможность его стабилизации, отсутствие чётких географических и социальных границ.

Паратопия характеризует как состояние самого дискурса, так и состояние его создателя, который самоидентифицируется через дискурс. Д. Менгено считает, что творческая личность — это тот креатор, который, в буквальном смысле, не имеет собственного пространства («*qui n'a pas lieu d'être*») и который должен создать «территорию» для своего произведения. Лингвист обращает внимание на двухвекторную направленность паратопии: выстраивая

произведение, автор пытается не только определить своё место в обществе, но и найти собственное дискурсивное поле одновременно («*La paratopie joue en effet sur deux termes — le champ discursif et la société*»). Таким образом, паратопия существует только в интеграции с творческим процессом: в литературной коммуникации творить — значит одновременно выстраивать текст и создавать условия, позволяющие его выстраивать [8].

Сочинительство выходит за рамки творчества и становится интеллектуальной игрой, полагает автор монографии, посвящённой французской волшебной сказке, Раймонда Робер [10: с. 311]. Когда сказка читалась вслух в ходе литературного вечера, и читца, и присутствующие отождествляли себя с героями и героинями произведения. Затем в дискуссиях, следовавших за чтением, дамы обсуждали мысли, чувства и поступки персонажей, выступали интеллектуальными и моральными арбитрами в этой игре разума и, тем самым, способствовали созданию новых форм фемининного поведения.

Применительно к литературной и социокультурной коммуникации XVII века великосветские салоны сыграли роль фактора паратопии. В салонах можно было обсудить вопросы языка и литературы, стили сочинений литераторов, ознакомиться с новыми жанрами ещё до их публикации. Писатели находили читателей и покровителей, которые были способны оценить новые произведения, их филологическую и эстетическую значимость. Салон предпросветительской эпохи предоставлял литератору связь со светским обществом и властью и одновременно определённую литературную нишу, где произведение подвергалось допечатной читке и обработке в зависимости от оценки слушателей. Реакция завсегдаев салонов во многом определяла дальнейшую судьбу произведения, поэтому автор сказок обязан был предложить читателям текст, написанный на доступном им языке и соответствующий их литературным вкусам. Таким образом, именно салоны стали тем открытым коммуникативным пространством, где в XVII веке разрабатывались и обсуждались новые литературные жанры, в том числе и жанр женской волшебной сказки.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Л.Г. Викулова. — Иркутск, 2001. — 362 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учеб. для филол. фак-тов. ун-тов / В.В. Виноградов. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 1982. — 529 с.
3. Дюлон К. От беседы к творчеству / К. Дюлон // История женщин на Западе: в 5-ти тт. / Под общ.ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж. — Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. — СПб.: Алетейя, 2008. — С. 407–434.

4. *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И.Т. Касавин. – СПб.: РХГУ, 1998. – 408 с.
5. *Палий Е.Н.* Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность: монография / Е.Н. Палий. – М.: НЕФТЬ и ГАЗ, 2008. – 320 с.
6. *Barchilon J.* Introduction // Aulnoy M.-C. Comtesse d'. Les Contes des Fées (édition du tricentenaire) / J. Barchilon. – Paris: Société des Textes Français Modernes, 1997. – P. V–LVI.
7. *Maingueneau D.* Le contexte de l'oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société / D. Maingueneau. – Paris: Dunod, 1993. – 196 p.
8. *Maingueneau D.* Glossaire: paratopie. – URL: <http://pagesperso-orange.fr/dominique.maingueneau/index.html>, свободный.
9. *Patard G.* De la quenouille au fil de la plume: histoire d'un féminisme à travers les contes du XVII^e siècle en France / G. Patard // Tricentenaire Charles Perrault. Les Grands contes du XVII^e siècle et leur fortune littéraire / Sous la direction de J. Perrot. – Paris: In Press Editions, 1998. – P. 235–245.
10. *Robert R.* Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVII^e à la fin du XVIII^e siècle: Thèse de Doctorat d'Etat / R. Robert. – Nancy, 1981. – 794 p.
11. *Storer M.E.* La mode des contes de fées (1685–1700). Un épisode littéraire de la fin du XVII^e siècle / M.E. Storer. – Paris: Champion, 1928. – Slatkine Reprints: Genève, 1972. – 290 p.
12. *Vaugelas C.F.* de Remarques sur la langue françoise utiles à ceux qui veulent bien parler et bien escrire. – URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k84316s.image.r=Vaugelas.fl.langEN>, свободный.

Справочные и информационные издания

13. Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф.Н. Петрова. – 15-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.

References

Literatura

1. *Vikulova L.G.* Paratekst francuzskoj literaturnoj skazki: pragmalingvističeskij aspekt: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.05 / L.G. Vikulova. – Irkutsk, 2001. – 362 s.
2. *Vinogradov V.V.* Očerki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.: ucheb. dlya filol. fak-tov un-tov / V.V. Vinogradov. – 3-e izd. – M. Vysshaya shkola, 1982. – 529 s.
3. *Dyulon K.* Ot besedy k tvorčestvu / K. D'ulon // Istoria zhenshhin na Zapade: v 5-ti tt. / Pod obshh. red. Zh. D'ubi i M. Perro; por red. N. Zemon Devis i A. Farzh. – T. III: Paradoksy e'poxi Vozrozhdeniya i Prosveshheniya. – SPb.: Aletejya, 2008. – S. 407–434.
4. *Kasavin I.T.* Migracia. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassičeskoj teorii poznanija / I.T. Kasavin. – SPb.: RXGU, 1998. – 408 s.
5. *Palij E.N.* Salon kak fenomen kul'tury XIX veka. Tradicii i sovremennost': monografija / E.N. Palij. – M.: NEFT' i GAZ, 2008. – 320 s.
6. *Barchilon J.* Introduction // Aulnoy M.-C. Comtesse d'. Les Contes des Fées (édition du tricentenaire) / J. Barchilon. – Paris: Société des Textes Français Modernes, 1997. – P. V–LVI.
7. *Maingueneau D.* Le contexte de l'oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société / D. Maingueneau. – Paris: Dunod, 1993. – 196 p.

8. *Maingueneau D.* Glossaire: paratopie. – URL: <http://pagesperso-orange.fr/dominique.maingueneau/index.html>, svobodny'j.

9. *Patard G.* De la quenouille au fil de la plume: histoire d'un féminisme à travers les contes du XVII^e siècle en France / G. Patard // Tricentenaire Charles Perrault. Les Grands contes du XVII^e siècle et leur fortune littéraire / Sous la direction de J. Perrot. – Paris: In Press Editions, 1998. – P. 235–245.

10. *Robert R.* Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVII-ème à la fin du XVIII-ème siècle: Thèse de Doctorat d'Etat / R. Robert. – Nancy, 1981. – 794 p.

11. *Storer M.E.* La mode des contes de fées (1685–1700). Un épisode littéraire de la fin du XVII^e siècle / M.E. Storer. – Paris: Champion, 1928. – Slatkine Reprints: Genève, 1972. – 290 p.

12. *Vaugelas C.F.* de Remarques sur la langue françoise utiles à ceux qui veulent bien parler et bien escrire. — URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k84316s.image.r=Vaugelas.fl.langEN>, svobodny'j.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. Slovar' inostranny'x slov / Gl. red. F.N. Petrova. – 15-e izd., ispr. – M.: Russkij yazy'k, 1988. – 608 s.

М.А. Сеницына

Комплексная экспертиза текста как междисциплинарное контекстуальное исследование: постановка вопроса

В статье раскрывается понятие лингвистической экспертизы и освещается современный уровень развития юрислингвистики в России. Подчёркивается возрастающая потребность в проведении лингвистической экспертизы и, как следствие, важность изучения, разработки и унификации её методов. Обозначенные методологические проблемы проиллюстрированы актуальными примерами.

The article covers the conception of linguistic expertise focusing on the forensic linguistics' state-of-the-art in Russia. It mentions the growing demand for carrying out the linguistic expertise and therefore the importance of studying, developing and unifying its methods. The pointed methodological problems are illustrated with topical examples.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; анализ текста; юрислингвистика; методология; контекст.

Key words: linguistic expertise; text analysis; forensic linguistics; methodology; context.

Лингвистическая экспертиза (далее — ЛЭ) проводится по спорным юридическим вопросам, где важным доказательным аргументом является заключение лингвиста-эксперта. В современном правоведении под ЛЭ понимается исследование языковых выражений, свидетельствующих о нарушении государственного законодательства. На практике¹ экспертом может выступать любое лицо, действующее либо самостоятельно, либо от какого-либо учреждения и обладающее специальными познаниями, необходимыми для предоставления заключения. Перед ним могут ставиться самые разнообразные задачи, например, установить авторство текста, проанализировать языковые приёмы воздействия рекламных текстов, растолковать нормативно-правовые акты или выявить в тексте признаки оскорбления или разжигания вражды.

К настоящему времени в России сформировался ряд центров, осуществляющих ЛЭ текста. В Москве наиболее активно в этой сфере работает Общественное объединение «ГЛЭДИС» под руководством доктора филологических наук, профессора М.В. Горбаневского. Этой организации принадлежит наибольшая заслу-

¹ ФЗ № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г.

га в выпуске печатных изданий по вопросам исследования спорных текстов [2]. В публикациях объединения приводятся и анализируются спорные тексты, исковые заявления, заключения лингвистов-экспертов, рассматриваются основные проблемы, с которыми они сталкиваются, и составляются общие рекомендации для проведения ЛЭ. Помимо этого, в 2007 году доктор филологических наук, профессор А.Н. Баранов, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, выпустил объёмный труд под названием «Лингвистическая экспертиза текста» [1]. В нём автор, резюмируя свой 15-летний опыт проведения ЛЭ, попытался создать основы её методологии и описать её базовые принципы, опираясь прежде всего на семантический анализ плана содержания и использование соответствующих метаязыков. Для обоснования проводимых им ЛЭ лингвист прибегает к правовым документам, словарям, справочникам, теоретическим работам по лингвистике и репрезентативным корпусам текста, на основе которых анализирует многозначность фраз и выявляет возможности их смысловой интерпретации.

В регионах работа в этой области сосредоточена по большей части в Сибирском федеральном округе, в частности в Кемеровском госуниверситете (КемГУ), на базе которого сформированы «Кемеровский координационный портал лингвистической экспертизы» и АНО ЛЮЭиК «Юрислингвистика», а также были проведены две международные научно-практические конференции (2006 г. — «Русский язык и современное российское право»; 2009 г. — «Юрислингвистика и лингвоконфликтология: теоретические и прикладные аспекты»). На кафедре современного русского языка КемГУ создана Лаборатория юрислингвистики и документоведения, где осуществляется подготовка студентов по этому направлению. Помимо этого работа также ведётся в Алтайском госуниверситете (АлтГУ), где была образована Региональная общественная организация — Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис», и в Барнаульском государственном педагогическом университете (БГПУ), силами которого в 2007 г. был проведён круглый стол на тему «Методы судебной лингвистической экспертизы».

Появление всё большего количества экспертных центров свидетельствует о возрастании потребности в проведении экспертизы текста для урегулирования правовых споров. К сожалению, мы не можем предоставить точные статистические данные, подтверждающие эту тенденцию, так как судебные слушания часто проходят в закрытом режиме. Однако, если в 1990-е годы такие случаи практически не получали огласки, то в последнее десятилетие в прессе освещается всё большее число громких дел, связанных с производством ЛЭ текста. Сегодня возможности ЛЭ широко используются в бизнесе: для защиты объектов интеллектуальной собственности, толкования товарных знаков, договоров, рекламных слоганов. Так, в 2006 г. была отменена регистрация товарного знака «INTELPART» в связи с его сходством с известным брендом «INTEL», а в 2009 г. холдинг X5 Retail Group (торговые сети «Пятёрочка», «Перекрёсток») обвинила компанию «Эльдорадо» в незаконном использовании её товарного знака «Красная цена» в рекламном ролике, транслируемом по центральным телеканалам.

С целью защиты своей чести, достоинства и деловой репутации к помощи лингвистов-экспертов часто прибегают также политики и представители шоу-бизнеса. Среди наиболее известных судебных разбирательств за последние 5 лет можно отметить иски журналистки И. Ароян против певца Ф. Киркорова, мэра Самары В. Тархова против телеведущего В. Соловьева. Кроме того, в последнее время возрастает актуальность проведения экспертизы текста в сферах религиозного и националистического дискурса, в результате чего в 2007 г. был сформирован «Федеральный список экстремистских материалов», куда по заключению судов разного уровня попадают текстовые источники различного характера и содержания.

Юрислингвистика¹ в нашей стране является относительно молодой дисциплиной, и как любое начинающее направление она сталкивается с определёнными сложностями, к числу которых относятся методология проведения экспертизы и компетентность её исполнителя.

Касательно методологии можно обозначить две основные проблемы. Во-первых, это неразработанность и противоречивость метаязыка законодательных актов: в нормативных документах прописаны лишь немногочисленные определения терминов, на которые необходимо ссылаться в ходе ЛЭ. В случае отсутствия юридически определяемого термина используется его лингвистическое определение, однако оно неравноценно юридическому и необязательно для учёта в суде. Так, например, точное легитимное определение не закреплено за следующими терминами: *оригинальное произведение, самостоятельное произведение, переработка произведения; религия, вероисповедание, секта; нация, национальность, народ, этнос; порнография; пропаганда; оскорбление.*

Вторая методологическая проблема — это разнородность подходов, неунифицированность средств и методов проведения ЛЭ, которые позволяют двояко толковать подвергаемые экспертизе речевые произведения. Наглядным примером может служить дело пермского блоггера Дмитрия Ширинкина, который обвинялся по статье 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» за запись в своём интернет-дневнике: *«Я вчера... купил пистолет. Старый ТТ с затертыми номерами. Коробку на 150 патронов. <...> Я вас всех ненавижу, я <...> ненавижу Каспарова, ненавижу Макдональдс, ненавижу Дом-2, ненавижу метро, ненавижу российскую провинцию. Я заберу с собой два-три десятка душ. Я пока не решил, в какой ВУЗ города я пойду. Наверное, всё-таки в политех. Я его ненавижу. Хотя одинаково ненавижу и остальные «типа университеты». Я ненавижу людей. Вы у меня попляшете. На раскаленной сковородке».* По данному казусу было проведено три ЛЭ, две из которых не установили наличия правонарушения. Основным аргументом в пользу отсутствия состава преступления было обоснование того, что данные высказывания не могут составлять ложное сообщение, поскольку они относятся к классу перформативов, не подлежащих истинностной оценке.

¹ Термин предложен научным коллективом под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка КемГУ Н.Д. Голевым в 1999 г.

Однако экспертиза, подтверждающая это, была проведена по инициативе обвиняемого независимо от следствия, и прокурор отказался приобщать её к делу. Суд вынес Д. Ширинкину обвинительный приговор, руководствуясь экспертизой, проведённой по его заказу. В ней эксперт исследовал семантику каждого слова, составляющего поставленный перед ним вопрос: «Является ли текст в целом или какие-либо его фрагменты сообщением о готовящихся действиях, создающих опасность гибели людей?», и положительно ответил на данный вопрос, аргументируя тем, что каждое высказывание, несущее информацию, является сообщением. Похожее судебное разбирательство, связанное с другим блоггером — Саввой Терентьевым, признанным виновным в разжигании ненависти и вражды, в унижении человеческого достоинства в своём интернет-дневнике, — также затрагивало две экспертизы с противоположными выводами. Причём суд отклонил требование защиты подтвердить квалификацию экспертов, нанятых стороной обвинения, заявив, что экспертизу может проводить любой специалист [5].

Таким образом, высвечиваются ещё две проблемы: некорректность поставленных на разрешение экспертам вопросов и отсутствие определённых требований к квалификации и профессиональным качествам исполнителя экспертизы. Стоит отметить, что в литературе методология проведения экспертизы текста описана довольно скудно и сумбурно, поэтому каждый лингвист-эксперт субъективно подходит к решению поставленной задачи. Можно сказать, что сложилась ситуация «методологического произвола», когда два вполне компетентных специалиста могут сделать противоположные заключения по одному и тому же тексту.

Основная проблема, связанная с экспертом-исполнителем, — это узкоспециализированный характер экспертизы текста. Как правило, её поручают одному лингвисту, который ограничивает свой анализ рамками лингвистики и зачастую сводит исследование к сухому семантическому анализу ключевых слов и выражений, выхватывая лексические единицы из контекста и интерпретируя их исключительно по словарям. Как следствие, результаты экспертизы часто противоречат здравому смыслу. Так, в ходе экспертизы по делу Киркорова — Ароян был проведён семантический анализ просторечной и нецензурной лексики, но не был учтён социально-этический контекст: *«Я не хочу, чтобы Вы меня фотографировали. Вы мне надоели. Меня раздражает Ваша розовая кофточка, Ваши сиськи и Ваш микрофон», «Встала и ушла отсюда!», «Да мне по-х**, как Вы напишете... Так же, как и Вы... Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!», «На пресс-конференции к звёздам нужно приходиться подготовленными, а не так, как Вы — вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду».*

В результате лингвист-эксперт не усмотрел в репликах певца оскорбительного содержания. Этот пример наглядно иллюстрирует абсурдность чисто лингвистического анализа. С нашей точки зрения, во избежание подобной ситуации следует проводить не только семантический, но и контекстуальный анализ лексических единиц. Один из способов исследовать контекст — по ключевым словам. Это понятие широко применяется в компьютерном анализе текста и поисковых системах. По утверждению психолингвиста, доктора филологических наук, про-

фессора Л.В. Сахарного, не существует внеконтекстного значения слова [3], просто, рассматривая изолированное слово, мы избираем наиболее поверхностный и очевидный контекст. Необходимо заметить, что, для того чтобы вскрыть истинное содержание высказывания, нужно учитывать как лингвистический, так и экстралингвистический контекст. Поэтому нам представляется необходимым в рамках ЛЭ текста привлекать к участию специалистов из других областей знания, выходя, таким образом, на междисциплинарный уровень исследования. Коллективность экспертизы позволит также избежать субъективных единоличных заключений.

В качестве доказательного примера необходимости проведения экспертизы специалистами из разных социогуманитарных областей можно упомянуть дело о запрете московского отделения секты «Свидетели Иеговы», которое длилось 8 лет. Для его успешного завершения потребовалось проведение нескольких экспертиз с участием коллектива филологов, социологов, лингвистов, религиоведов и психологов. Другим свидетельством несовершенства методов ЛЭ является дело марийского проповедника «древней веры предков» В. Танакова. Его брошюра под названием «Жрец говорит» [4] с 2006 г. подвергалась ЛЭ шесть раз, при этом суды местного уровня выносили противоречивые заключения. В конце концов весной 2009 г. она всё-таки была признана экстремистской и внесена в перечень запрещённой литературы.

Таким образом, в обществе возникла потребность выработать унифицированную методологию проведения комплексной междисциплинарной контекстуальной экспертизы текста. Ввиду того, что для адекватного анализа текста необходимо привлечение специалистов из различных областей знания, наиболее целесообразным представляется проведение экспертиз силами учреждения, которое располагает штатом таких специалистов. Этим требованиям, несомненно, отвечают университеты, в которых сконцентрированы высококвалифицированные разнопрофильные кадры.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
2. ГЛЭДИС: Лингвистические экспертизы. – URL: www.rusexpert.ru, свободный.
3. Сахарный Л.В. Структура значения слова и ситуация (к экспериментальному обоснованию психолингвистической теории значения слова) // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1972. – С. 141–153. – URL: <http://lozovska.narod.ru/businessakarnypubl.html>, свободный.
4. Танаков В. Жрец говорит. – URL: www.mari.ee/files/Tanakov_Onajeng_ojla.doc, свободный.
5. Цензура и конфликты в Рунете. – URL: www.censorship.ru, свободный.

References

Literatura

1. *Baranov A.N.* Lingvisticheskaya e'kspertiza teksta: teoriya i praktika: ucheb. posobie / A.N. Baranov. – M.: Flinta: Nauka, 2007. – 592 s.
2. GLE'DIS: Lingvisticheskie e'kspertizy'. – URL: <http://www.rusexpert.ru>, svobodny'j.
3. *Saxarny'j L.V.* Struktura znacheniya slova i situaciya (k e'ksperimental'nomu obosnovaniyu psixolingvisticheskoy teorii znacheniya slova) // Materialy' IV Vsesoyuznogo simpoziuma po psixolingvistike i teorii kommunikacii. – M.: In-t yazy'koznaniya AN SSSR, 1972. – S. 141–153. – URL: lozovska.narod.ru/businessakarnypubl.html, svobodny'j.
4. *Tanakov V.* Zhrecz govorit. – URL: http://www.mari.ee/files/Tanakov_Onajeng_ojla.doc., svobodny'j.
5. Cenzura i konflikty' v Runete. – URL: www.censorship.ru, svobodny'j.

Н.А. Чикало

«Синтаксическая лаборатория», или Роль аналогии в объяснении фактов диахронического синтаксиса: результативная конструкция английского языка

В статье описывается действие механизма аналогии в диахроническом синтаксисе. В качестве иллюстрации данного явления проводится краткий анализ исторического развития результативной конструкции английского языка. Этапы развития результативной конструкции представлены в виде определённого набора типовых сценариев, обслуживаемых данной синтаксической моделью, где продуктивность модели возрастает по мере ее аналогического распространения на новые типовые сценарии.

The article describes the mechanism of analogy in diachronic syntax. As an illustration the article gives a brief analysis of the historical development of the English resultative construction. The stages of its evolution are presented as a range of type scenarios covered by the construction, where the productivity of the construction rises as the latter undergoes a series of analogical extensions to new type scenarios.

Ключевые слова: диахронический синтаксис; результативная конструкция; типовые сценарии; аналогическое распространение.

Key words: diachronic syntax; the resultative construction; type scenarios; analogical extensions.

Подобно природе, язык умеет обойтись незначительными средствами и поразить своим богатством, так как он бережлив без скупости и исключительно щедр без расточительства.

Яков Гримм

Классическое логико-философское понятие аналогии зародилось, как известно, в античности, в трудах Пифагора и Аристотеля. Аналогия (*с греч.* «соответствие, сходство, соразмерность») рассматривается в трудах великих мыслителей как форма получения выводного знания, как умозаключение, в котором на основании сходства предметов в одних признаках делается вывод о сходстве этих предметов в других признаках. «Сократ — человек, а все люди смертны». Силлогизм из этого знаменитого аристотелевского рассуждения можно просто знать, но также можно получить

методом умозаключения по аналогии. Аналогия является важнейшей формой человеческого мышления и методом познания, действием аналогии пронизаны все виды человеческой деятельности, включая, несомненно, и языковую деятельность. Аналогия в языке означает «использование в речевой деятельности структурного образца и создание на его основе новых единиц... Действие аналогии проявляется при обобщении любой модели, правила и её (его) распространении на новые единицы» [6: с. 31].

Языковая аналогия двойственна по своей природе и последствиям. С одной стороны, она может выступать как организующее, унифицирующее начало и приобретать статус внутреннего закона развития языка [2: с. 44]. В этом качестве она увеличивает ряды регулярных грамматических форм, что можно наблюдать, в частности, в историческом развитии английского языка, где так называемые силы выравнивания форм по аналогии кардинально изменили всю парадигматику языка. Стабилизирующая роль аналогии в становлении грамматической системы германских языков отмечалась в работах М.М. Жирмунского, Э.А. Макаева, В.Н. Ярцевой, Е.С. Кубряковой и др.

С другой стороны, что особенно важно, аналогия может выступать как лингвокреативное начало, позволяя распространять уже имеющиеся в языке модели на новые единицы, ранее не использовавшиеся в их структуре. Особенно ярко представлена творческая сущность аналогии в детской речи, где она является основным инструментом освоения языка. Например, в таком синтаксическом окказионализме, как «мне кисло», сообщение о вкусовых ощущениях кодируется по аналогии с сообщением о температурных ощущениях, за счёт чего расширяется сфера функционирования усвоенной ребёнком синтаксической конструкции «субъект (дат. пад.) + именная часть», происходит, по словам С.Н. Цейтлин, «синтаксическая сверхгенерализация» [3: с. 124].

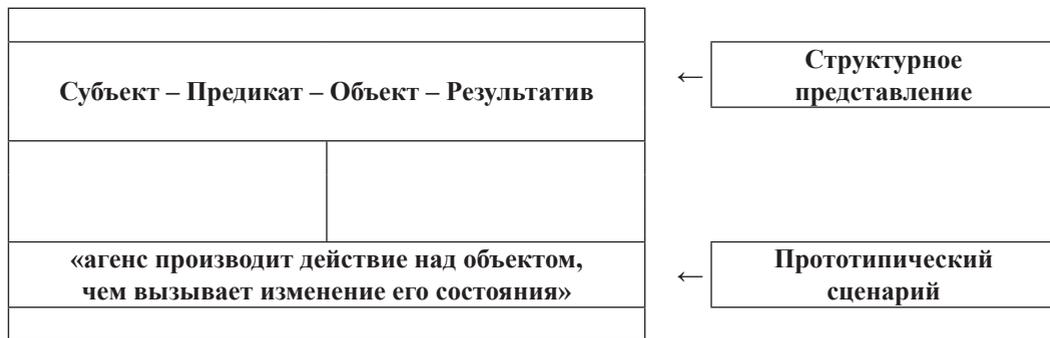
Речь взрослого человека шаблонна. Мы говорим о привычных вещах, используя устоявшиеся языковые структуры. Когда же возникает потребность в языковой категоризации новой рубрики опыта, мы вновь обращаемся к уже имеющимся в нашей языковой компетенции типовым синтаксическим моделям и облакаем новый онтологический сценарий — ситуацию действительности, подлежащую языковой репрезентации, — в привычную языковую форму. В таком случае снова проявляется лингвокреативный потенциал аналогии в синтаксисе речи и та «щедрая языковая экономия», о которой писал Я. Гримм.

Процесс распространения по аналогии в синтаксисе можно наглядно представить, проанализировав функционирование синтаксической модели в диахронии. При этом выбранная модель (конструкция) будет выступать в качестве некоей «синтаксической лаборатории», в которой языковым сообществом каждой последующей эпохи буквально испытываются новые онтологические сценарии, ассоциативно сходные между собой. Проиллюстрируем сказанное на примере краткого анализа исторического развития *результативной конструкции* английского языка.

Письменная фиксация результативной синтаксической конструкции (далее — РК) происходит уже в древнеанглийский период (VII–X вв.), где средствами её четырехкомпонентной структуры реализуется сценарий «агенса производит действие над объектом, чем вызывает изменение его состояния» (схема 1).

Схема 1

Результативная конструкция (РК) в английском языке



Этому исторически первому значению результативной конструкции можно присвоить статус *прототипического сценария*, самого обобщённого, абстрактного, образующего семантическое ядро для всех других сценариев — «типовых» в нашей терминологии.

В качестве вершинных предикатов РК в её прототипическом значении выступают глаголы *dōn*, *macian*, *fremman*, *wyrcean*, представляющие собой древнеанглийский кластер лексических каузативов-синонимов, из которых только глагол *macian* (make) сохранил прежнее значение каузативности и в современном английском языке является прототипическим предикатом РК. Названные каузативы древнеанглийского периода уточняются разнообразными результатами абстрактной семантики, из которых можно назвать следующие: *one-eyed*, *agitated*, *childless*, *better*, *dead*, *good*, *famous*, *sinful*, *wise*, *obedient*, *ready*, *might*, *strong*, *immortal*, *weakly*, *dead*, *glad*, *good*, *glorious*, *unfruitful* и многие другие (порядка 200, по данным обработки *Bosworth and Toller's Anglo-Saxon Dictionary* [7] и *York – Toronto – Helsinki parsed corpus of Old English prose* [10]).

Также РК древнеанглийского периода обслуживает два основных типовых сценария, которые можно условно определить как:

1) «очищение» (физическое): *āwascan* (wash) + *clāne* (clean), *feormian* (cleanse) + *clāne*;

2) «разрушение целостности, изменение формы»: *gnīdan* (crumble) + *smale* (small), *gesceorfan* (shred) + *smale*, *tōdāelan* (divide) + *smale*.

Как видно, функции РК в древнеанглийском языке носят довольно ограниченный характер, чем, в частности, объясняется то небольшое семантическое разнообразие предикатов, допустимых в структуре конструкции. Дальнейшее историческое развитие РК представляет собой её *аналогическое распространение* на новые типовые сценарии, ранее не обслуживаемые данной

синтаксической моделью, и, как следствие, пополнение кластера глагольных предикатов древнеанглийских сценариев.

Так, уже в течение среднеанглийского периода (XI–XV вв.) сфера обслуживания РК включает, по крайней мере, следующие типовые сценарии (по данным обработки *Corpus of Middle English Prose and Verse* [8] и *Middle English Dictionary* [9]):

- 1) «очищение» (физическое + духовное): *wash / wipe / sweep + clean, strip + naked; purge / purify / shrive + clean (of your sins)*;
- 2) «наполнение контейнера (конкретного / абстрактного)»: *fill + full of powder / fish / wheat / wisdom*; «покрытие поверхности: *colour / dye / paint + red/blue etc.*;
- 3) «разрушение целостности, изменение формы объекта»: *break / chew / chop / cut / grind + small; burst + open; comb (one's hair) + broad; !!! drink, eat (one's belly) + full (of food); !!! laugh (oneself) + to death*;
- 4) «грубое физическое воздействие на объект»: *beat + black and blue / strike + almost blind / stamp + small*.

Расширение сферы употребления РК в среднеанглийский период носит отнюдь не спонтанный характер, но вызвано действием сил аналогии, где ассоциативные связи между типовыми сценариями (1) и (2) / (3) и (4) соответственно позволяют говорить о сходных онтологических ситуациях, используя единый языковой шаблон — в данном случае результативную конструкцию. Схематически аналогическое распространение типовых сценариев древнеанглийской эпохи (1) и (3) можно представить условным обозначением >>>, откуда: (1) >>> (2) и (3) >>> (4).

Особый интерес представляет этап аналогического распространения РК на предикаты некаузативной семантики — процессуальные предикаты (*drink, eat, laugh*), управляющие так называемым «ложным» объектом воздействия. Последний представляет собой «тень», часть субъекта и выражается существительным со значением органа тела субъекта действия или возвратным местоимением.

В ранненовоанглийский период (XVI–XVIII вв.) возрастает частотность употребления РК, она приобретает статус продуктивной синтаксической модели. Все типовые сценарии предшествующих эпох пополняются новыми глагольными предикатами, а также происходит дальнейшее аналогическое распространение РК на новые процессуальные предикаты с «ложным» объектом воздействия. По замечанию Ф.Т. Виссера, язык У. Шекспира изобилует результативными конструкциями с «ложным» объектом, а спектр возможных вариаций лексического наполнения РК уже к концу XVI века вполне сопоставим с современными возможностями РК. Приведём примеры (по Ф.Т. Виссеру [5]):

- ... *they drink themselves so drunk* (1522)
- ...*cry myself awake* (1611) >>>
- *a lover's eyes will gaze an eagle blind* (1688)

Последний пример вновь отмечает решительный «скачок» в развитии РК, где некаузативный предикат (*gaze*) в составе конструкции снова управляет «ложным»

объектом воздействия, который, более того, не связан с субъектом действия, не является его частью, но представляет собой опосредованный объект воздействия.

На современном этапе развития РК (новоанглийский период (XVIII–XXI вв.) все типовые сценарии предшествующих эпох успешно функционируют в системе языка. Являясь продуктивной синтаксической моделью, РК продолжает начатую ещё в древний период тенденцию к аналогическому распространению, испытывая в своей «синтаксической лаборатории» новые, ранее не зафиксированные в своей структуре предикаты. При этом, возникая первоначально как окказиональные употребления в речи, такие синтаксические инновации, по выражению Н.Ю. Шведовой, «режут слух всем, кто хорошо владеет сложившейся литературной языковой нормой» [4: с. 54]. Они могут не закрепиться, исчезнуть как избыточные, но также могут постепенно нормироваться и обогатить систему языковых средств. Приведём примеры:

- *Talk your child clever!* (www.thenewparentsguide.com).
- *The soldiers **slept** themselves sober* [1: с. 395].

Проиллюстрированное явление синтаксической аналогии подтверждает тот факт, что синтаксическая модель — это по своей природе живая ячейка языковой системы, внутренне изменчивая и постоянно подвижная; это своеобразная лаборатория, испытывающая и апробирующая методом аналогического распространения всё то новое, что возникает в речевой практике. С течением времени в систему языка из этой «лаборатории» переходит лишь то, что находит в системе языка своё особое место, оправданное коммуникативными потребностями языкового сообщества.

Библиографический список

Литература

1. *Вейхман Г.А.* Новое в грамматике современного английского языка: учеб. пособие для вузов / Г.А. Вейхман. – М.: Астрель, 2002. – 544 с.
2. *Кубрякова Е.С.* Размышления об аналогии / Е.С. Кубрякова // *Сущность, развитие и функции языка: сб. ст. / Отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания.* – М.: Наука, 1987. – С. 43–51.
3. *Цейтлин С.Н.* К вопросу об онтогенезе синтаксем / С.Н. Цейтлин // *Онипенко Н.К.* Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: УРСС, 2002. – С. 120–128.
4. *Шведова Н.Ю.* Действие процессов аналогии и контаминации / Н.Ю. Шведова // *Активные процессы в современном русском синтаксисе.* – М., 1966. – С. 53–75. – URL: <http://www.ksana-k.narod.ru/menu/rus/shvedova.html>, свободный.
5. *Visser F.Th.* An Historical Syntax of the English Language: in three parts / F.Th. Visser. – Part 2. – Leiden: E.J. Brill, 1963–1973. – 1306 p.

Справочные и информационные издания

6. *Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.

7. *Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary / J. Bosworth, T.N. Toller. – Oxford: Oxford University Press. – 1898 (main volume), 1921 (supplement). – 2069 p. – URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz>.
8. Corpus of Middle English Verse and Prose. – URL: <http://quad.lib.umich.edu/c/cme>.
9. Middle English Dictionary. – URL: <http://quad.lib.umich.edu/m/med>.
10. The York – Toronto – Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose. – URL: <http://www-users.york.ac.uk/~lang22/YCOE/YcoeHome.htm>.

References

Literatura

1. *Vejxman G.A.* Novoe v grammatike sovremennogo anglijskogo yazy'ka: ucheb. posobie dl'a vuzov / G.A. Vejxman. – M.: Astrel', 2002. – 544 s.
2. *Kubryakova E.S.* Razmy'shleniya ob analogii / E.S. Kubryakova // Sushhnost', razvitie i funkcii yazy'ka: sb. st. / Otv. red. G.V. Stepanov; AN SSSR, In-t yazy'koznaniya. – M.: Nauka, 1987. – S. 43–51.
3. *Cejtlin S.N.* K voprosu ob ontogeneze sintaksem / S.N. Cejtin // Onipenko N.K. Kommunikativno-smy'slovy'e parametry' grammatiki i teksta. – M.: URSS, 2002. – S. 120–128.
4. *Shvedova N.Yu.* Dejstvie processov analogii i kontaminacii / N.Yu. Shvedova // Aktivny'e processy' v sovremennom russkom sintaksise. – M., 1966. – S. 53–75. – E'lektronnaya versiya pechatnoj publikacii. – URL: <http://www.ksana-k.narod.ru/menu/rus/shvedova.html>.
5. *Visser F.Th.* An Historical Syntax of the English Language: in three parts / F.Th. Visser. – Part 2. – Leiden: E.J. Brill, 1963–1973. – 1306 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – 685 s.: il.
7. *Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary / J. Bosworth, T.N. Toller. – Oxford: Oxford University Press, 1898 (main volume); 1921 (supplement). – 2069 p. – URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz>.
8. Corpus of Middle English Verse and Prose. – URL: <http://quad.lib.umich.edu/c/cme>.
9. Middle English Dictionary. – URL: <http://quad.lib.umich.edu/m/med>.
10. The York – Toronto – Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose. – URL: <http://www-users.york.ac.uk/~lang22/YCOE/YcoeHome.htm>.

З. Хофман

Воспитание толерантности — мастер-класс работы с книгой «1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены»

В статье подробно описываются задачи и этапы проведения мастер-класса по работе с книгой, цель которого состоит в воспитании толерантности учащихся.

The article introduces the objectives and stages of holding a master class in a book-discussion aiming at training students in tolerance.

Ключевые слова: культура; толерантность; стена; мастер-класс.

Key-words: culture; tolerance; wall; master class.

Своё первое интервью российской прессе в мае 2008 г. министр культуры РФ А.А. Авдеев начал словами: «Через 25 лет от Мавритании до Афганистана демографическое подбрюшье Европы составит 1 миллиард людей. Половина из этого миллиарда — молодёжь. Половина из этой половины — миллионов двести пятьдесят — будут голодные люди с пустой головой, в том смысле пустой, что образования у них не будет. Они будут миграционно давить и на нас, и на Европу. Возникают новые стыки, новые соседства, не привычные и для тех, и для других. Эти новые соседства вызывают неадекватную эмоцию. Поэтому культура — важный элемент миротворчества. Культура — это элемент безопасности и мира сегодня» [1]. В связи с этим проблема толерантности является важным моментом воспитания современного поколения, вырастающего в условиях роста межнациональных миграционных процессов. Для проведения мастер-класса, посвящённого толерантности, была выбрана вышедшая в ноябре 2009 года книга издательства «КомпасГид» — «1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены». Её выход был приурочен к двадцатилетнему юбилею падения Берлинской стены — символа страха, ненависти и

вражды целого поколения. Но и после этого события люди в разных частях света не перестали возводить новые стены, менее символические, менее известные, менее заметные, но укрепленные на той же смеси ненависти, страха и недостатка воображения. Работа с данной книгой — это попытка понять, как можно преодолеть стены, которые нас окружают, или стены, которые выстроены у человека внутри него самого. Это — возможность задуматься и увидеть, что стены можно преодолеть и что и на самой высокой стене могут быть выступы, что иногда у человека за стеной вырастают крылья или что стена может стать прозрачной. Главная мысль представленной книги заключена в следующих словах: *«Если ты смотришь на кого-то и отводишь взгляд, ты строишь стену. Если ты смотришь другому в глаза и улыбаешься ему, ты строишь мост. Если ты говоришь с тем, кто непохож на тебя, и слышишь его, ты строишь мост и становишься богаче. Если ты не хочешь слушать его, ты строишь стену и прячешься за ней, одинокий и испуганный»* [2: с. 61].

Часть 1 — игровая:

В ходе мастер-класса учащимся, разделённым на 2 «команды», предлагается ситуативное возведение стены по следующему примерному сценарию: *Вы поссорились с другом, но продолжаете вместе сидеть за одной партией* (возможны и другие варианты ситуаций в зависимости от культурного или социального контекста группы).

Используемый материал: около 60 картонных блоков в разобранном виде, двусторонний скотч, разноцветные маркеры или иной «строительный» материал, иные ручки или краски.

1. Группа делится на две команды, которые по замыслу решили отгородиться от соседей через строительство стены из картонных блоков. Блоки крепятся между собой двухсторонним скотчем. Каждая из поссорившихся сторон занимает своё место по «свою» сторону стены.

2. Физический труд всех утомил. Вы присаживаетесь попить чай. В то же время труд остудил пыл «враждующих» сторон. Это удобный момент для приведения каждой из команд к мысли, что они были не совсем правы. Вдобавок очень грустно пить чай в одиночку.

3. Руководитель предлагает обдумать ситуацию, как помириться с друзьями. На этом этапе удобно собирать и записывать на доске разные варианты, предлагаемыми учащимися. Это могут быть, например, следующие предложения:

- можно послать письмо через стену и извиниться. В данной ситуации хотя бы не надо «противной» стороне смотреть в глаза;
- можно ответить, ведь другая сторона как «друг» тоже вела себя неправильно. В итоге через стену перелетают самолетик-записки.

4. На этом этапе руководителю необходимо подвести учащихся к следующему шагу: такая переписка малоэффективна! Хочется по-настоящему помириться, например, обнимать друзей, приглашать к себе, приглашать на чай и т.д. Вопрос заключается в том, как это сделать, ведь уже успели построить стену!

5. На этом этапе учащимся предлагается начать разрушить стену.
6. Как только становятся видны головы другой команды, можно:
 - друг другу улыбаться,
 - просить прощение друг у друга,
 - поздороваться за руку.
7. Разбирая стену дальше, можно, наконец, обняться, прощая друг другу обиду, а на уровне пояса, «парашета», «стола» можно друга угостить чаем. Совместное чаепитие прямо на «парашете».
8. Символический остаток стены можно оставить для обозначения личного пространства: укрываясь за ним, можно дать понять другу, что другой перешёл наши границы, что он нас обидел, вторгся в «наше» пространство, сделал нам больно. На этом этапе удобно акцентировать внимание учащихся на таких понятиях, как «дом», «семья», «государственная граница», и разделить понятия: стена «для укрытия» и стена «для разграничения».
9. Осваивая такие понятия, а также способы разграничения и преодоления разграничения, в дальнейшем можно урегулировать различные несогласия или даже конфликты по уже освоенному сценарию.
10. Дополнительный шаг: стена раскрашивается граффити и остаётся как знак напоминания о конфликте и его преодолении.

Часть 2 — чтение вслух рассказов из книги

Во второй части мастер-класса учащимся предлагается прочитать вслух два фрагмента из рассказов, вошедших в книгу, а именно: «Дети — тоже гражданские» Г. Бёлля и «Еврей из Андорры» М. Фриша.

Оба фрагмента демонстрируют как способы возведения стен — внешних и внутренних, так и их преодоление. По усмотрению ведущего можно выбрать и другие фрагменты, а в случае занятия иностранным языком можно предложить учащимся фрагменты на языке оригинала.

Часть 3 — обсуждение пройденного, услышанного и увиденного

В последней части учащимся предлагается вместе с ведущим мастер-класса обсудить пройденный материал, дать оценку собственным ощущениям, сформулировать пути преодоления стен, выстроенных по самым различным социальным и/или культурным признакам.

Целью обсуждения является понимание равной ценности людей с различным социальным и/или культурным происхождением.

Библиографический список

Источники

1. «Новый министр культуры России Александр Авдеев рассказывает о своих планах». – URL:<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/448595.html>, свободный.
2. 1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены: [для сред. и ст. шк. возраста] / Дидье Дененкс и др.; сост. Майкл Рейнольдс; пер. Т. Зборовской (нем.) и др.; илл. Хеннинга Вагебрета]. – М.: КомпасГид, 2010. – 96 с.

References*Istochniki*

1. «Novy'j ministr kul'tury' Rossii Aleksandr Avdeev rasskazy'vaet o svoix planax». – URL:<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/448595.html>, svobodny'j.
2. 1989. Desyat' istorij, kotory'e proshli skvoz' steny': [dlya sred. i st. shk. vozrasta] / Did'e Denenks i dr.; sost. Maikl Reinol'ds; per. T. Zborovskoj (nem.) i dr; ill. Henninga Vagebreta. – M.: KompasGid, 2010. – 96 s.

Парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы»

7 октября 2010 года в Государственной Думе состоялись парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы». В слушаниях принял участие профессор ИИЯ МГПУ, доктор филологических наук М.В. Дьячков.

Открывая слушания, председатель Комитета Госдумы по делам национальностей В.А. Купцов подчеркнул чрезвычайное значение обсуждаемой темы, поскольку ещё в 2001 году Россия подписала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств», которая до сих пор не ратифицирована. Тем не менее, по словам В.А. Купцова, в этот период времени были приняты эффективные меры, направленные на выполнение требований Хартии.

Заместитель министра регионального развития РФ В.А. Язев указал на важное значение сохранения в РФ языкового и культурного многообразия. По последним данным, в России проживает более 180 народов, которые используют в общении более 230 языков и диалектов. Задача современной государственной национальной политики состоит в укреплении духовной консолидации многонационального народа России в единую гражданскую нацию при обязательном сохранении этнокультурного и языкового многообразия. Причём в этом Россия может опираться на многовековой опыт межкультурного взаимодействия между народами Российского государства. Этот опыт нашёл отражение и в современном российском законодательстве. В преамбуле Закона «О языках народов РФ», принятого в 1991 году, впервые в истории российского законодательства говорится о том, что языки народов РФ являются национальным достоянием. Тем не менее, по словам В.А. Язева, ещё нет ответа на целый ряд вопросов, требующих анализа и консенсуса со стороны всех проживающих в РФ народов. Это относится, в частности, к определению статуса каждого отдельного языка

(государственный язык; язык, используемый в среднем или высшем образовании; язык повседневного общения и т.п.).

Заместитель министра регионального развития РФ М.А. Травников признал, что обязательства, накладываемые на страну-участницу Хартии, выполняются в РФ далеко не полностью. Как совмещать в конкретных условиях России механизмы, предусмотренные Хартией, с механизмами уже существующего и реализуемого в нашей стране законодательства? Это весьма существенный и деликатный вопрос, который российские специалисты решают в настоящее время совместно с коллегами из Совета Европы. В 2009 году Россия начала реализовывать совместную программу Совета Европы, Европейской Комиссии и Минрегионразвития РФ «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». Мы, в частности, анализируем возможное положительное, но также и возможное отрицательное воздействие принятия в РФ Хартии в том виде, в котором она достаточно эффективно действует в европейских государствах, но может оказаться не столь эффективной в условиях России.

Руководитель секретариата по вопросам Европейской хартии в Совете Европы А.С. Кожемяков считает, что «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» представляет собой уникальный документ, не имеющий аналога в международном законодательстве. Это особенно важно в тот момент, когда не только в Европе, но и во всём мире наблюдается этническая мобилизация и поиски этнической идентичности, непосредственно направленные на сохранение и более широкое использование языков меньшинств. В то же время не следует упускать из виду уникальность России с её числом этносов и языков, значительно превышающим число языков во всей остальной Европе. Достаточно сказать, что максимальное число языков меньшинств (18) заявлено в Румынии, а в других странах значительно меньше. Разве это можно сравнивать с числом и разнообразием этносов и языков в России?

Основной тезис выступления руководителя Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования О.И. Артеменко заключался в том, что жить вместе — это значит не только проявлять терпимость друг к другу, но и проникать в культуру и язык друг друга, осуществлять взаимное культурное и языковое обогащение.

Вице-председатель Комиссии экспертов по Европейской хартии Сигве Грамстад выразил мнение, что проведение данных слушаний было задумано и организовано под сильным давлением на Россию со стороны Совета Европы. Вопрос о возможности или невозможности принятия Россией тех или иных положений Хартии не является принципиальным. Россия могла бы принять только те положения, которые не вступают в противоречие с её законодательством и языковой политикой. Важно лишь то, чтобы Хартия была ратифицирована Россией и чтобы Россия, в конце концов, волилась в систему мониторинга сохранения и использования языков меньшинств.

Член Комиссии экспертов по Европейской хартии М. Хофманн рассказала о совместной работе российских и зарубежных экспертов в Республике Мордо-

вия и Алтайском крае по мониторингу региональной языковой политики и по мерам, направленным на сохранение и эффективное использование двух мордовских языков (эрзя и мокша), а также кумандинского и немецкого языков на Алтае.

В выступлениях других участников слушаний говорилось, в частности, о положительных сторонах российской языковой политики, о неизбежной необходимости адаптации текста Хартии к российским условиям, о некоторых несогласованностях в российском федеральном и региональном законодательствах. Например, если русский язык провозглашён государственным языком РФ в федеральном законодательстве, то зачем дублировать это положение в законах республик и одновременно провозглашать его государственным в каждой отдельной республике.

Резко критически прозвучало выступление представителя Татарстана Р. Валеева, по мнению которого в настоящее время в правоприменительной практике РФ наблюдается устойчивый отход от положений федеральной Конституции. В частности, совершенно необоснованным было включение в Закон о языках положения о том, что государственные языки республик в составе РФ могут использовать алфавиты только на русской основе. Это, по его словам, привело к срыву тщательно разработанной и финансово обеспеченной реформы орфографии татарского языка.

В заключение слушаний, которые длились четыре часа (а разве можно за столь короткое время поднять такой мощный пласт самых разнообразных проблем?), председательствующий В.А. Купцов тепло поблагодарил всех участников. Этими слушаниями, по его словам, сделан ещё один шаг, но шаг достаточно значимый, в направлении уточнения и более активной реализации языковой политики в нашей стране.

М.В. Дьячков

Вторая Белградская международная конференция специалистов по фонетике английского языка — ВІМЕР 2010

Филологический факультет старейшего на Балканах Университета г. Белграда, Сербия (Faculty of Philology, English Department, University of Belgrade, Serbia) 24–25 марта 2010 года принимал участников Второй Белградской международной конференции специалистов в области фонетики английского языка (Second Belgrade International Meeting of English Phoneticians, ВІМЕР-2010). Первая конференция фонетистов английского языка по инициативе организаторов состоялась в марте 2008 года в Университете г. Белграда.

Цель конференции заключалась в обмене теоретическими знаниями и педагогическим опытом учёных-исследователей, а также преподавателей-практиков, занимающихся различными аспектами английской фонетики.

В конференции участвовали 29 специалистов из 11 стран Европы (Австрии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Великобритании, Венгрии, Испании, Македонии, России, Сербии, Словении и др.), а также Японии. Официальным языком конференции был английский.

Программа конференции включала 2 пленарные лекции, а также 27 докладов, тематика которых отражала многогранность и актуальность фонетических исследований в современной науке. Так, профессор фонетики Дж. Уэллс (J.C. Wells, University College, London, UK) прочитал лекцию на тему «Предпочтения в произношении и 3-е издание «Произносительного словаря» издательства «Лонгман» («Pronunciation Preferences and LPD3»). Профессор Т. Панович (Tatjana Paunović, University of Niš, Serbia) представила лекцию на тему «Количественные методы в фонетических научных исследованиях» («Qualitative Method in Phonetic Research — a Contradictio in Adjecto?»).

В докладе профессора И.П. Твердохлебовой (МГПУ, Институт иностранных языков, кафедра фонетики английского языка) на тему «Педагогические требования к курсу практической фонетики для будущих учителей английского языка» («Beyond the Segmental Level: Pedagogical Requirements for Future EFL Teachers Practical Phonetics Course») был представлен многолетний опыт создания системы фонетической подготовки студентов-специалистов в Московском городском педагогическом университете.

Старший преподаватель Ю.А. Арямова (МГПУ, Институт иностранных языков, кафедра фонетики английского языка) выступила с докладом «Просодическая интерференция как ключевой фактор негативного восприятия профессионального дискурса международных авиалиний» («Prosodic Interference as the Key Factor for Negative Perception of International Airlines Professional Discourse»), представляющим результаты её диссертационного исследования и имеющим важное прикладное значение.

Острую дискуссию вызвали вопросы восприятия регионально окрашенной речи на английском языке («The assessment of foreign accent by native and non-native judges» Francisco Gallardo del Puerto, University of the Basque Country; Esther Gómez Lacabex, University of the Basque Country; María Luisa García Lecumberri, University of the Basque Country), а также методические вопросы чтения курсов по теоретической фонетике для программы бакалавриата («Methodological issues in assessing L2 perceptual phonological competence» Joan C. Mora, University of Barcelona).

Важным результатом участия наших преподавателей в конференции явилось установление научных контактов, реализовавшихся при проведении фонетических исследований на факультете английской филологии МГПУ. Впервые за историю существования кафедры фонетики английского языка была использована электроакустическая система обработки звуковой информации PRAAT при систематизации данных выпускных квалификационных работ Ю.С. Горской «Особенности просодической реализации иронии и юмора в английской публицистической речи (на примере юмористического сериала «Yes, Minister»)», Т.А. Вихровой «Эмоционально-выразительные фонетические средства в речи детей (на материале английского языка)» и О.Е. Егоровой «Анализ просодических характеристик маркеров дискурса в публичной речи американских политиков». Независимые эксперты Международного фонетического сообщества приняли участие в оценке данных, полученных в работе М.В. Сердцева «Фонологические особенности этнически окрашенной речи британских подростков».

Участники Второй Белградской международной фонетической конференции подчеркнули необходимость укрепления и расширения международных профессиональных и творческих связей в области теории и практики исследования и преподавания фонетики английского языка и поддержали идею дальнейшего проведения международного форума фонетистов в Белграде.

*И.П. Твердохлебова,
Ю.А. Арямова*

**Диссертации,
защищённые в Докторском
диссертационном совете ДМ 850.007.08
Института иностранных языков МГПУ
(2009–2010 гг.)**

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Скорнякова Раиса Михайловна. *«Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира»*. Специальность 10.02.19. — теория языка. Научный консультант — доктор филол. наук, проф. Пищальникова Вера Анатольевна. Защита состоялась 25 марта 2010 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Диссертация посвящена разработке принципов лингвокультурологического моделирования языковой картины мира. Обоснование принципов осуществляется на примере комплексного лингвистического моделирования структуры и содержания фрагмента немецкой и русской языковой картины мира (трудовая деятельность), который рассматривается как специфический вид функциональной системы. Разработанные принципы лингвокультурологического моделирования картины мира касаются как устройства самой функциональной системы (принципы функциональной системности, иерархичности, стабильности / вариативности), так и специфики концепта как лингвокультурологической единицы, сконструированной моделирующим субъектом — исследователем (принципы интегративности, репрезентативности и интерпретативности).

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Долгова Елена Викторовна. *«Дискурсивные и коммуникативные особенности речевого жанра «Портрет делового человека» (на материале русского и английского языков)»*. Специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — кандидат филол. наук, доцент Пастухов Александр Гаврилович. Защита состоялась 24 ноября 2010 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

В диссертации определено место речевого жанра «Портрет делового человека» (далее — ПДЧ) в дискурсивном континууме в свете теоретических разработок отечественных и зарубежных учёных, дано системное описание конкретного жанра с привлечением ранее не заявленного эмпирического материала, выявлены основные конститутивные признаки речевого жанра ПДЧ и рассмотрены его лингвистические, информационные и культурологические составляющие. В исследовании представлена дискурсивная модель речевого жанра «Портрет делового человека», отражающая существенные дискурсивные характеристики: типовые участники, хронотоп, цели, стратегии. Изучение дискурсивного фона в качестве методологической базы позволило наиболее чётко выделить рекуррентные коммуникативные признаки исследуемого жанра, а также те, которые отражают его специфику как в плане языкового материала, так и в отношении его содержания, структуры и композиции.

Кегеян Светлана Эриховна. *«Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма)».* Специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Ворожбитова Александра Анатольевна. Защита состоялась 15 октября 2009 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

В диссертационном исследовании выявлена специфика лингвориторических параметров большевистского дискурса в массиве прецедентных текстов его продуцентов — вождей-идеологов. Впервые массив текстов вождей-идеологов большевизма в качестве прецедентных исследован в лингвориторической парадигме, на пересечении терминологических координат антропоцентрической лингвистики и неориторики. В исследовании охарактеризованы теоретико-методологические основы анализа политического дискурса, в том числе тоталитарного дискурса как его особого типа. Рассмотрена лингвориторическая парадигма как интегративный подход к исследованию идеолого-мировоззренческих аспектов жизнедеятельности человека, отражённых в языке. Проанализированы в качестве прецедентных для большевистского дискурса тексты В.И. Ленина, И.В. Сталина, а также «Азбука коммунизма» как образец «учебно-пропагандистского жанра» данного типа дискурса.

Котова Юлия Александровна. *«Концептуализация огня в языковой картине мира».* Специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Сулейманова Ольга Аркадьевна. Защита состоялась 10 июня 2010 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Работа посвящена анализу характера концептуализации *огня* в естественном языке. Исследована когнитивная структура концепта «огонь», а также существительные *огонь, пламя, пожар, костер, fire, flame, flames, blaze, flare*, репрезентирующие исследуемый концепт. В работе использовалась инновационная экспериментальная методика исследования — гипотетико-дедуктивный метод. По-новому представлен характер концептуализации *огня* в естественном языке и его реализация в английской и русской языковой картине мира. Применительно к задачам исследования в работе выявлены новые признаки, релевантные для концептуализации *огня* в естественном языке; разработан спе-

циальный метаязык описания (например, введено и определено метапонятие *абстрагированность* события от «материала»/источника горения), предложена новая интерпретация таких метапонятий, как *открытое/закрытое пространство* и *психосоциальная среда*. Проведённое исследование позволило уточнить существующие представления в области репрезентации одного из ключевых лингвокультурных концептов.

Македонцева Анита Мартиновна. *«Лингвопрагматические характеристики англоязычных креолизованных рекламных текстов малого формата»*. Специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — кандидат филол. наук, доцент Давиденко Татьяна Григорьевна. Защита состоялась 10 июня 2010 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и посвящено комплексному описанию структурно-семантических и коммуникативно-прагматических характеристик англоязычных креолизованных рекламных текстов с целью подтверждения общих и разработки конкретных положений типологического описания выделенной разновидности рекламного дискурса.

Результаты исследования способствуют дальнейшему уточнению имеющихся на сегодняшний день представлений о специфике рекламного текста, о вариативности такого лингвистического явления, как текст малого формата, о семантике и прагматике креолизованных текстов.

Махов Алексей Сергеевич. *«Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов»*. Специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — кандидат филол. наук, доцент Беляева Мария Вячеславовна. Защита состоялась 27 апреля 2010 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Диссертация представляет собой первый опыт комплексного типологического описания художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов. Основанием для выявления специфики гипертекста как нового письменного текста является сравнение его категорий с категориями традиционной текстуальности. Предметом исследования диссертации является структура и принцип структурирования содержания немецкоязычного художественного гипертекста в сети Интернет. Целью исследования явилось создание типологии художественных немецкоязычных дисперсных гипертекстов, а также исследование структурных элементов гипертекста и анализ различных типов связи между частями гипертекстов.

Титова Ольга Константиновна. *«Вьетнамизмы в англоязычном описании вьетнамской культуры (на материале аутентичных текстов)»*. Специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Прошина Зоя Григорьевна. Защита состоялась 25 февраля 2010 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

В исследовании выявлены слова вьетнамского происхождения в английском языке, роль которого в современном мире стала беспрецедентной и который всё шире используется для передачи локальных культур. В работе рассмотрена история англо-вьетнамских культурно-языковых контактов; выявлены закономерности фонографического, морфологического и семантического освоения вьетнамизмов; описаны особенности их передачи с английского языка как языка-посредника на русский язык; сделано лингвокультурологическое описание фрагмента опосредованной английским языком картины мира вьетнамского этноса.

Трухановская Наталья Сергеевна. *«Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия)»*. Специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Сулейманова Ольга Аркадьевна. Защита состоялась 24 декабря 2009 г. в Диссертационном совете Д 850.007.08 при ГОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и посвящено изучению способов концептуализации, а также регулярных расхождений в способах концептуализации денотативной ситуации. Глагольная метонимия исследуется как концептуальная структура, системно регулирующая механизмы смены угла зрения, что позволило внести значительные уточнения в существующую типологию глагольной метонимии, на базе которой разработана система межязыковых метонимических корреляций в сфере предиката. В области семантического анализа на основании выделенных семантических признаков получены новые уточнённые семантические описания глаголов с общим значением физического воздействия.

Л.Г. Викулова



**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
2011, № 1 (7)**

Абрамова Галина Сергеевна — ассистент кафедры фонетики английского языка Института иностранных языков МГПУ; аспирант кафедры фонетики английского языка Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: ab.galina@googlemail.com

Арямова Юлия Александровна — старший преподаватель кафедры фонетики английского языка Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: juliaaryamova@rambler.ru

Ахмерова Анастасия Валерьевна — аспирант кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

E-mail: aakhmerova@mail.ru

Балкунова Александра Сергеевна — аспирант кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

E-mail: chinchona@mail.ru

Баранова Ксения Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Виклова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зам. директора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Дьячков Марк Владимирович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики английского языка Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: markdiachkov@yahoo.com

Ионова Анна Михайловна — старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО, соискатель кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: anna.ionova@bk.ru

Корзун Оксана Олеговна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: korzun_oksana@mail.ru

Костева Виктория Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков МГПУ.

E-mail: kostevavm@rambler.ru

Кулагина Ольга Анатольевна — ассистент кафедры второго иностранного языка МПГУ, аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: lynxik@yandex.ru

Маркосян Аида Суреновна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: krunk@mail.ru

Михайлова Елена Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного университета.

E-mail: emikhailova@yandex.ru

Михайлова Светлана Владиславовна — старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики, соискатель кафедры романской филологии Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: jevouslis@mail.ru

Морженкова Наталия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com

Синицына Мария Александровна — учитель иностранного языка ГОУ СОШ № 1739, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: ms905@mail.ru

Собянина Валентина Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: valensob@mail.ru

Титова Ольга Анатольевна — старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: titov-pv@yandex.ru

Твердохлебова Ирина Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры фонетики английского языка, заведующая кафедрой фонетики английского языка Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: irinamgp@dol.ru

Фетисова Анастасия Александровна — старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: anastasia_fe@yahoo.com

Ходькова Алла Петровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: Alla-Khodkova@yandex.ru

Хофманн Забине — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: sabinehofmann@mail.ru

Чикало Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка Института иностранных языков МПГУ.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

«MCPU Vestnik» Authors, 2011, № 1 (7)
Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

Abramova Galina Sergeevna — assistant professor of English Phonetics department, Modern Languages Institute of MCPU; postgraduate student of English Phonetics department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: ab.galina@googlemail.com

Aryamova Yulia Alexandrovna — assistant professor of English Phonetics department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: juliaaryamova@rambler.ru

Akhmerova Anastasiya Valeryevna — postgraduate student of Linguistics and Translation department, Nizhnevartovsky State Humanitarian University.

E-mail: aakhmerova@mail.ru

Balkunova Alexandra Sergeevna — postgraduate student of Linguistics and Translation department, Nizhnevartovsky State Humanitarian University.

E-mail: chinchona@mail.ru

Baranova Ksenia Mikhailovna — PhD, docent, professor of English Philology department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Modern Languages Institute, MCPU, professor of Roman Philology department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Dyachkov Mark Vladimirovich — Doctor of Philology, full professor, professor of English Phonetics department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: markdiachkov@yahoo.com

Ionova Anna Mikhailovna — assistant professor of German department, MSIIR, post-graduate student of Roman Philology department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: anna.ionova@bk.ru

Korzun Oksana Olegovna — PhD, docent of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: korzun_oksana@mail.ru

Kosteva Victoria Mickailovna — PhD, docent, associate professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: kostevavm@rambler.ru

Kulagina Olga Anatolievna — assistant professor of Second Foreign Language department of Moscow State Pedagogical University, post-graduate student of Roman Philology department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: lynxik@yandex.ru

Markosyan Aida Surenovna — Doctor of Pedagogy, docent, professor of French Language and Linguodidactics department, Modern Languages Institute of MCPU.

E-mail: krunk@mail.ru

Mikhailova Elena Nikolaevna — Doctor of Philology, full docent, professor of French department of Belgoprodsy State University.

E-mail: emikhailova@yandex.ru

Mikhailova Svetlana Vladislavovna — assistant professor of French and Linguodidactics department; postgraduate student of Roman Philology department of Modern Languages Institute, MGPU.

E-mail: jevouslis@mail.ru

Morzhenkova Nnataliya Viktorovna — PhD, docent, associate professor of West European Languages and Translation Theory department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com

Sinitsyna Maria Alexandrovna — A foreign language teacher in compulsory school № 1739, post-graduate student of Theoretical and Applied Linguistics department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: ms905@mail.ru

Sobyanuna Valentina Alexandrovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: valensob@mail.ru

Tverdohlebova Irina Petrovna — PhD, docent, professor of English Phonetics department, Modern Languages Institute of MGPU, Head of English Phonetics department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: irinamgp@dol.ru

Titova Olga Anatolyevna — assistant professor of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: titov-pv@yandex.ru

Fetisova Anastasiya Alexandrovna — assistant professor of English Philology department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: anastasia_fe@yahoo.com

Khodkova Alla Petrovna — PhD, docent, associate professor of French and Linguodidactics department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: Alla-Khodkova@yandex.ru

Hofmann Sabine — assistant professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: sabinehofmann@mail.ru

Chikalo Natalia Alexandrovna — assistant professor of English Grammar and History department, Modern Languages Institute of MGPU.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). При использовании латинского алфавита обозначения набираются латинскими буквами — в курсивном начертании. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовков — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается приставным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 – 2003 «Библиографическая запись» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из приставного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Key words) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казенный пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 1 (7), 2011

Главный редактор:
директор Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
проректор ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор *О.А. Радченко*

Составитель:
заместитель директора Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор *Л.Г. Викулова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
М.В. Чудова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 25.04.2011 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.
Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.